

М. М. Плисецкий

Историзм
русских
былин

М. М. ПЛИСЕЦКИЙ

ИСТОРИЗМ РУССКИХ БЫЛИН

*Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для государственных университетов
и педагогических институтов СССР*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»

Москва — 1962

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Народность героического эпоса первобытно-общинного и раннефеодального общества	11
Глава вторая. Становление исторической концепции в изучении былевого эпоса	50
Глава третья. О различных взглядах на историзм былин . . .	86
Глава четвертая. Степень устойчивости сюжетов и текстов в устном бытоворении	115
Глава пятая. Вопросы развития эпоса в условиях возникновения государственности	126
Глава шестая. О стилях героического эпоса различных эпох .	151
Глава седьмая. Географические наименования в былинах . .	160
Глава восьмая. Отражение социальных отношений раннефеодального общества в былинах	193
Глава девятая. Былевой эпос как отражение событий периода Киевской Руси	218

В В Е Д Е Н И Е

Б

ольшое воспитательное значение героического эпоса оценено еще не в должной мере. Мы поражаемся силе заложенного в былинных образах патриотического чувства, однако не всегда достаточно учитываем ту роль, которую уже в далеком прошлом сыграл героический эпос в истории нашей Родины как средство познания действительности и как пламенный пропагандист патриотизма. Естественно, что мы больше говорим о той роли, которую имеет эпос в наши дни, но необходимо разобраться и в том, какое же социально-политическое значение имел он в прошлом, ибо для того, чтобы знать прошлое, нужно выяснить все то, что в свое время воспитывало народ, влияло на формирование его мировоззрения.

В условиях отсутствия печати и существования лишь письменности, благами которой могла пользоваться только незначительная часть населения, народное творчество занимало особо важное место, распространяя в массах передовые демократические идеи, возникавшие в недрах народных. Героический эпос постоянно в течение многих веков вдохновлял русских людей на борьбу

со всяkim угнетением, поднимал на защиту родной земли.

Советская историческая наука в общем с большим вниманием относится к героическому эпосу как к историческому источнику. Многие советские историки довольно смело привлекают фольклорный материал при исследовании конкретных проблем. Так, авторы большого коллективного труда «Очерки истории СССР» указывают на верность народной оценки значения периода Киевской Руси в истории страны; они неоднократно ссылаются на былины, освещая такие вопросы истории X—XIII вв., как развитие идеи единства Русской земли, укрепление патриотизма в мировоззрении масс, древние русско-эстонские связи, борьба Судака (Сурожа) с татарами и др.¹ Так же удачно привлекают авторы этого труда материалы эпоса других народов нашей Родины — «Сасунских храбрецов»² и «Калевалы»³. Следует пожалеть о том, что в первых двух томах этого труда не использованы такие богатые эпосы, как таджикский, бурят-монгольский, азербайджанский, казахский, киргизский, украинский, эстонский и другие. «Очерки истории СССР» не представляют собой исключения в советской исторической науке. Виднейший советский историк Б. Д. Греков считал, что былины сохранили память о «ценнейших и древнейших» фактах «из жизни народной». «Былина — это история, рассказанная самим народом», — говорит он⁴.

В. В. Мавродин при помощи былин о Вольге объясняет некоторые данные летописей и иноземных источников об Олеге. Так же внимательно ученый исследует путь Ильи Муромца, привлекает былевой эпос для характеристики исторических лиц — Добрыни и Владимира Святославича. Для изучения еще одного летописного лица — Путяти М. Тихомиров пользуется былиной о Соловье Будимировиче и Забаве Путятишне⁵. Особенно интенсивно занимается изучением былин как ис-

¹ Очерки истории СССР, т. I, М.—Л., 1953, стр. 259, 770, 253, 141, 692; т. II, стр. 443.

² Там же, т. I, стр. 622, 632.

³ Там же, стр. 702—706.

⁴ Б. Греков. Киевская Русь, Л., 1953, стр. 7 и 10; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 290.

⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, М., 1946, стр. 221.

торического источника, сохранившего память о людях и конкретных событиях Киевской Руси, акад. Б. А. Рыбаков. Им написана специальная работа на эту тему¹. Множество ссылок на материал былин для характеристики тех или иных сторон культуры и быта Киевской Руси находим и в другой большой коллективной работе советских историков, посвященной культуре древней Руси². Можно было бы во много раз увеличить количество подобных примеров, но уже и без того ясно, что русские былины представляют собой ценнейший источник для изучения истории нашей Родины и, в частности, периода Киевской Руси. Вполне понятно, что наша фольклористика должна оказывать всемерное содействие советской исторической науке в этом вопросе; ведь специальное исследование конкретной былины историком, как правило, должно сочетаться с анализом ее методами фольклористики. Былина как явление *устной* художественной традиции не может быть глубоко исследована простым сближением ее образов с различными историческими документами; необходим *фольклористический* анализ с учетом особенностей устного бытования произведения в течение ряда эпох, с одновременными проверочными наблюдениями над поэтикой произведения, сопоставлением с художественной литературой эпохи, лингвистическим разбором и проч.

Изучение исторического значения русских былин является одной из первоочередных задач советской фольклористики. Без правильного понимания историзма былевого эпоса невозможно по-настоящему глубоко разобраться в идейном содержании конкретных былин, их воспитательном значении в различные периоды, их эстетической ценности. Принципиально правильно в основу понимания всего жанра былевого эпоса положить прежде всего верное представление о социальных условиях его исторического зарождения и дальнейшей эволюции в связи с изменением общественно-экономических отношений, развитием культуры, языка, эстетических воззрений широких масс народа.

Как известно, в фольклоре больше, чем во многих

¹ Первая часть этой работы опубликована, см. «История СССР», 1961, № 5, стр. 141—166.

² История культуры древней Руси, т. I. Домонгольский период. I. Материальная культура, М.—Л., 1948.

других областях жизни, старое существует рядом с новым. Это не допускает изучения традиционного произведения с учетом лишь времени его записи, либо его поздних деталей, бросающихся в глаза. Владимир Ильич Ленин в беседе с Бонч-Бруевичем указывал, по сути, на отражение в фольклоре народного «мирозерцания в разные эпохи»¹ Н. Крупская писала: «Нельзя фольклор брать также «вне времени и пространства», очень важно научиться определять, к какой эпохе относится то или иное произведение, к какому району; важно установить, какой слой населения создал то или иное произведение»². Если мы хотим действительно глубоко изучить идейное содержание и общественное значение традиционного произведения, то обязаны добиться выяснения его первоначальной сущности и первоначальной тенденции (очень часто это вполне возможно), а затем выяснить, применяя различные приемы, и его исторические переосмысления, их причины, их направленность, зависимость содержания и формы от эпохи создания произведения. Не следует отказываться от поисков более древней основы изучаемых образов и сюжетов до тех пор, пока не будет выяснено, что эти поиски в глубину оказываются бесплодными. Раскрыть связи произведения с теми или иными периодами можно путем сопоставления его образов не только с общественными отношениями, бытом, историческими событиями, народной психологией конкретного периода, но и с поэтикой и языком, характерными для народного творчества этой поры в целом.

Нужно ли добавлять, что изучение образов должно быть всесторонним, для чего необходимо привлекать всевозможные материалы, в частности требуется обзор всех известных вариантов произведения, а не произвольный отбор основной «старейшей» версии произведения (как это часто делали даже крупные дореволюционные исследователи). Раскрывая разновременные наслоения в произведении, необходимо учитывать, что во все периоды произведение должно было обладать *идейным единством*, либо, по крайней мере, сказитель или певец,

¹ В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве, «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 120.

² Н. К. Крупская. Об учебнике по литературе. Избранные педагогические произведения, М., 1955, стр. 758.

внося те или иные большие или малые изменения, стремился сохранить идейное единство былины, иначе она была бы разрушена.

Методология советской фольклористики, признавая всякую истину конкретной, требует конкретно-исторического подхода при изучении явлений. «Диалектика включает историчность», — писал В. И. Ленин¹. Учитывая тот факт, что общественное сознание в условиях существования классов является классовым, марксистская наука о народном творчестве требует постоянного учета конкретных форм классового сознания, характерных для тех или иных социальных групп. Естественно, поэтому, что, рассматривая эпос раннефеодального периода, мы не можем закрывать глаза на отражение в нем элементов классовой борьбы.

Итак, изучение эпоса не в его поздних дошедших до нас вариантах, а в историко-конкретном разрезе, является необходимым условием для выяснения путей развития мировоззрения народных масс, их стремлений и чаяний в течение столетий, а также законов развития народной памяти и народной фантазии. На основании этих данных будет значительно дополнена и углублена история развития общественной мысли.

Изучение исторического значения былин весьма важно для углубления нашего понимания других жанров народного творчества. Ведь анализ исторического фольклора, имеющего часто совершенно ясное историческое приурочение, должен предоставить вехи для выяснения определенных элементов в бытовой лирике, балладах, легендах, сказках, например может указать на время возникновения тех или иных особенностей народной поэтики. Иначе говоря, изучение всего народного творчества должно получить добавочную опору в выясненных путем анализа исторического фольклора процессах народного художественного познания.

Понятие историзма былевого эпоса мы трактуем широко. При изучении такого эпоса, как русские былины, которые сами требуют, чтобы их считали связанными с конкретной эпохой, местностью, событиями, нельзя ограничивать представление об их историзме данными об общественных отношениях и деталях быта, ка-

¹ Ленинокий сборник, XI, М.—Л., 1929, стр. 384.

сающихся различных эпох. Былина — это не сказка, и, если говорить о жанре в целом, не догосударственный эпос. Его историческая ценность еще более велика. Речь должна идти об отражении в былинах социальных условий жизни народных масс в прошлом, изменении их психологии на протяжении веков, повествовании о событиях и описании лиц, приметных с точки зрения масс.

Мы не можем претендовать на полноту выявления образов всех исторических периодов, отразившихся в русском эпосе. Предлагаемая вниманию читателей книга направлена, прежде всего, на выяснение вопросов генезиса былин и отражения в былинах этапов возникновения, и в особенности расцвета этого эпоса, т. е. периода Киевской Руси и предшествовавших столетий. Что касается отражения в былинах более поздних этапов, то об этом в последнее время написано довольно много (см., например, «Русское народное поэтическое творчество» Института русской литературы АН СССР, вышедшее в 1953—1956 гг.).

Автор подходит к проблеме историзма эпоса с различных сторон и освещает его в самых различных аспектах. В книге рассматривается общая проблема развития эпоса в условиях возникновения государственности и классов, т. е. условия создания исторического эпоса; кратко освещена проблема устойчивости фольклорных текстов в устной традиции (высказываемые порой скептические взгляды на возможность сохранения в народе в течение сотен лет текстов устнopoэтических произведений имеют своей причиной неверное понимание этой проблемы); поставлен вопрос о поэтике как средстве исторического приурочения эпических произведений. К рассмотрению этих широких методологических проблем эпоса примыкает в нашей работе и освещение проблемы народности эпоса, без правильного понимания которой невозможен верный подход к его образам, являющимся не просто механическим копированием фактов действительности, а их отражением сквозь призму народного сознания. В специальных главах рассмотрены вопросы отражения в былинах социальных отношений в Киевской Руси, конкретных исторических событий и лиц, а также географии, с которой имеют дело былины и которая также связана прежде всего с киевским периодом.

По затронутым проблемам в прошлом было высказано много ценных, спорных или совсем неосновательных соображений. Они все пересмотрены нами. Немало положений, выдвинутых разными авторами, хорошо аргументированных или подтверждающихся нашими новыми данными, было нами критически принято. Ошибочные соображения разных авторов были отвергнуты только после серьезной проверки. К сожалению, размеры книги не дают возможности со всей полнотой передать аргументацию, касающуюся вопросов, связанных с историзмом эпоса. Автор просит читателя учесть этот факт. Добиваясь убедительности разрешения проблемы историзма былин, автор стремился вызвать у советских читателей интерес и уважение к историческому содержанию, значению и дальнейшему укреплению исторического подхода к изучению былевого эпоса.

* * *

В приведенных фольклорных и старинных письменных текстах произведены общепринятые в нашей литературе упрощения: ъ оставлен лишь в средине слова, ъ заменено на е, і — на и. В украинских текстах ъ, и, ё — заменены і.

Глава первая

НАРОДНОСТЬ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА
ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО
И РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

сновной задачей изучения героического эпоса по сути является выяснение его народности, проявляющейся как в его идейном содержании и направленности, так и в образной форме — в характеристиках, в композиции и языке, изобразительных средствах и ритмических закономерностях. Всестороннее исследование народности героического эпоса и раскрывает важнейшие закономерности эстетического освоения человеком действительности, так как в результате устного бытования в народных массах фольклорные образы были очищены от всего антихудожественного, субъективного. «Ни в чем другом, — писал армянский классик Ованес Туманян, — народы не отражают себя так просто и ясно, как в своем национальном эпосе»¹.

¹ О. Туманян, Освобождение богатыря, Избр. соч., Ереван, 1950, стр. 482.

Известно, что основоположниками учения о народности литературы были великие русские революционеры-демократы и прежде всего Белинский и Добролюбов.

Белинский, Добролюбов и Чернышевский первыми приступили и к исследованию народности эпоса. «Народность есть одно из основных условий эпической поэмы», — писал Белинский¹. В рецензии на книгу Ю. Венелина он дал высокую оценку героическим поэмам, созданным народом, и резко отмежевал их от таких «заказных», «нарочных... по части героизма» поэм, как «Энеида», «Освобожденный Иерусалим», «Генриада», «Россиада», художественные и эпические достоинства которых он тогда отрицал².

Добролюбов свою работу «О степени участия народности в развитии русской литературы» в значительной мере основывал на тех чертах народности, которые он установил в фольклоре. Чернышевский дал глубокую трактовку народного характера эпоса «Кёр-оглы».

Народность искусства, как известно, есть понятие историческое. Народность различна для различных эпох, ибо изменялись экономические, политические и духовные условия жизни народа, а вместе с тем изменялись и сами массы, менялся народ. Однако при всех различиях народности искусства на разных этапах развития общества, при всех национальных различиях народов, самым характерным для всякого истинно народного героического эпоса является отражение в нем стремлений и надежд трудящихся масс, их постоянной борьбы за лучшее будущее, за достижение счастья, оптимистическая вера в свою конечную победу в этой борьбе. Героический эпос, отражая народное мировосприятие и миропонимание, являясь орудием народных масс в их жизненной борьбе, может рассматриваться как один из самых наглядных примеров народности художественных образов. Естественно, что те идеи героического эпоса, которые выражали стремление бороться за интересы коллектива, уважение и любовь к нему, свободолюбие, мужество, несгибаемость в этой борьбе всегда были проявлением народности.

¹ В. Белинский. Разделение поэзии на роды и виды, Полн. собр. соч., т. V, изд-во АН СССР, 1954, стр. 37.

² В. Белинский. О характере народных песен у славян западнодунайских, набросано Ю. Венелиным, Там же, т. II, 1953, стр. 65.

Мы не можем здесь рассматривать народность героического эпоса на всех этапах его существования, ибо тема эта слишком велика. Мы постараемся лишь кратко характеризовать народность эпоса периода раннего феодализма и предшествующего исторического этапа. Сделать это необходимо для того, чтобы как бы наметить канву, на фоне которой легче будет разобраться в содержании и форме всего былинного жанра и его отдельных произведений.

Народный эпос первобытнообщинного строя является сокровищницей обобщения жизненного опыта; героический эпос создавался человечеством как одно из средств освоения действительности. Образы борьбы человека в интересах общины со злыми силами природы, персонифицированными в виде различных чудовищ и духов, принадлежат к числу характернейших для раннего эпоса. Это общеизвестно. Из бесконечного количества возможных примеров, упомяну хотя бы тех чудовищных львов, дэвов, змеев, с которыми борются герои армянского эпоса Мгер Старший и Давид Сасунский. Основным содержанием якутского «Олонхо» являются подвиги богатырей в их борьбе со злыми духами за счастье «людей солнечной страны». Характерно, что в русских былинах таких демонических образов относительно не так много. Это — змей и чудовищная баба, с которыми сражается Добрыня, змей былин о Потыке, сказочные звери на заставах былин о Дюке Степановиче, морской царь былины о Садко, Тугарин, Идолище поганое, может быть Соловей-разбойник и некоторые другие. Образы людей противостоят в эпосе стихийным силам природы. Персонификация этих сил в образах высшей и низшей демонологии — вполне в духе мифологии, господствовавшей в сознании людей. Многие из перечисленных образов имеют уже и исторические черты, может быть, более поздние, нежели время возникновения самих образов; в дошедшем до нас виде они символизируют уже не силы природы, а являются символом исторического врага Руси (Тугарин, Идолище) или устаревшей религии (змей былин о Добрыне).

Уже в доклассовый период получают развитие образы мирного труда, обогащающего общину, обеспечивающего ей лучшие условия существования, ибо труд и рас-

пределение его продуктов в эту эпоху были общественными. Герои карело-финских рун «Калевалы» трудятся: Вайнемейнен строит лодки, делает музыкальные инструменты, занимается земледелием, Ильмаринен — идеальный кузнец (образы идеальных кузнецов, между прочим, характерны и для восточнославянских обрядовых песен). Калеви-поэт, легендарный родоначальник эстонского народа, будучи полубогом и королем, пашет землю, строит дома для неимущих. Все главные герои армянского эпоса — сасунские богатыри — трудятся, хотя являются правителями страны. Санасар и Багдасар своими собственными руками строят город для бедняков и крепость для их защиты, Мгер Старший, охотясь, доставляет сасунцам пищу, Давид пасет стада, бережет при этом каждую крестьянскую коровенку, добывает пищу для пастухов-побратимов, пашет землю для угостивших его пахарей.

Все эти герои являются людьми труда и в то же время часто занимают высокое положение в обществе, так как — это указано еще Гегелем — воспеваемый герой должен обладать индивидуальной свободой¹.

Русские былины дают замечательные образы труда, свидетельствующие об органической народности этого жанра. Напомним хотя бы образ Ильи Муромца, вырывающего деревья для их сожжения на ниве (образы подсечного земледелия). Еще более интересен изумительно поэтический образ пахаря Микулы Селяниновича, подобного которому трудно отыскать в других эпосах. Чудесно выражена в этой былине крестьянская мечта о богатом урожае, параллели к которой можно найти в образах карело-финского эпоса² и эпилоге «Сасунских богатырей». Можно сказать, воинствующей народностью отмечены в этой былине превосходства крестьянина над княжеским сословием. Впрочем, само это противопоставление свидетельствует о принадлежности данных образов уже к классовому обществу. Отметим еще в русских былинах образы охотящихся богатырей (Сухман, Данило Ловчанин и др.), которые занимаются этим трудом не для удовольствия. Общественно целенаправлен-

¹ Гегель. Соч., т. XIV, 1958, стр. 238.

² См. К. Чистов. Сампо — символ мирного труда, «На рубеже», 1951, № 9, стр. 63—67.

ный труд прекрасно отразился в былине о первой поездке Ильи Муромца. Богатырь прокладывает дорогу через темные леса и зыбучие болота; прокладывание таких дорог обозначалось в древности выражением «мосты мостити», так как дороги порой приходилось сплошь укладывать бревнами. Именно такую дорогу проложил Илья Муромец и проложил ее *для всех*: в такой дороге нуждалось все общество. В параллель к этому отмечу, что проведением дорог занимается и Аламжи-Мерген, герой бурятских песен. Его способ прокладки дорог другой — привязав к хвосту коня охапку деревьев, он проезжает по лесу, такому густому, что в нем раньше самая тонкая змея не могла бы пробраться, и так возникает дорога, по ней «будут проезжать Наши внуки, наши правнуки: Им широкий путь лежит!»¹.

Эстетика труда, широко отразившаяся во многих других народных жанрах, нашла, как видим, свое выявление и в былевом эпосе.

Необходимость защиты общины, рода, племени от нападения вызвала появление в народном творчестве образов справедливой войны, в защиту мирного труда, в целях освобождения плеников и наказания нападающего врага. В этих образах нашла свое выражение социальная мечта о жизни, огражденной от нападений жестоких врагов, заряжающихся на имущество, труд и самую жизнь общины.

Так в шорской поэме после победы богатыря Ай-Толая больше «не гремели войны, ханы борясь не наезжали»².

Естественно возникновение одной из основных идей всего эпоса — идеи *необходимости единства* и сплочения рода, племени, а впоследствии — населения целых земель и княжеств для борьбы с вражескими нашествиями, организации отпора врагу. Таким образом, поэтизируется справедливая война против вражеских нашествий для защиты мирного труда. Необходимость борьбы с врагом для защиты рода является проявлением гуманизма, однако ненужная жестокость еще характерна для положи-

¹ Аламжи-Мерген. Бурятский эпос. Вводная статья и комментарии Г. Д. Санжеева, М.-Л., 1936, стр. 71.

² Ай-Толай. Народные героические поэмы и сказки Горной Шории, Новосибирск, 1948, стр. 54.

тельных героев этой борьбы (см., например, «Эр-Соготок» и другие якутские героические поэмы)¹. И в русских былинах есть подобные факты, припомним, например, истребление Волхом Святославовичем жителей «города Индейского». Весь этот сюжет, может быть, является переосмыслением более раннего сюжета об истреблении мужчин чужого рода и захвата его женщин. Очень жестоко обращается иногда герой со своим конем. Уезжая в поход, якутский богатырь Кулун Куллустур так бьет коня, что, дернув уздою морду, «отхлестнул с горшок мяса, с котел мяса отбил, раскроил здоровые мышцы, до свежей кости прошиб... — так бил плетьью»². Сделал он это без всякого зла, просто хотел быстро ехать. Разумеется, этот образ гиперболичен, но все же он дает представление о жестокости нравов в эпоху возникновения эпоса.

Содержанием многих образов, возникавших уже на ранней стадии развития героического эпоса, было воспевание физической силы человека. В. Белинский писал: «Героизм есть первый момент пробуждающегося народного сознания жизни, а дикая животная сила, сила железного кулака и чугунного черепа есть первый момент народного сознания героизма»³.

Обычным явлением в героическом эпосе всех народов является наделение положительного героя какими-либо особенными качествами и свойствами и гиперболизация его физической силы. Что касается последнего, то кажется, что чем дальше на восток, тем гиперболы достигают все более гигантских масштабов. Умение превращаться в других людей, животных, предметы мертвой природы — лишь одно из качеств героя эпоса. Многие из героев умеют колдовать, играть на музыкальных инструментах так, что очаровывают всех и все вокруг, умеют находить живую воду, возвращающую людей к жизни, и многое другое. Немало подобных мотивов древнейшего происхождения имеют место и в сюжетах русских былин («Потык», «Садко» и др.), хотя здесь не они, а обычные жи-

¹ Якутский фольклор. Тексты и переводы А. А. Попова, Л., 1936.

² С. В. Ястребский. Образцы народной поэзии якутов. Труды Комиссии по изучению Якутской АССР, Л., 1929, стр. 69.

³ В. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, 1954, стр. 398.

тейские коллизии раннего средневековья мотивируют действия героев.

Очень часто главный герой национального эпоса бессмертен или он, по крайней мере, не может быть убит в бою. Не суждена смерть в бою Илье Муромцу и Рустему — герою таджикско-иранского эпоса. Прикованы к скале Амирани и Калеви-поэг, но рано или поздно они освободятся и вернутся к людям. Возвратится из добровольного заточения Мгер Младший, когда на земле будет уничтожено зло.

Элементы чудесного в изображении возможностей героев настолько вошли в традицию, что народ наделяет ими даже деятелей значительно более позднего времени. Иногда герой, оказывается, может быть убит лишь особой пулей, вылитой из пуговиц или крестиков (украинские песни о Нечае, Добоше), а герой молдавских гайдуцких баллад Кодряну даже умеет вытаскивать дробь из своих ран и заряжать ею свою берданку¹. Таких примеров можно привести множество. Народ стремится наделить своего любимого героя лучшими способностями, даже фантастическими и только ослабление веры в чудесное, связанное с более углубленным пониманием народом законов природы и общественных сил, постепенно кладет предел использованию фантастических мотивов для характеристики героев и мотивировок их поступков.

Физическая мощь, выдающееся здоровье хороши всегда: и в труде, и в бою, естественно, что образы физической силы получили наибольшее распространение в связи с самой различной тематикой и раньше всего должны были развиться в образах труда. Народ всегда воспревал смелость и мужество, выдержку и умение. Очень часто в эпосе герой совершает именно такой подвиг, который никому другому не по плечу. Илья Муромец проходит по той дороге, которая непроходима, Добрыня купается в тех местах, где это грозит смертью. Так же герой узбекского эпоса Раушан мчится на коне там, где «не бродил джейран, где не бывал кабан»². Эпические герои глубоко презирают трусость. В былинах прозираются те приближенные к Владимиру «князья-бояре»,

¹ В. П. Коробан. Молдавская культура в XVIII в. Сб. «Феодальные отношения в Молдавии», Кишинев, 1950, стр. 166.

² Эргаш Джуманбульбуль Оглы. Раушан, Узбекский героический эпос, Ташкент, 1947, стр. 118.

которые, во всех случаях, когда нужно проявить мужество, «приутихают» и «туляются» — большие за средних, средние за меньших, а от тех ответа нету.

Народ с любовью поет о молодчестве и молодом задоре своих богатырей — Васьки Буслаева, Дюка Степановича, Алеши Поповича. Так же восхищенно всегда воспевает народ *умение*, мастерство и в труде, и в бою. Образы мастера, создающего идеальные предметы, встречаются, как известно, и в сказках. В мечте об идеальном мастере и идеальном воине-защитнике, народная фантазия широко применяет, между прочим, тотемистические представления об оборотничестве. Так, Леммикайнен пробегал тайгу волком, в роще мчался горностаем, в сосновом бору — белкой¹. В восточнославянских песнях, в том числе обрядовых и лирических, аналогичные образы встречаются очень часто. В былинах воспет Волх Святославич, который своей чудесной охотой добыл воинам куньи шубы, потом, оборотившись в горностая, привел в негодность вражеское оружие и, наконец, для проникновения во вражеский город, превратил все свое войско в «мурашей».

Умение народ ставит выше грубой *силы*. Русские богатыри часто не равняются своею силой гигантам и чудовищам, с которыми им приходится вступать в бой, так как русский богатырь обычно, по выражению летописца, излагавшего предание о Яне Усмошвеце, «середний теломъ». И все же Илья Муромец побеждает Идолище, Соловья и Подсокольника, Алеша — Тугарина и т. п. В исторической песне о Кострюке этого могучего борца побеждает и посрывает незаметный русский человек Потанюшка Хроменький. Народ любит, когда положительный герой побеждает малыми средствами. Илья Муромец ударил Идолище шляпой, да так, что тот вывалился вместе с стеной вон из терема; разбойников он победил, ударив стрелой в дуб с такой силой, что тот разлетелся в щепы, от чего разбойники перепугались насмерть. Кралевич Марко побивает врагов своих торбой². Опытность, мудрость ставит народ выше силы, хотя

¹ Избранные руны Архипа Пертуннена, перевод, вступ. ст. и прим. В. Евсеева, Петрозаводск, 1948, стр. 59.

См. М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марко, Варшава, 1893, стр. 473—475.

силою он всегда любуется. Именно за житейскую мудрость, опытность и основательность особенно полюбился русскому народу старый Илья Муромец, на второе место после него, по тем же в основном причинам, поставлен в русском эпосе Добрыня Никитич. Эти герои, очевидно, соответствуют чертам русского национального характера, только этим можно объяснить их необычайную популярность.

Интересной мало замеченной наукой темой является отношение героев эпоса к знанию, опыту, носителем которого выступает старшее поколение, часто женщины (часть этих образов является отражением матриархата).

В шорской поэме «Казыр-тоо» богатырь сказал своей старшей сестре: поеду я на охоту в Казыр-тайгу; та отвечает: «На охоту съезди — выше середины Казыр-тайги не подымайся». Он поехал, о совете забыл, здесь встретился с богатырем, захватившим всех зверей, и пока спорил с ним, сестра его была похищена. Выходит, она была пророчицей и правильно советовала дальние середины тайги не ездить¹.

Обычная завязка многих эпических произведений заключается в том, что герой, задумавший кое-что предпринять, например, ехать на охоту или в город, получает на это разрешение, но в то же время предупрежден чего-либо не делать. Однако, если он не считается с запретом, это приводит к беде. Таковы материнские советы Добрыне не плавать в третьей струе, советы Василию Буслаеву не купаться в Ердань-реке, материнские напутственные советы Дюку Степановичу не хвастать богачеством, подобные советы жены Ставра, советы дядюшки братьям Ливикам неходить на Русь и т. п.; все эти запреты были нарушены. Сюжеты былин имеют целью попутно доказать правильность всех этих советов и необходимость для молодежи считаться со знаниями и опытом; отсюда нередко вытекает и требование уважения к старшим.

Вопрос этот тесно связан с проблемой «отцов и детей». Давно замечено, что в эпосе имеются сюжеты, отражающие конфликты между отцами и детьми. О. Туманян, которому принадлежит ряд ценных высказываний о

¹ Ай-Толай. Народные героические поэмы и сказки Горной Шории, Новосибирск, 1948, стр. 114.

фольклоре, писал: «Обычно герои национальных эпосов сталкиваются со своими родителями и падают под тяжестью их проклятий. И этой обычной судьбы не избежал и сербский Марко»¹. Одним из классических примеров подобной ситуации может быть сюжет популярной украинской думы об Ивасе Коновченко, где молодой герой вступает в конфликт с матерью. Конфликт героя с родителями отражен и в былине о Козарине, может быть, следы такого конфликта имеются в былинах о Святогоре, но в целом подобный сюжет для русских былин не характерен, может быть, потому, что былины долго бытовали на Севере, где особенно сильно было развито почтение к старшему поколению.

Мысль о необходимости считаться с опытом, накопленным другими представителями общины, вероятно всегда была народной, так как способствовала усилению коллектива. Что касается вопроса о взаимоотношениях родителей и детей, то он более сложен. Веками родительская власть была очень могущественной, можно сказать, безраздельно господствовала, но в переломный период, при ускоренных изменениях общественных отношений она могла становиться препятствием развитию, в связи с чем в сюжетах о споре двух поколений взгляды молодежи часто оказывались более прогрессивными и в этом случае подлинную народность отражали именно взгляды и действия молодого поколения.

Проблематика, связанная с образами женщин в героическом эпосе, слишком обширна, для того, чтобы ее поднимать в свете народности эпоса. Положение женщины в обществе и в семье изменялось с течением времени и осветить его здесь хотя бы в конспективной форме трудно. Упомянем лишь о некоторых аспектах этой большой проблемы.

Главенствующее положение женщины в период матриархата не могло получить особенно широкого отражения в эпосе, ввиду того, что этот вид творчества в основном относится к более поздней исторической эпохе. Однако некоторые образы корнями своими восходят к матриархату.

¹ См. О. Туманян. Несколько слов о сербском эпосе, Избр. соч., Ереван, 1950, стр. 486.

В каракалпакской поэме «Қырк-қыз» (сорок девушек) изображено как бы самостоятельное женское государство, которое охраняется женским войском. «Красная девка», полонившая в своем дворце многих витязей (освобожденных впоследствии Ильей Муромцем), может быть, тоже должна быть связана с социальными отношениями указанного периода. О древнем происхождении образов женщины-воителя, полениц, напоминать не приходится, а в русских былинах их имеется несколько, в том числе поленицы, ставшие женами Дуная и Добрыни, умная, находчивая и могучая жена Ставра, освободившая своего мужа из темницы, баба, с которой выпало воевать Добрыне Никитичу. Некоторые из перечисленных героинь, имена которых варьируются, явно пользуются уважением других героев эпоса.

Образы эпоса, свидетельствующие о почете, которым пользовались женщины в народе, могут относиться и к поздним периодам исторического развития, но могут быть связанными с переживаниями матриархального рода. Для ранних эпох эти образы были народными лишь постольку, поскольку правдиво отражали определенную сторону действительности, положение женщины в обществе. Впоследствии их народность выражалась в уважении к женщине, как проявлении гуманистических идей.

Сюжеты, построенные на поисках невесты и борьбе за нее, сохранились в очень древних эпических произведениях. Добытие невесты для себя или для друга — обычный сюжет в эпосе очень многих народов и этому сюжету посвящено немало исследований. Былины о Дунае, Козарине, Потыке, Иване Годиновиче, Соловье Будимировиче и ряде других в разных аспектах отражают эту проблему, рисуя ее в различных социально-бытовых условиях. Народность данной тематики в условиях экзогамного брака (т. е. брака вне своего рода) ясна, так как добывание женщин должно было обеспечить процветание и жизнеспособность рода. Изображение смелости героя в добывании женщины не было чуждо народности на последующих исторических этапах, т. е. соответствовало народным представлениям о полноценности настоящего молодца (ср. хотя бы образ жениха в восточнославянских свадебных песнях). Обычное игнорирование в сюжетах о сватовстве интересов и стремлений самой девушки не противоречило распространенному в течение

эпох пренебрежительному отношению к женщине, обращению с нею как с имуществом и, значит, не противоречило народности образов, хотя с современной точки зрения некоторые подобные сюжеты мы бы, конечно, осудили.

Многие формы отношений между людьми, рассматривавшиеся человеком доклассовой эпохи как положительные, должны были отразиться в народном эпосе в виде положительных сторон быта и черт характеров людей. Так, нартские сказания — древнейший эпос осетинского народа, воспевают гостеприимство¹. Картины гостеприимства в киевских палатах Владимира постоянно освещаются в былинах, что можно считать косвенным отражением обычая гостеприимства на Руси. Припомним сообщение Маврикия о том, что анты и славяне к чужестранцам относятся хорошо, провожают их из одного места в другое, и если бы чужестранцу был нанесен вред, то сосед напал бы на виновного, «вполне уверенный в том, что, мстя за иностранца, совершают благое дело»².

Не любит народ хвастовства и осуждает эту отрицательную черту характера в образах братьев-сузальцев былины «Камское побоище» и Подсокольника. Хвастливость отмечена как отрицательная черта и в характере Алеши Поповича.

Любуются народные певцы находчивостью и хитростью своих героев в сложных условиях. Певцы ни в коем случае не осудили Алешу Поповича за то, что тот, встретившись в поединке с опасным для Руси врагом, приделавшим себе крылья, пустился на хитрость, благодаря которой победил Тугарина. Хвалят певцы племянницу князя Владимира, которая, не имея другой возможности спастись от преследования сватающегося к ней Идолища, должна была обмануть его и с помощью обмана уничтожить этого врага страны³. В период военной демократии, когда война была «регулярной формой сношений», естественно было распространено мнение, что оружие ценнее золота. Былины не чужды этой мысли. В былине о Садко морской царь спорит с царицей, что на

¹ См. Ив. Джанаев. Сказания о нартах, Орджоникидзе, 1941, стр. 21 и дальше.

² Маврикий. Тактика и стратегия, СПб, 1903, стр. 180.

³ А. Марков, № 49.

Руси ценится, а что там отдается детям на забаву. По мнению царицы:

«Есть на Руси железо булатнее,
Дороже булат-железо красна золота, —
Красно золото катается
У маленьких робят по зыбочкам»¹.

Мысль о том, что булат ценнее золота, означала в условиях военной демократии, что хороший смелый воин дороже золота. Из этой мысли и распространилась впоследствии народная идея, что настоящий человек драгоценней любых сокровищ.

Еще в доклассовом обществе и в особенности в условиях кочевого быта получил свое развитие образ идеального коня, друга человека в путешествии, походе, на поле брани. Таковы Бурыл, на котором скачет Кобланды-батыр казахского эпоса, Джалали, проносивший на себе все четыре поколения сасунских богатырей, Мерани грузинских легенд, Шарц — конь Марка Кралевича, чудесные кони алтайских сказаний. Эти кони не скачут, а летят, независимо от того, имеют ли они крылья или лишены их. Иногда кони бессмертны и продолжают борьбу даже после гибели своего хозяина², очень часто они не только умеют говорить, но и отличаются мудростью и являются прекрасными советчиками. Насколько народен образ такого коня, свидетельствует творчество туркменского народа, где, можно сказать, существовал культ коня; хороший конь являлся мечтой каждого. Так же народен образ коня и в казацком фольклоре, что тоже связано с особыми условиями жизни казаков в прошлом.

В русских былинах конь также весьма поэтизирован. В ряде былин именно конь сообщает герою о случившемся дома во время их отсутствия («Добриня на свадьбе своей жены»). Поездочка и «три скока» богатырского коня, как и образ его оседлывания, глубоко вошли в поэтическую ткань былин. Образы превращения какого-то захудалого жеребенка в богатырского коня, имеющиеся в фольклоре многих народов, в том числе в украинских легендах, отразились и в былине о первой

¹ Рыбников, т. II, № 124.

² См. поэму «Ай-Толай». Народные героические поэмы и сказки Горной Шории, Новосибирск, 1948.

поездочке Ильи Муромца. Здесь у Ильи Муромца конь тоже говорящий¹. Незавиден внешне, но чудесной скоростью отличается конек Микулы Селяниновича; также можно ошибиться и при взгляде на коня Ивана Гостиного сына. Последний образ Белинский назвал «народным аптеозом коня»². Особенно поэтично изображен лохматый конек Бахмат в былине о Дюке Степановиче. Дюка не случайно трактуют как образ идеального наездника. Все эти образы, кажется, свидетельствуют о том, что на Руси большей популярностью пользовались небольшие степные кони, нежели крупные скакуны и что народ ценил коней не за внешний вид, а прежде всего за «деловые» качества.

Мы коснулись здесь некоторых проявлений народности, характерных для доклассового эпоса, хотя необходимо подчеркнуть, что во многих случаях они конкретизированы уже в формах, характерных для раннефеодального периода. Иначе и не могло быть, так как в период Киевской Руси и феодального раздробления былевой эпос находился в состоянии очень интенсивной разработки, быстро изменялся, приспособливая свои более ранние образы к современности. Как ясно из самого эпоса, который сохранился в основном именно в формах раннефеодального периода, так интенсивно процесс развития былин уже больше никогда не шел. Естественно, нет ничего удивительного в том, что былевой эпос лучше всего выразил в своих образах именно народность раннефеодальной поры.

Основная идея русских былин хорошо сформулирована советской наукой: «Центральная идея русского былевого эпоса, — писал А. Никифоров, — идея борьбы народа за национальную независимость, за общенародное единство...»³.

Д. С. Лихачев считает основной идеей былин «идею необходимости объединения Руси и служения общерусским интересам»⁴. Авторы большого коллективного тру-

¹ См., напр., Сб. «Северное народное творчество», Архангельск, 1939, стр. 12.

² В. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, 1954, стр. 374.

³ История русской литературы, т. I, изд-во АН СССР 1941, стр. 245.

⁴ Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче, Труды отдела древнерусской литературы, т. VII, М., 1949, стр. 47.

да по истории русского фольклора постоянно подчеркивают, что ведущей идеей былевого эпоса, на протяжении многих веков была именно «идея единства Руси»¹. Эта идея возникла в народных массах в связи с необходимостью защиты населения страны от степных и других врагов, непрерывно опустошавших русские земли, особенно на Юге. Для организации отпора печенегам, тюркам, половцам, польской шляхте (а с XIII века — татарам и немецким рыцарям) возникали и распространялись идеи необходимости сплочения русских земель, преодоления племенной изоляции, сохранившейся еще кое-где, феодальной раздробленности, создания и укрепления единой русской государственности. Укрепление центральной государственной власти было поддержано народом не только по причинам внешнеполитическим, но и по причинам, связанным с экономическими и политическими обстоятельствами внутри страны. Народ искал защиты от возникших и распространявшихся в стране форм крепостнической эксплуатации, применявшимся феодалами, вначале, главным образом, выходцами из местной родовой верхушки. Если впоследствии, уже в период феодального раздробления, народ поддерживал центральную власть, обуздывавшую крупных феодалов и вводившую какие-то нормы эксплуатации, то следует предполагать, что такая народная тенденция в какой-то мере существовала в борьбе с феодалами еще в период складывания древнерусского государства, ибо крепостническая эксплуатация в это время уже охватила определенную часть населения. Идея единства русской земли, как уже давно отмечалось в науке, прекрасно отразилась в том факте, что русские богатыри служат всей земле русской в ее центре — Киеве и оказываются почти все при дворе князя Владимира. Д. С. Лихачев правильно указывает, что служение богатырей, выходцев из различных русских княжеств, киевскому князю, символу единства Русской земли, хорошо раскрывает основную концепцию русского былевого эпоса².

В борьбе за единство Руси, против угрозы ее порабощения иноземными агрессорами вырастали и крепли

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. I, М.—Л., 1953, стр. 252.

² Д. С. Лихачев. Указ. работа, стр. 46.

идеи патриотизма, служения Родине. Для русских былин, как и для всякого зрелого исторического эпоса, ведущим идеяным содержанием является патриотизм. Былевой эпос, и в том виде, в каком он дошел до нас, является прекрасным примером правильности этого положения.

Ценные мысли о значении патриотизма героического эпоса разных народов находим у М. И. Калинина. «С каким восторгом, — пишет Михаил Иванович Калинин, — раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих эпических и исторических героев», они этим как бы говорят — «вот моя родословная». На этом основании Калинин говорил, что «советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса»¹. Отсюда вытекает и требование Калинина: «Воспитывайте в наших людях советский патриотизм, национальную гордость, напоминайте каждому бойцу о героических традициях его народа, о его прекрасном эпосе...»².

Советские люди особенно ценят в народном эпосе именно замечательно и всесторонне отраженный в нем народный патриотизм. В сущности основная масса сюжетов и образов былин посвящена именно теме обороны Родины. Рассмотрим некоторые общие аспекты народной идеи единства Русской земли.

Одним из проявлений патриотизма в героическом эпосе следует считать обличение эгоистических классовых стремлений господствующей верхушки, преследования ею в любых условиях целей наживы и сохранения своего привилегированного положения. В русских былинах боярство обычно выступает в качестве очень плохих советчиков князю в самых опасных условиях, перед лицом вражеской угрозы. «Князья-бояре» не только не выходят на защиту страны и Киева, но всегда готовы предать богатырей. Они изменнически советуют князю выдать врагам народного героя Василия Игнатьевича, являющегося оплотом киевской обороны. Они порочат, оговаривают богатырей, защитников страны; из-за них Илья Муромец оказался в темнице и должен был погибнуть, от чего выиграл бы только враг. Обличение предатель-

¹ М. И. Калинин. О литературе, Л., 1949, стр. 99—100.
² Там же, стр. 196.

ского поведения господствующего класса — очень распространенная черта народности. В украинских думах «Хмельницкий и Барабаш» и «Самийло Кишка», исторической песне «Савва Чалый» изображена расправа с изменниками, представителями казацкой старшины. Образ предателя Ганелона, заботящегося лишь о своей карьере, рисует нам «Песнь о Роланде». В каракалпакском эпосе рассказывается о том, как враги победили свободный народ и, чтобы упрочить свою власть, раздали баям землю и богатства и своим оплотом сделали этих «изменников степей родных»¹. Все эти образы перекликаются с известным изречением классика туркменской литературы Кеминэ: «Баям только богатство мило, край отцовский мил беднякам» (стих. «Бедняк»). Народное творчество, таким образом, хорошо отличает истинный патриотизм масс от фальшивого «патриотизма» господствующих классов; былины, в частности, свидетельствуют о том, что восточное славянство знало своих «князей-бояр» и не доверяло им.

Несколько слов об идее преданности вассала сюзерену, характерной для многих эпосов («Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», северогерманский эпос). Подобная идея может иметь и народный характер, ибо она способствует преодолению центробежных тенденций крупной феодальной знати, направленных на разрушение единства родины. Положительные герои эпоса, принадлежащие к феодальной верхушке — Роланд, Сид, Зигфрид, Гильдебрандт, будучи воплощением патриотизма, самоотверженного героизма, нравственного благородства, противопоставлены типичной феодальной знати. Другое дело, если идея преданности сюзерену воплощена в образах злого дела, совершаемого ради феодала его вассалом, это уже черта эпоса феодальной верхушки.

Патриотизм героического эпоса нередко гармонически сочетается с идеями сочувствия людям различных наций. Одна из героинь эпоса «Сасунские богатыри» укоряет своего сына, жестокого и алчного арабского владельца, намеревающегося убить Давида, напоминая ему о братстве народов: «Ведь часто армянин арабу

¹ Кырк-Кыз. Каракалпакский эпос, перевод С. Сомовой, Ташкент, 1949, стр. 132.

брат. В гости ходят друг к другу и рады помочь»¹. Давид Сасунский не истребил воинов-арабов, насилино пригнанных врагом в его страну, и удовлетворился их изгнанием. Так же поступают и русские богатыри. Герои каракалпакской поэмы «Кырк-Кыз», явившись на борьбу с угнетателями в чужую страну, говорят, что они пришли воевать не с народом, а с шахским сбродом, пришли освободить Хорезм от шаха².

Былинам не чужды интернациональные мотивы. В положительном плане рисуют они образ королевичей из Кракова (в одноименной былине), хотя здесь речь идет об иноземцах, очевидно, поляках. Любуются певцы образом Соловья Будимировича, его красотой, талантливостью, его изукрашенным заморским кораблем. Подобное можно сказать и об образах некоторых других заезжих богатырей. Чувство симпатии к попавшему в руки врага населению Византии и мечта об его освобождении отразились в былинах об Илье Муромце в Царьграде (эти мотивы связаны также с единством веры Руси с Византией). В целом можно сказать, что русские былины чужды чувству ненависти к народам.

Подлинный народный патриотизм был направлен на укрепление единства родины и поэтому поддерживал идеи усиления центральной власти в стране. Нужно сказать, что Киевская Русь не могла бы возникнуть и существовать без помощи этой идеи единства русской земли, сплочения древнерусской народности. Борясь против местной родовой знати и других феодалов, укреплявших крепостническую эксплуатацию, за единство земли, против организуемых господствующей верхушкой племенных усобиц,³ народ должен был требовать введения каких-то норм в порядке наследования власти, поэтому естественно получается, что народ должен был поддерживать идею назначения князей исключительно из одного рода. В сущности, эта идея в летописях выступает в как бы само собой подразумеваю-

¹ Давид Сасунский. Сказание о четырех поколениях сасунских богатырей, М., 1939, стр. 222.

² Кырк-Кыз, Ташкент, 1949, стр. 316.

³ Припомним замечание Маврикия-Стратега о том, что у славян «много князей и они между собой несогласны» (см. Маврикий, упомянутый труд, стр. 195), а также хитрую политику Византии, которая умела хорошо пользоваться усобицами славянских вождей.

щейся мысли, что право на княжескую власть имеют исключительно прямые потомки Олега. Летописцы далеко не всегда резко осуждают тех князей, которые, применяя коварные и жестокие средства, нагло захватили власть; но с какой последовательностью они осуждают намерение того или иного боярина занять княжеское положение (например, в Галицко-Волынской Руси).

Как в свете законов народного гворчества можно объяснить возникновение на Руси в IX—X вв. легенды о «призвании» варягов, зафиксированной в летописях? Попытаемся коснуться этого вопроса в связи с проблемой изображения положительного героя в эпосе первобытнообщинного и раннефеодального строя.

Положительные герои древнейшего эпоса очень мало индивидуализированы. Это объясняется особенностями первобытного мышления. Эти герои даже не имеют собственного имени, которое обычно заменяется этническим наименованием. Таков чукотский герой — Айван-богатырь (айванами по-чукотски называется племя эскимосов)¹. У гиляков герой их «настунд» называется просто «Гиляк» или «Наш Гиляк»². Не исключено, что подобное происхождение имеет и былевой Козарин. При описании подвигов героев даже этого раннего эпоса, несмотря на явственные реалистические элементы, очень широко применялась гипербола, описание подвига преувеличивалось и усиливалось фантастическими элементами, что было характерно для первобытного искусства. Не следует идеализировать этого героя и представлять себе его мышление прогрессивным в современном смысле. Правильно указывала Н. Смирнова, что в казахском эпосе батыр не только защитник, но и добытчик, он добывает военную добычу (у калмыков), отгоняет их табуны, добывает невест. Все это входит в круг его обязанностей, для той эпохи все эти действия означают не порок, а добродетель³.

¹ В. Тан-Богораз. Чукотский общественный строй по данным фольклора, «Советский Север», 1930, № 6, стр. 69.

² З. Н. Куприянова. Основные жанры ненецкого фольклора, 1945, стр. 124, 100 (диссертация).

³ Н. Смирнова. Очерки казахской литературы XVIII в., Алма-Ата, 1950, стр. 64 (диссертация).

Одним из первых художественных приемов выделения героя из среды других людей должен был стать мотив его чудесного рождения, который впоследствии широко использовали эксплуататорские классы.

В период изживания первобытнообщинного строя должны были возникать легенды, имевшие целью оправдать и объяснить причины особого привилегированного положения героя среди сородичей (выражающегося в преимущественном пользовании благами, обладании властью и т. п.), объяснить наличие у него прав, которыми его окружение не обладало. Возможно, что именно поэтому в фольклоре так часто возникает мотив чудесного рождения героя. (Этот мотив, кстати, не следует смешивать с сюжетом рождения героя от неизвестного отца, что связано просто с условиями матриархата; это можно сказать, например, об Амиране¹.) Армянские эпические герои Санасар и Багдасар рождаются от армянки-матери, но так как она замужем за арабским властителем, а с арабским завоеванием велась длительная борьба, то естественно создается легенда о том, что мать Санасара и Багдасара была невинной и понесла богатырей, выпив воды из какого-то целебного родника. Выросши в арабской среде, братья все же почувствовали себя здесь чужими, ушли в горы и основали собственный город. Каарман, другой эпический герой, родился после того, как мать была им беременна 70 месяцев. Новорожденным он был громадных размеров — 70 женщин несли его выкупать после рождения. Пери, которые задолго до рождения боялись появления такого богатыря на свет, выкрали его и воспитали у себя. Выросши, он понял, что он им чужой и ушел к родным². Многие богатыри, например, алтайских сказок, не имели отца и матери и произошли на свет сами собой³. Отец бурятского богатыря Аламжи-Мергена родился сам, ни от кого, «зародился он сам собой», там, где никого не было⁴. Якутский Эр-Соготок («Одинокий») не знал

¹ См. о происхождении Амираны у М. Чиковани, Прикованный Амираны, Тбилиси, 1947, стр. 461.

² Материалы по казак-киргизскому языку, собр. И. Лаптевым, М., 1900, стр. 13—15.

³ В. Вербицкий. Алтайские инородцы, Сб. этнографич. статей и исслед., М., 1899, стр. 139.

⁴ Аламжи-Мерген, указ. изд., стр. 6—8.

(т. е. не имел) отца и матери, не появился он с неба, ни из земли, так как говорят, что если бы он слетел с неба, то был бы покрыт инеем, а если бы из-под земли — то землей¹. Главный герой нартского осетинского эпоса родился из камня, откуда и произошел его эпитет «Камнерожденный»². Марко Кралевич — более поздний герой — по некоторым вариантам даже сын змея³. Некоторые казахские герои родились от духа священной горы или духа воды или от сближения матери героя с великаном⁴.

Той же цели выделения героя из массы обычных людей служило в эпосе и изображение особых чудесных явлений природы, сообщавших о его появлении на свет. Неслыханными явлениями природы сопровождается, например, рождение киргизского Манаса. Много примеров можно указать и в былинах. Так, когда родился Волх Святославич, то будто гром гремел, туры и олени разбежались по темным лесам, а на небе взошел светлый месяц⁵. Когда Вольга рождался — воссияло солнце на ясном небе⁶. При рождении Добрыни даже лютый Скимен-зверь настолько испугался и заревел, что «Днепр-река скользбалася, по лугах разливалася, с гор камни повалилися»⁷.

Очень часто героя присылают на землю высшие небесные силы. В якутском эпосе вышний старец (верховная сила) Одун биис Дыилга присыпает для защиты людей на землю Нюргуна боотура Стремительного, сила которого равна половине силы всего человечества и богатство — половине всех богатств⁸. Не таковы ли религиозные легенды о «помазанниках божьих», которых

¹ Якутский фольклор, тексты и переводы А. А. Попова, Л., 1936, стр. 43.

² См. работу Е. М. Мелетинского «Место нартских сказаний в истории эпоса», Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 53.

³ См. обзор этих вариантов у М. Халанского — Южнославянские сказания о Кралевиче Марко, Варшава, 1893, стр. 28, 37, 38—58.

⁴ А. Маргулан. Эпические сказания казахского народа, Алма-Ата — Москва, 1945, стр. 84 (диссертация).

⁵ А. Марков, стр. 257.

⁶ А. Гильфердинг, II, № 156.

⁷ Н. Тихонравов и В. Миллер, стр. 65—66.

⁸ Нюргун боотур Стремительный, Богатырский эпос якутов, Якутск, 1947, стр. 75.

сами боги наделили правом на власть? Разница только в том, что народ творил подобные легенды в поисках героя, который мог бы противостоять эксплуататорам и захватчикам, а угнетатели создавали аналогичные легенды для обоснования своих преимущественных прав.

Естественно, что господствующий класс создавал легенды о происхождении своей власти, в которых должен был обосновывать свое право какими-то внешними причинами, иначе бесконечное количество лиц могло бы претендовать на право принадлежности к этому классу (впрочем, долгое время путь сюда не был еще окончательно закрыт для представителей трудовых слоев, и князья делали из героев «великих мужей»¹ или «велмож»². Для обоснования права на власть появляются легенды о «помазании божьем», а также об унаследовании ее от знаменитейших в истории властителей. Припомним, например, фантастические легенды о происхождении московских великих князей от Августа, брата Юлия Цезаря, отразившиеся во многих произведениях древнерусской литературы. Классовый смысл подобных легенд совершенно ясен.

Вот почему в свое время понадобилась и легенда о «призвании» норманнов, которые в действительности лишь принимали участие в отдельных военных мероприятиях, организовывавшихся администрацией русских земель. Население колossalной страны, сплачивающееся на основе экономических, политических, культурных и этнических связей, должно было сопротивляться сепаратистским тенденциям своей многочисленной местной знати, требовать единого правопорядка наследования власти и прекращения бесконечных усобиц, терзавших страну ряд столетий, задолго до IX—X вв. (см. указанное выше свидетельство Маврикия-Стрatega). Необходимо было обосновать преимущественное право какого-либо *одного* рода. Независимо от того, был он славянским или ославянившимся, этот род был объявлен имеющим право на власть на том основании, что он был

¹ Можно сослаться, например, на летописную историю о Яне Усмошвеце (Лаврентьевская летопись под 992 г.).

² В том же эпизоде по Никоновской летописи. См. еще «Сводная летопись», в. I, СПб, 1876, стр. 103 (Владимир в награду за подвиги Александра Поповича «соотвори й вельможа в полате своей»).

признанным княжеским родом, обладал традиционной уже властью. Это была именно только легенда (поиски происхождения такого княжеского рода за рубежами Руси не дали результатов), но она была *выгодна народным массам*, так как помогала их борьбе с многочисленными группировками местной знати, стремившимися к расширению своей власти, мешавшими сплочению страны, изнуравшими ее своими усобицами. С течением времени, в связи с многочисленностью Рюриковичей и начавшимися между ними усобицами, эта легенда потеряла всякое прогрессивное значение, однако, естественно, она всячески поддерживалась князьями, поскольку обосновывала их право на власть и противостояла тенденциям могущественного боярства. С ослаблением централизованной державы народ продолжал борьбу за ограничение суверенных прав феодалов, что нашло отражение не только в «Слове о полку Игореве» и летописях, но и в былинах; в последних это выразилось в отрицательном отношении к боярству и в осуждении усобиц (см. об этом в разборе былины о набегах Чуриловой дружины).

Однако возвратимся к образу положительного героя.

Положительный герой подлинно народного эпоса приносит в той или иной форме пользу трудящемуся народу. Не всякий страдающий эпический персонаж является положительным героем, хотя бы он и страдал безвинно, не всякий мастер какой-либо отрасли труда — уже герой. Об этом хорошо сказано у Ивана Франко: «Героїзмом можно назвати тільки таке діло, де мука і терпіння одиниці здобуває або окуплює добро цілого народу, цілої людськості»¹. Вопрос о том, для кого страдает, жертвуя собой, трудится герой, обычно является и вопросом о том, чей он положительный герой? Илья Муромец, начиная свою жизнь с трудового подвига, должен был перейти к подвигам иного рода для того, чтобы стать популярнейшим героем русского народного эпоса, ибо только своими ратными, а не трудовыми подвигами и мог он служить народу в тех общественных

¹ І. Франко. Причинки до оцнення поезії Тараса Шевченко, «Світ», 1881, См. сб. М. Пархоменко, «Іван Франко про рос. літературу. Статті та висловлення», Львів, 1947, стр. 70.

условиях, которые отражают былины. Подобно этому образы Фархада у великих писателей средневековья Низами и Навои, замечательно выявляющие эстетику труда, должны были быть дополнены чертами защитника народа от иноземных завоевателей, так как от чудес строительного искусства, созданных Фархадом, выигрывал не столько народ, сколько его властители. В условиях эксплуататорского строя замечательный мастер ограничен в своих возможностях служения народу. Несравненные мастера, изображенные Бажовым в его уральских сказах, остаются страдальцами, и созданные ими сокровища обогащают их хозяев, а не народ. Мастера, находящиеся в подобных условиях, не могут быть объектом изображения народного героического эпоса. Народный эпос прославляет подвиги, преследующие благородную, возвышенную цель, полезную для народа, только для таких целей возникает великая энергия и совершаются подвиги. Именно тогда, когда возникает возможность принесения пользы народу, человечеству, коллективу, возникает энергия для эпического подвига, например, в условиях освободительной войны против иноземных угнетателей, освободительной борьбы крестьянства с помещиками, борьбы трудящихся масс с капитализмом, в условиях строительства коммунизма. Произведения эпоса строительства коммунизма могут быть целиком построены на образах трудовых подвигов, потому что в нашу эпоху уже существуют условия для принесения героическим трудом пользы народу и всему человечеству.

В условиях классового раннефеодального общества основной эпический герой — это защитник народа от разных угнетателей. Он охранитель родной земли от завоевателей. Таковы и герои былин, охраняющие русские кордоны, обороняющие русские города, освобождающие их от врагов, разных Тугариных и Идолищ. Они защищают мир, уничтожая его нарушителей, посягающих на независимость Руси, на жизнь и имущество ее населения. После встречи с русскими богатырями враг бежит, клянясь, что никогда больше не сунется на Русь. Формулы этой клятвы тоже являются постоянным местом былин. Так действуют народные герои. Шорский богатырь Ай-Толай защищает народ от Каан-Кыната, который хочет быть «единственным ханом на све-

те» и потому захватывает чужие стада¹. Давид Сасунский, избив присланное для сбора дани иноземное войско, приказывает передать врагу слова, полные национального самоуважения: «Край Мсырский — для него, Сасунский край — для нас»². Обычным подвигом народного богатыря является освобождение людей из плена. Илья Муромец освобождает пленников в «Трех поездочках». Добрыня спасает от змея Запаву, Казарин освобождает сестру, Глеб Володьевич — корабельщиков. Прекрасную картину освобождения богатырем заточенных в черном провале тысяч людей рисует хакасский эпос «Хулатай»³. Марко Кралевич спасает девушек, попавших в плен к арабам, он избавляет царскую дочь от «черного арапина» и т. п.

Народный герой борется и против пребывала господствующей верхушки, против эксплуататоров. Былинные богатыри находятся в оппозиции и постоянном конфликте с княжеско-боярской верхушкой, обличают беззаконие бояр, их изменническое поведение. Василий Игнатьевич и Илья Муромец в некоторых вариантах даже расправляются с боярами. Богатыри осуждают Владимира за беззаконное заточение Муромца, отказываются даже служить Владимиру. Илья Муромец осуждает коварство Владимира по отношению к Даниле Ловчанину и поведение Владимира во время сватопства Алеши к жене Добрыни. В эпосе ряда народов можно найти образы защитников народа от феодального угнетения. Таков украинский Ганжа Андыбер, избивающий казацкую старшину, чечено-ингушский молодец Сурхэ, выступивший на борьбу с князем, потребовавшим второй подати, убивший князя и разделивший его земли среди крестьян⁴. Алтай-Буучай, герой алтайского эпоса, убивает феодалов за то, что они 600 лет тревожили мирно живущий народ, детей разлучали с матерями. «Теперь отвечайте», — говорит им герой. Освободив людей, он представляет им возможность

¹ Ай-Толай, указ. изд., стр. 48.

² Давид Сасунский, указ. изд., стр. 218.

³ М. Унгвицкая. Литература Хакасии за 20 лет, «Енисей», 1950, кн. 7, стр. 221.

⁴ Песня о князе Мусосте и о Сурхэ, сыне Ады..., Чечено-ингушский фольклор, М., 1940.

устроить жизнь по своему усмотрению и выбрать руководителя из своей среды¹

Многие эпические герои борются против сбора дани и налогов. Стремление трудящихся масс освободиться от поборов, накладываемых социальной верхушкой, нашло своеобразное отражение в былинах, где проявивший себя герой освобождается от всяких пошлин, налогов, даней. В то же время герои народного эпоса — бессеребренники, не стремятся к обогащению. Илья Муромец мог обогатиться много раз, но равнодушен к богатству. Шорский богатырь Ай-Маныс отказывается принимать дань² от освобожденных им людей, так как, по его словам, он в своей жизни «чужим не пользовался...»³. Не брали податей Санасар и Багдасар, поэтому-то и потянулся народ к ним под защиту³. Герой народного эпоса может быть богатым и знатным, ибо в нем воплощает народ свою мечту о свободе и обеспеченной жизни, но это богатство нажито честным путем, не за счет народа, и знатность такого героя еще не относит его к враждебному народу аристократическому лагерю. В этих образах, разумеется, много социальной наивности и утопичности, такой же, как в вере в «хорошего справедливого царя», противостоящего «плохим», т. е. обычным царям. Ай-Маныс, о котором шла речь выше, сам богач, живет в золотом дворце, но он уничтожает Кара-Салгына, обогащающегося путем ограбления народа. Вот еще пример такого героя. Образ Сабалак-хана, как указывает Н. С. Смирнова, основан на вере в «хорошего хана» и тоже утопичен. Он — выходец из ханов, но поставлен в особо сложные условия, сблизившие его с народом; с помощью народа он приходит к власти. Так возникает демократический вариант патриархально-феодальной государственности: хан обеспечивает самооборону, защищает казахов от внешних вторжений, заключает прочный мир, возвращает захваченные врагом кочевья и этим обеспечивает улучшение положения народа⁴.

¹ С. Суразаков. Алтайский героический эпос, М., 1950, стр. 7 (автореферат диссертации).

² Ай-Толай, указ. изд., стр. 135.

³ Давид Сасунский, указ. изд., стр. 56.

⁴ Н. С. Смирнова Очерки казахской литературы XVIII в., Алма-Ата, 1951, стр. 25—26 (автореферат диссертации).

В былинах имеются и образы богатырей богатых: Чурило, Дюк, Ставер; народ в общем относится к этим героям положительно, хотя, как чувствуется, певцы несколько насторожены по отношению к их богатству. Есть золото и у Ганжи Андыбера, героя украинской думы, однако он противостоит богатой казацкой верхушке.

Как сказано, народные эпические герои обычно не стремятся к богатству. Добытые средства нередко распределяются среди народа. Можно предположить, что корни этого эпического мотива весьма древни и относятся к родовому быту, когда господствовало общественное распределение и добытое членом рода доставалось всему роду. Однако в большинстве случаев картины распределения добычи имеют ярко выраженный социальный характер, при помощи их певцы как бы протестуют против установившегося в обществе индивидуального присвоения благ представителями господствующего класса. Добыв большие богатства, Илья Муромец «раздавал это злато-серебро по нищей по братии, и раздал он злато-серебро по сиротам да бесприютным»¹. Давид Сасунский, убив грабивших народ дэвов, раздал их богатство сасунцам. Гэсэр, убив колоссального льва (чтобы пройти по его спине, нужны целые сутки), делит его шкуру между богатырями и народом, себе оставив лишь на рукавицы². В позднейших исторических песнях этот мотив раздачи отобранного у богачей имущества беднякам повторяется многократно, например, в грузинских песнях об Арсене, украинских — о Кармелюке, Добоше.

Положительный герой народного эпоса свободолюбив, полон чувства собственного достоинства. Не приходится приводить доказательства из области былевого эпоса, достаточно хотя бы напомнить имена Ильи Муромца, Добрыни, Василия Буслаева, Сухмана, Хотена Блудовича. Герой ногайской былины Амит не был знaten и богат, но держал себя с ханом как равный, за что тот его возненавидел и пытался погубить³. Ни перед

¹ Гильфердинг, II, № 171.

² О характере бурятского эпоса «Гэсэр», Докл. и материалы, Улан-Удэ, 1953, стр 120.

³ Песни ногайцев, перевод и предисл. Н. Капиевой, Ставрополь, 1949.

кем не склоняют голову герои нартского эпоса, даже перед богом¹.

Самоуважение, чувство собственного достоинства героя крестьянского эпоса в конечном счете опираются на постоянно возникающие в народной массе идеи равенства, стремление освободиться от угнетения. В. И. Ленин считал идею равенства революционной идеей в борьбе с крепостничеством; она «законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим»².

Если герой древнейшего эпоса порой проявлял излишнюю жестокость, то на более поздней стадии развития эпоса подобного рода проявления жестокости становятся редкими. Давид Сасунский, вступив в бой с вражеским войском и угрожая ему полным истреблением, все же остановился, когда один старик-воин сказал ему о том, что войско это подневольное и убить следует лишь самого царя. Одно из проявлений гуманизма — требование родителей Муромца (или данная им самому себе «заповедь»): напрасно «не кровавить руки богатырские». В параллель к этому можно указать замечательное наставление отца своему сыну, герою эпоса «Раушан», в исполнении талантливейшего сказителя Джуманбульбуль оглы: «Путем единым с низким не ходи. С нечестным дружбы не води, бедняка не обижай, не гордись, не хвались высоким родом, облегчи боль страждущих, «упавшего, смотри, не потопчи», злого дела не твори³. Впрочем, возможно, что на эти образы оказало влияние развитие гуманистических идей позднего времени.

Как мы видели выше, самой характерной чертой народного положительного героя в эпосе является не принадлежность его к тому или иному общественному слою, ибо герои народного эпоса часто по внешним признакам относятся к господствующему классу (Манаас, сасунские богатыри, Рустам, Зигфрид, Роланд, Сид, Дюк Степанович, Калеви-поэг и др.), а *объективная польза его деятельности для народных масс*, оценка ими его значения для улучшения их положения. Народный герой действует

¹ И. Джанаев. Сказание о нартах. Орджоникидзе, 1941, стр. 19.

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 214.

³ Эргаш Джуманбульбуль оглы. Раушан, узбекский народный эпос, Ташкент, 1947, стр. 20.

в интересах трудящихся масс, способствует в той или иной форме их освободительной борьбе, а феодальный герой стремится к обогащению или исключительно к личной славе и уважению господствующего класса. В связи с этим черты характера феодального героя иные.

Естественно, что одно и то же историческое лицо с теми же чертами характера в эпосе различного классового происхождения должно было получить различную оценку. Л. Потапов рассказывает о двух образах Ойротхана в байском и народном эпосе. В байских аулах он слышал сказание о хане, где тот объявлялся спасителем алтайцев, а его царствование — «золотым веком». А на охотничьих станах Потапов слышал сказание о невыносимо тяжелой жизни при этом хане, разорении народа повинностями, о пытках и издевательствах¹.

Таким образом, в общем всегда имеются довольно устойчивые критерии для отличия положительного эпического образа, отмеченного печатью народности, от образа, отражающего эгоистические классовые стремления феодальной верхушки.

Несколько слов о прообразах положительных героев исторического эпоса.

Известно, что в феодальном эпосе основные герои являются как правило, более или менее значительными феодальными властителями, таковы герои части германских саг, определенной части исландских саг и т. п. В народном героическом эпосе дело обстоит гораздо более сложно. Здесь нередко встречаются положительные герои, имевшие своими прототипами крупнейших исторических личностей, деятельность которых народ оценивал в положительном плане. Таков былевой образ Владимира, который, по всем данным, в период создания былин должен был трактоваться ими положительно (об этом см. ниже), таковы былевые образы Добрыни, Дуная, а также образы Ивана Грозного и Петра Первого, Ермака, Разина и Пугачева, Платова и ряда других выдающихся деятелей в русских исторических песнях и преданиях, Богдана Хмельницкого, Кривоноса, Нечая, Палия, Гонты, кошевого Ивана Сирка, Богуна в украинских думах и исторических песнях. Но еще чаще в народном эпосе

¹ Л. П. Потапов. Новые материалы по эпосу алтайцев, «Сибирские огни», 1949, № 2, стр. 144.

воспеваются со всей силой народного гения такие лица, прототипы которых трудно установить, а когда они устанавливаются, то кажется просто невероятным, чтобы подобные сыгравшие относительно небольшую роль в истории личности могли быть подняты народом на такую высоту. Однако ответ на этот вопрос довольно прост. Народ в свое время отметил в деятельности одного, пусть не особенно заметного лица, поступки, которые были расценены как идеальные в подобной ситуации, и вот народ воспел его в своих песнях, а затем, ввиду естественного процесса циклизации, в связи с которым количество героев уменьшилось и подвиги менее известных и менее любимых народом персонажей начинали приписываться народному любимцу, этот последний постепенно мог превратиться в центрального героя национального эпоса. Подобных примеров немало. Таков Кёр-Оглы — глава относительно небольшого отряда крестьянских повстанцев, который стал основным героем азербайджанского и некоторых других эпосов. Таков Марко Кралевич, который (хотя это и не нравится некоторым современным исследователям) все же по своему положению был рядовым феодалом, владельцем маленькой области на Балканском полуострове. Современный болгарский исследователь видит причину его ореола в относительной независимости Марка от турок в пределах управления своей областью, в результате чего в народе возникло впечатление, что Марко Кралевич боролся с турками. Его общая оценка деятельности Марка: «Тот краль Марко ни духовно, ни физически не был никакой исключительной личностью, имя его не связано ни с каким историческим событием»¹.

Подобного мнения придерживаются и современные югославские ученые. «Он был незаметным властителем». За что его так воспевают песни — трудно сказать. Может быть, потому, что при его власти народ был освобожден от тяжелых поборов и облегченно вздохнул; воспоминание об этом положении имело прежде всего зна-

¹ Е. К. Теодоров. Песните за Крал Марко, «Език и литература», 1946, кн. 3—4, стр. 55—56; Ср. Г. Керемидчиев. Народните борби в песни, сб. «Българско народно творчество», София, 1950, 132—138.

чение для возвеличения, создания юнацкого облика Марка Кралевича!

Интересен и вопрос о прообразе эпического Гэсэра. Современная наука окончательно отбросила совершенно неосновательное сближение его с Чингисханом и, как доказывает крупный монгольский ученый Дамдинсурэн, прообразом Гэсэра был правитель небольшого Линского царства в XI—XII вв. в Тибете, небольшой князек, оставивший о себе добрую память в народе. Он был близок народу, в какой-то мере способствовал осуществлению народных чаяний; правление его было более демократичным в сравнении с предшествовавшим правлением². Вообще в народном творчестве немалую роль в выборе исторических лиц для воспевания играет сравнение деятельности данного лица с его предшественниками, преемниками и современниками. Очевидно, по подобным признакам «избирательности» остановился испанский народный эпос на личности Родриго Вивара (названного в эпосе Сидом), который был в сущности обычным феодалом, но, прославившись своими подвигами в освобождении Испании от мавров, тем самым привлек к себе народную любовь, которая и превратила его впоследствии в эпосе в выходца из народных масс и защитника народных интересов.

Обратимся к некоторым фактам более поздних эпох. Возьмем, например, русские казацкие песни. Легко убедиться, хотя бы по сборнику А. Листопадова³, что донские казаки воспели не только таких больших деятелей, как Ермак, Разин, Суворов, Краснощеков, Платов, но и малоизвестного Горемыкина, который, по словам певцов, был одним из сподвижников Некрасова, соратника Булавина (песня о нем весьма популярна) и атамана войска Донского Ефремова, отказавшегося подчиниться царскому правительству в 1769 г., полковнику Петру Араканцева, протестовавшего против принудительного

¹ В. Ѓурић. Српскохрватска народна епика, Београд-Сараево-Загреб, 1955, стр. 56. См. его же Антологија народних јуначаких песама, Београд, 1954, стр. 541 и его же послесловие в книге «Народне јуначке песме», Београд, 1956, 265.

² П. Дамдинсурэн. Исторические корни Гэсэриады, М., 1957, стр. 225—226; см. О характере бурятского эпоса «Гэсэр», Улан-Удэ, 1953, стр. 51, 154 и 162—163.

³ Песни донских казаков, т. I, ч. 2, Музгиз, 1940.

переселения нескольких казацких полков, полковника Петра Радионова, убитого горцами в 1828 г. (о нем имеется даже несколько песен) и Фрола Агуреева, о котором известно лишь то, что он был урядником, т. е. командиром отряда, истребленного горцами в 1786 г. Мотивы, по которым все эти лица получили популярность, ясны: это прежде всего участие в освободительном движении, оппозиционное отношение к царскому правительству, трагическая гибель. Однако трудно объяснить, почему был воспет именно Фрол Агуреев, а не десятки других погибших командиров подобных отрядов? Вероятно, какие-то основания были, но память о них не сохранилась.

Можно указать еще подобные примеры. В фольклоре словацкого народа (а также частично и в украинском и венгерском фольклоре) воспет опришок, т. е. народный повстанец, Яношик (Яносик), главарь небольшого крестьянского отряда, действовавший, по сути, всего два года — 1711—1713 гг., затем пойманный и колесованный. И до него и после него было немало знаменитых опришков, однако он стал любимцем народных песен и сказок¹. Единственно, чем можно объяснить его выделение из ряда опришков, это, очевидно, особенная смелость и предприимчивость. Подобные примеры, так сказать, избирательности славы народной, можно указать и в украинской исторической песне, героями которой являются часто руководители рядовых крестьянских повстанческих отрядов (гайдамаков и опришков), в то время как немало более крупных прогрессивных деятелей не получили отражения в песнях. Уже Н. Костомаров писал: «Народное сердце бывает своенравно и неудоборазгаданно в сочувствии к личностям, о которых сохраняется доброе воспоминание в народной массе»². Впрочем, этот вопрос для нас ныне несравненно более ясен, нежели в свое время для Н. Костомарова. Советская наука легко объяснит, почему Кривонос, Нечай и Палий воспеты украинской народной песней.

¹ См. В. Гнатюк. Словашський опришок Яношік в народній поезії. «Записки наук. товариства ім. Т. Г. Шевченко», т. 31—32, 1899, а также Andrej Melicherčík, «Janosíkovská tradícia na Slovensku», Bratislava, 1952, стр. 302.

² Н. И. Костомаров. Малороссийские народные предания и рассказы. «Русская старина», 1877, № 5, стр. 128.

Вопрос этот волновал и Ивана Франко, который был выдающимся исследователем фольклора:

«Чому, наприклад, — задаєт он вопрос, — викликало обширну і гарну пісню повищення в Коломії 1877 р. звісного розбійника Драгарюка, а не викликало її замордування московського царя?» Франко указывает такие необходимые три условия для того, чтобы дело отразилось в народной песне: 1) чтобы это дело было народу близким, часто касалось его жизни, постоянно задевало его внимание; 2) чтобы оно касалось не единиц, а всей массы народа, либо всей страны, либо определенной местности, или, говоря иными словами, чтобы это дело было более экономическим, чем политическим, и 3) чтобы оно было для народа ясным и понятным.¹ Все это в основном верно, но факт остается фактом, что песня воспевает часто полюбившегося народу рядового героя, а многих крупных исторических деятелей, по выражению Костомарова, «даже знать не хочет», и это — очевидная черта народности эпоса.

Нужно ли сомневаться в том, что подобная «избирательность» должна была существовать и в подборе героев былевого эпоса, и что среди них есть и образы, имевшие своими прототипами выдающихся личностей эпохи (Владимир, Добрыня) и образы каких-то рядовых деятелей, к числу которых, может быть, принадлежали прототипы Ильи Муромца, Василия Игнатьевича и ряда других богатырей. Немало таких прототипов уже выявлено, хотя они не всеми учеными признаются, других нужно отыскивать, и наука не имеет основания отказываться от этой задачи, сколько бы времени ни прошло с момента возникновения былины, ибо главное для сохранения памяти об историческом лице не столько во времени, сколько в *интересе народа* к этому лицу и характеру его деятельности.

Что касается образов отрицательных персонажей, какими в эпосе являются прежде всего захватчики-враги, то и в раннефеодальном эпосе для них не находится индивидуальных особенностей. Враги изображены обычно человекоподобными чудовищами или людьми колossalной силы. Несколько больше индивидуализируются про-

¹ И. Франко. Дещо про Борислав, Вибрані статті про народну творчість, упорядкував О. Дей, К., 1955, стр. 142—143.

тивники в позднем эпосе (украинские думы, сербские юнацкие песни, русские исторические песни XVI—XVII вв.), хотя и здесь они в общем схематичны.

Такой незначительный уровень индивидуализации всех отрицательных героев в эпосе раннего феодализма (не говоря уж об эпосе первобытнообщинного строя), весьма схематичная форма их воплощения дают право предположить, что речь идет не только об иноземных захватчиках, но и о социальных врагах народных масс, их эксплуататорах. Это касается, в частности, тех случаев, когда сюжет не отражает картин иноземного нашествия, может быть, это можно сказать об образах змеев, чудовищных людей и зверей. Выраженная в отрицательных образах эпоса ненависть к завоевателям и эксплуататорам является, разумеется, выражением его народности.

В героическом эпосе нашла свое выражение такая характерная черта народности, как настороженное, а часто и прямо враждебное и презрительное отношение к служителям культа. В своем знаменитом письме к Гоголю Виссарион Белинский замечательно охарактеризовал это отношение народа к духовенству в XIX в.

Уже на относительно ранних стадиях развития общества, при выделении шаманов из среды общинников, массы, хотя и боялись шаманов, но в то же время и ненавидели их. Это находит свое отражение в раннем эпосе. Куллун Куллустур — герой якутского эпоса, избил шамана за плохое предсказание¹. Он же воюет с чудовищной шаманкой, уничтожающей и пожирающей людей². Мудрая и мужественная девушка-богатырь бурятского эпоса Агу-Гоохон утопила в браге шаманку, которая хотела ее предать³. То же можно сказать и об отношении к служителям позднее сложившихся религий. В «Гэсэре» злые духи и черти и разные отрицательные персонажи часто выступают в виде лам. Гэсэр уничтожает их и издевается над ними⁴.

Так же относятся народы и к самим богам. Алтайские богатыри в поэме «Козык-Эркеш» победили злого

¹ С. В. Ястребский, указ. работа, стр. 72.

² Там же, стр. 65.

³ Аламжи-Мерген, указ. изд., стр. 209—210.

⁴ О характере бурятского эпоса «Гэсэр», указ. изд., стр. 136 (докл. Шаракшиновой).

бога Эрлика и потом издевались над ним¹. Один из героев каракалпакского эпоса — пастух Джурин, обратившись к богу, изобличает его в том, что тот не видит «бедняков горбы» и не жалеет тех, которые «одичали в рабстве»². Резко отрицательное отношение к христианскому духовенству и церквям нашло довольно отчетливое выражение в некоторых образах «Сасунских богатырей», о чем мы подробнее скажем ниже, и в «Калеви-поэге», герой которого разбивает монастырь, бросив в него скалу, для того, чтобы прекратились поборы с крестьян в пользу монахов. Монахов Калеви-поэг называет «церковными галками». Такое же отношение к духовенству в какой-то мере мы находим и в русских былинах.

Есть в русских былинах категория сюжетов, о которых мы еще не упоминали, это, так сказать, посольские сюжеты, особенно тесно связанные с образами Добрыни, а также Дуная, Василия Казимерского. Н. С. Смирнова, исследовавшая подобные сюжеты в казахском эпосе, высказала интересную мысль о том, что отношения действующих лиц в этих сюжетах раскрывают стремление народа к независимости³. Это может относиться и к русским былинам, они отражают народную борьбу против попыток порабощения Руси агрессивными соседями в период татарского ига, народную мечту о полном освобождении от него. Ряд других сюжетов отражает политическое созревание сознания народных масс в условиях раннефеодального общества. Так, осознание широкими массами необходимости дальнейшего общественно-экономического развития нашло свое выражение в сюжетах таких былин как «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», в которых изображена борьба за освоение и охрану путей между землями, как «Глеб Володьевич», где речь идет о защите морских торговых путей и свободных условиях для торговли. Таковы основные проявления народности в героическом эпосе доклассового и раннефеодального общества и, в частности, в русских былинах.

Проблему народности эпоса, разумеется, нужно разрабатывать и на более поздних эпосах, вплоть до эпоса

¹ А. Коптелов. Ойротский героический эпос, «Сибирские огни», 1941, № 2, стр. 111.

² Кырк-Кыз, указ. изд., стр. 40.

³ Н. С. Смирнова, указ. дисс., стр. 144.

советской эпохи, но былины не являются лучшим материалом для такого исследования. Мы видим, что очень много былевых образов хорошо объясняются как проявления народности раннефеодального периода, а частично — предшествующей ему поздней стадии первобытнообщинного строя. Разумеется, былины, как и всякий бытующий эпос, впоследствии изменялись в духе народности позднейших периодов, но не следует преувеличивать значение этих изменений. Разве можно усмотреть в былинах, например, поэтизацию образа батрака, характерную для других народных жанров, например сказки, отражение народной ненависти к фабрикантам, подрядчикам, царской полиции, что так характерно для позднейшей народности XIX—XX столетия?

Народные образы, созданные в раннефеодальном периоде, их идеиное содержание и образная форма во многих отношениях продолжали удовлетворять запросы народных масс и в XV—XVIII столетиях, а для отражения самых актуальных вопросов современности служили уже иные жанры. Народ ничего не изменяет без необходимости. Те изменения, которые производились в былинах в духе позднейшей народности, все же в основном касались частностей и не изменяли коренным образом основного характера образов былевого эпоса.

Одним из самых выразительных проявлений народности в эпосе классового общества является, разумеется, изображение страданий народных масс под игом феодалов, «своих» и иноземных и отражение народной мечты о жизни в условиях, свободных от всякого гнета. В бурятских эпических поэмах такая мечта выражена в концовках: «живь счастливой жизнью, над собой не зная властелина, а на рубежах своих не ведая врагов»¹. Счастливую крестьянскую страну рисуют многие древние эпосы, отражение подобной идеи имеется даже в преданиях, вошедших в «Авесту», здесь люди бессмертны, не бывает ни мороза, ни зноя. Таджикский эпос «Гургули» изображает свободную страну Чамбул, «царство справедливости, убежище для бедняков и сирот»². Та же страна изображена и в родственных эпосах других наро-

¹ О характере бурятского эпоса «Гэсэр», указ. изд., стр. 23.

² И. «Братинский. Очерки из истории таджикской литературы, 1956, стр. 99—100.

дов Кавказа и Средней Азии. В свободной стране, не знавшей царей, родился Аламжи-Мерген, посвятивший потом свою жизнь борьбе с деспотом и служению людям. В конце одной из якутских эпических поэм устанавливается счастливая жизнь в «среднем мире», т. е. в том мире, где проживают люди¹. Социальная мечта о справедливой власти отражена и в поэме «Кырк-Кыз», где победивший народ избирает из своей среды четырех мудрых вождей, чтобы они правили сообща, «равными правами наделив людей»².

Социальные мечты авторов и носителей русского былевого эпоса заключаются в следующем: окончательно обезопасить границы страны от внешних вторжений, уничтожить «князей-бояр» — народных угнетателей, установить власть «справедливого» князя, которым, как это проглядывает в некоторых вариантах, мог бы быть, например, Илья Муромец, и создать обеспеченную жизнь для народа, чтобы не было обездоленных «голей кабацких». Часто звучит в былинах и острый протест пристив социального неравенства.

Народность героического эпоса выражается прежде всего в его правдивости, правдивости отражения народных стремлений, надежд и чаяний, народной оценки тех или иных событий и исторических личностей. Правдивость героического эпоса выражается и в *стремлении* народа правильно отразить действительность в духе стихийно-материалистического ее понимания, хотя *степень соответствия* образов эпоса объектам изображения различна для различных этапов развития художественного познания человечества. Это последнее обстоятельство исследователь всегда обязан учитывать при анализе тех явлений действительности, которые отражены в героико-эпических образах.

Как известно, объекты действительности отражены в искусстве в свете идейных воззрений и устремлений художника. Стремления авторов эпоса выражаются, в частности, в мечте о лучшей счастливой жизни для людей, в социальной мечте об идеальном политическом строе (насколько народ в ту или иную эпоху может его себе представить). Одним из выражений такой мечты яв-

¹ Нюргун боотур Стремительный, указ. изд.

² Кырк-Кыз, указ. изд., стр. 318.

ляется изображение любимого героя в наиболее оптимальном, в наилучшем положении (какое только, опять-таки, могут представить себе певцы на данном историческом этапе). В таком изображении действительности, при котором отражается вместе с ней и пламенная народная мечта и иллюзия, выраженные в формах, характерных для людей первобытнообщинного и раннефеодального строя, и заключается специфика правдивости народного эпоса этих периодов. Сама по себе народная мечта является важной стороной объективной действительности. Ленин писал: «...объективна и кажимость, ибо и в ней есть одна из сторон объективного мира? Не только Wesen, но и Schein объективны»¹. Известно, что писал Энгельс о народных сказаниях, в которых мечта имела задачей заставить крестьянина «забыть свой тягостный труд» и в целом представить себе действительность лучшей, нежели она была на самом деле, «прояснить его (народа — М. П.) нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству»². Это не может относиться в полной мере в народной мечте в героическом эпосе, ибо в нем фантазия и вымысел более ограничены, нежели в сказках, но немало общего все же есть, так как и в сказке и в эпосе проявляется мечта того же автора — народа. Таким образом, в целом правдивость отражения действительности в народном эпосе зависит от направленности народной мечты.

Как изображены в эпосе конкретные исторические события и исторические личности? Стремясь к правдивости отражения действительности, народ исходит, как указывал Горький, из своих собственных оценок исторических фактов³, и эти оценки, как правило, гораздо более верны, что давно уже было замечено. «Порой историк вводит в заблужденье, но песнь народная звучит в сердцах людей», — писал Байрон в «Паломничестве Чайльд-Гарольда». Подобная идея воплощена и в образах стихотворения армянского классика Аветика Исаакяна «Наши историки и наши гусаны».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 86 (Wesen — сущность, Schein — кажимость).

² Немецкие народные книги. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 26.

³ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 703.

Народ, не считаясь с официальной историографией, создаваемой господствующими классами, при помощи песен писал свою историю, со своими героями, на основании собственных оценок, и, как мы видели, не без участия своей социальной мечты, и эту, написанную народом народную историю советская наука должна понять и изучить.

При изучении народности героического эпоса необходимо, разумеется, принимать во внимание условия его возникновения и бытования, в частности, возможность влияния на него идеологии социальной верхушки. Мы знаем, что некоторое время влияние классово враждебной идеологии на целый ряд произведений героического эпоса преувеличивалось. В настоящее время ошибки советских ученых в этой области исправлены. Однако мы не должны закрывать глаза, изучая эпическое творчество, на те идеи, в которых нашли свое выявление нечаяния трудящихся масс, а социальные устремления эксплуататорских классов. При исследовании творчества многих народов были найдены в нем попытки «окняжить» народные песни и сказки, поэтому мы, ясно видя народную основу и преимущественно народный характер таких замечательных эпосов, как «Манас», «Гэсэр», «Песни о нартах», должны принять во внимание возможность существования и некоторых наслоений в духе верхушечной классовой идеологии, которые в процессе изучения эпоса необходимо вскрыть для того, чтобы еще ярче заблистали драгоценные изумруды народных идей и образов. Впрочем, сказанное в сравнительно малой мере относится к былинам, ибо последние пришли к нам хорошо очищенными в горниле многовекового устного бытования в народе.

Глава вторая
СТАНОВЛЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
В ИЗУЧЕНИИ БЫЛЕВОГО ЭПОСА

Историческая концепция, по которой былины прежде всего отражают ту эпоху, которую они сами называют, т. е. эпоху Киевской Руси, издавна существовала и развивалась в русской науке.

Историческая трактовка былевого эпоса имеет большие традиции. Так, летописцы разных столетий и разных местностей относились в общем с доверием к историзму былин, приурочивая их образы к описываемым в летописях событиям и лицам. Сохранился, кроме того, целый ряд средневековых свидетельств (например, сообщение Лассоты, Филона Кмиты Чернобыльского и др.) о том, что народные массы относились к былевым образам как к вполне достоверному материалу.

В русской науке историческую точку зрения на былины высказал еще К. Ф. Калайдович в известном предисловии к изданию сборника Кирши Данилова 1818 г. Он указывал на связь былин с некоторыми зафиксиро-

ванными в летописях событиями. Впрочем, еще до него В. Татищев сопоставлял былинные имена с летописными. Как отражение действительных личностей и событий древней истории рассматривал образы богатырей и издатель известного сборника «Русских сказок» Левшин¹.

Однако дальнейшая эволюция исторической концепции в изучении былин в 20—50-х годах XIX в. до последнего времени трактовалась неверно. Так, например, Лобода в своих лекциях считал, что русский былевой эпос связывали с различными эпохами и событиями русской жизни Полевой, Бодянский, Хомяков, Аксаков, Шевырев и др.². Однако заслуги перечисленных лиц в данной области весьма ограничены. Так, работа К. Аксакова представляет собой изложение былевых сюжетов, чуть разбавленное славянофильскими домыслами, вроде того, что «аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси», «Христианство — есть главная основа всего Владимира мира», былины выражают почтение князю и т. п.³. Заслуживают быть отмеченными лишь, во-первых, высказанное автором замечание, что татары в песнях заменили печенегов и хозар, и, во-вторых, попытка объяснить пару географических наименований, связанных с Киевом⁴. Аксаков имел несколько своеобразное мнение об историчности былин. Он считал мир Владимиrowых былин не историческим, а сказочным, который, однако, «очень важен и состоит в непременной связи с историческим». Богатырские песни, по Аксакову, петь если не при самом Владимире, «то вскоре после него». От песен времен Грозного они весьма отличаются: «При сравнении живо чувствуешь, что песни Владимиrowы

¹ «Должно думать, — писал он в предисловии, — что сии приключения богатырей русских имеют в себе отчасти дела бывшие, и естьли совсем не верить оным, то надлежит сумневаться и во всей древней истории, коя по большей части основана на оставшихся в памяти сказках». Русские сказки (В. Левшина), ч. I, М., 1780, л. 2 об. Это не помешало, впрочем, издателю вымышлять сказки при создании своего сборника.

² А. Лобода. Лекции по народной словесности (на правах рукописи), К., 1910, стр. 87.

³ К. Аксаков. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням. Соч., т. I, М., 1861, стр. 337, 338, 339.

⁴ Там же, стр. 334 и 336.

древнее и по содержанию и по изложению»¹. Это, разумеется, довольно тонкое и дающее перспективу наблюдение.

Не было достаточных оснований и для того, чтобы говорить о больших заслугах Н. Полевого в данной области. В весьма примечательном для своего времени шеститомном труде «История русского народа»² Полевой не занимался былинами на том основании, что считал славянский героический эпос, хотя и существовавшим в прошлом, но безвозвратно исчезнувшим: «Песни скальдов и гусляров славянских разлетелись в звуках и исчезли. Ничего, решительно ничего не дошло до нас»³. «Слово о полку Игореве» — лишь исключение. Правда, зато Полевой с большим интересом занимается разбором тех мест летописей, «где звуки поэзии отзываются из небытия»; речь идет о легендах об Аскольде и Дире, о походах Олега и Игоря на Царьград, мщении Ольги древлянам, походе Святослава в Болгарию, истории Рогнеды, спасении Белгорода, походе Мстислава на касогов⁴. Всего Полевой рассматривает 12 сказаний и, таким образом, он оказывается одним из первых исследователей, открывших в летописях поэтические рассказы. Но все же это еще не изучение былевого эпоса.

Еще менее заметны заслуги С. Шевырева и А. Хомякова. Эти авторы видели в былинах отражение киевского периода, но сделали очень мало для дальнейшего развития исторической концепции.

Весьма мало сделали для этого также Н. Надеждин, который, сбиваясь на мифологическую трактовку образов, пытался объяснить также некоторые наименования и бытовые детали с исторической точки зрения⁵, и Н. Погодин, реакционные позиции которого, защита самодержавия, национализм и также упорный норманизм мало компенсировались утверждением о народном (а не ари-

¹ К. Аксаков. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням. Соч., т. I, М., 1861, стр. 333—334.

² Н. Полевой. История русского народа, тт. I—VI, М., 1829—1833.

³ Там же, т. II, стр. 261.

⁴ Там же, стр. 267—274.

⁵ Н. И. Надеждин. О русских мифах и сагах, в применении их к географии и особенно этнографии русской. Читано в общем собрании Рус. геогр. общества 2 марта 1851 г., «Русская беседа», 1857, III, I—20; IV, 19—63.

стократическом) авторстве былевого эпоса и защитой его дотатарского происхождения¹. Однако не этими учеными обоснована историческая концепция былевого эпоса, и на фоне их работ книга Л. Майкова показалась бы слишком неожиданной.

Несколько большую роль в формировании исторической концепции русского эпоса сыграл, как это ни покажется на первый взгляд странным, Ф. Буслаев, который, постепенно отказываясь от мифологической точки зрения, шел не только к сравнительной школе, но, можно сказать, инстинктивно, именно к исторической концепции. Буслаев в ряде своих (написанных раньше книги Майкова) работ говорил об историчности былевого эпоса. Если в своей статье «Эпическая поэзия» он лишь указывает на возможность возникновения песен «по поводу какого-нибудь вновь представившегося случая», ссылаясь на песни о Ермаке, Скопине-Шуйском, Отропьеве², то в своих более поздних работах говорит именно об историчности былин. Так, в статье «Русский народный эпос» он прямо указывает на жанр «исторической песни или былины» и на то, что «простой народ питался и доселе не перестает питаться национальными силами исторических преданий в своих исторических былинах»³. В другой своей работе, анализируя «Слово о полку Игореве», он считает, что «важнейшим фактом», извлекаемым из этого произведения «для истории русской поэзии XI века, есть тот, что поэзия эта, вышедши из своих первобытных мифических основ, явственно носит на себе характер уже исторический. Русский эпос XI века — уже эпос исторический»⁴. Боян, по мнению Буслаева, «предавался замышлению эпоса, уже исторического», хотя «мифические и героические основы русской поэзии» были еще свежи в его памяти⁵. Еще в одной из своих работ Буслаев весьма высоко оценивал исторический эпос славян и противопоставлял его

¹ Н. Погодин. Замечание о наших былинах. ЖМНП, 1870, т. XII, стр. 155—171.

² Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, I, СПб., 1861, стр. 53.

³ Там же, стр. 421. Подчеркнуто Буслаевым.

⁵ Там же, стр. 381.

⁴ Там же, стр. 383.

эпосу мифологическому, не имеющему исторических элементов¹

Указанные взгляды Буслаева, хотя излагались и не очень четко, не могли остаться незамеченными, ввиду особо почетного положения, которое занимал Буслаев в официальной науке. И необходимо подчеркнуть, что резко отрицательное отношение и насмешки по его адресу со стороны Н. Чернышевского², получившие такую широкую известность, не касаются указанных взглядов Буслаева и относятся полностью к другому в его работах — крайностям мифологической школы и компаративистского метода.

Определяющее значение в обосновании исторических воззрений на русский героический эпос фактически имели взгляды революционеров-демократов, оказавшие сильнейшее воздействие на развитие русской фольклористики.

Уже Белинский стал по сути зачинателем исторического подхода к народному творчеству, он писал: «Поэзия всякого народа находится в тесном соотношении с его историей», поэтому «его история может объясняться поэзией, а поэзия историей»³, «Поэзия всегда верна истории, потому что история есть почва поэзии»⁴.

Известно, что взгляды Белинского на фольклор отличаются чрезвычайной сложностью, объясняемой особо сложной идейной борьбой, которую вел великий критик против представителей различных антенародных направлений в общественной мысли его времени, пытавшихся укрепить свои концепции с помощью неверно освещенного народно-поэтического материала. Эта борьба была причиной того, что Белинский, сопоставляя народное творчество с произведениями гениальных писателей, часто умаляет его значение. И все же, несмотря на это, В. Белинский, располагавший еще весьма небольшими материалами по былинному эпосу и называвший его,

¹ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, I, СПб., 1861, стр. 367.

² См. письмо Ю. П. Пыпиной 21 января 1884 г. Н. Чернышевский. Полное собр. соч. в 15 томах, т. XV, стр. 447; ср. «Полемические красоты», т. VII, стр. 740—751; «Ответ на вопрос», т. VII, стр. 589.

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 328.

⁴ Там же, стр. 533.

как и многие другие литераторы его времени, «стихотворными сказками», давал им в общем очень высокую оценку. Он считал необходимым использовать их, в частности, для воспитания детей: «Очень полезно, и даже необходимо, знакомить детей с русскими народными песнями, читать им, с немногими пропусками, стихотворные сказки Кирши Данилова» Он считал их сокровищами народной поэзии¹

В годы, когда Белинский писал о былинах, науке был известен главным образом лишь сборник Кирши, к текстам которого почти не имелось параллелей. Неудивительно, что в его время и даже позднее высказывались предположения, что сам Кирша был автором этого сборника². Наука находилась в зародышевом состоянии, и все это объясняет, почему Белинский называл былины, составляющие сборник Кирши, сказками. Отметим, что Белинский вообще видел в фольклоре две основных категорий. Он считал, что в народном творчестве песня составляет лирическую поэзию, сказка — эпическую, а драма встречается и в той и в другой «как элементы». Совершенно ясно, он сблизил сказку с былиной на том основании, что в них особенно ярко олицетворены враждебные силы, что предметом их является ощущение физической мощи — богатырство, а в виде таинственных и волшебных образов отражено все то, чего человек не знает³.

В то же время, называя былины сказками, Белинский все же не ставил между ними знак равенства. В статье «Общее значение слова «литература» он называет их «сказками или поэмами в сказочном роде»⁴. Белинский не забывает здесь указать, что Владимир играет в них значительную роль. В связи с произведениями письменной литературы, он, говоря о том, что много памятников древней письменности погибло, указывает и на то, что дошедшие до нас былины тоже сохранились случайно (речь идет о сборнике Кирши). Выходит, у Белинского не было сомнений в древности былин, хотя он и считал, что былины «изменялись с каждым веком, под-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 88.

² Характерно, что Белинский говорил об этой гипотезе с на смешкой. Там же, т. V, стр. 353.

³ Там же, т. II, стр. 507

⁴ Там же, т. V, стр. 622 и 354.

новляясь и в языке и в понятиях», так что ко времени записи «совершенно лишились своего первобытного вида»¹. Это последнее замечание Белинского не должно рассматриваться без учета ограниченности былинного материала, известного Белинскому, и полного отсутствия в его время специальных исследований.

Белинский не сомневался в том, что в эпической поэзии может находить свое место и историческое творчество народа. В первой из своих известных четырех статей по народному творчеству, он, говоря об эпической поэзии, находит в ней три основных рода произведений: космогонические или мифические, сказочные и «исторические, в которых хранятся поэтические предания исторической жизни народа, уже ставшего государством»². Все же былины сборника Кирши отнес он в общем к сказкам. К первой категории он их отнести не мог, так как, по его мнению, мифология всех славян, особенно северо-восточных, играла в их жизни незначительную роль, и язычество с легкостью было ликвидировано Владимиром. К этой древнейшей мифологической поэзии Белинский отказался отнести былины, так как он не видел в них следов язычества³. Белинский пытается несколько точнее определить время возникновения былевого эпоса, но проявляет при этом некоторые колебания. Если в одном случае он, указывая на отсутствие следов язычества, относит возникновение «сказок» о Добрыне, Илье Муромце и Алеше Поповиче к позднейшему времени, наступившему после татарского владычества, то в другом случае (в той же работе) он считает, что «все эти стихотворения неоспоримо древние. Начались они, вероятно, во времена татарщины, если не раньше»; доказывает он это тем, что богатыри Владимира имеют своими противниками татар. Несколько ниже он пишет, что эти произведения были сложены «во время татарщины, если не после ее, а от старины воспользовались только мифическими, смутными преданиями и именами», или «они были переиначены и переделаны во время или после татарщины». Еще ниже Белинский высказывает мнение, что «богатырские сказки» о Владимире Красном Солнышке

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 623.

² Там же, стр. 331.

³ Там же, стр. 332.

были «воспоминанием новгородца о своей прежней родине»¹.

Колебания Белинского в вопросе о времени возникновения былин объясняются, разумеется, тем, что он замечал в них следы различных эпох. Считая их «поэмами в сказочном роде», он, однако, делал и попытки отмежевывать их от сказок, и не только в области формы, но и содержания. Он относился к их содержанию неизмеримо серьезнее, нежели к содержанию сказок, хотя и считал, что оно пострадало от того, что отношение народа к сказке, где чем больше нелепицы, тем лучше, отразилось и в «поэмах», где тоже много несообразностей². Серьезно относясь к содержанию «поэм» Кирши, Белинский резко возражал против попыток «склеить» их в одну поэму³, между тем, как объединение сказок является совершенно обычным делом.

Белинский не был чужд мысли о том, что произведения сборника Кирши были покрыты сказочным слоем уже впоследствии, а раньше представляли собой более верное отражение древней эпохи. Он высказывал предположение, что они, может быть, первоначально «явились чисто эпическими отрывками, а потом уже, изменившись со временем, получили свой сказочный характер». Он признавал, что непонятность сюжета конкретных «сказок» Кирши может быть результатом потери ключа «к разрешению этих вопросов»⁴. Естественно, что, как уже давно замечено⁵, Белинский порой искал в былинах исторические и бытовые черты, затененные сказочной дымкой. Например, он считал, что тот факт, что былинные богатыри стекаются на службу к Владимиру «со всех сторон» — есть «очевидно, отголоск старины, отражение давней были, в которой есть своя доля истины»⁶.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 332, 353, 364, 407.

² Следует напомнить, что Белинский почти вовсе не располагал наблюдениями над бытованиям былин, иначе он, разумеется, заметил бы, что сказители по-разному относятся к содержанию этих жанров.

³ В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. V, стр. 356.

⁴ Там же, стр. 355, 374.

⁵ См. А. Архангельский. Ф. И. Буслаев в своих «Воспоминаниях». «Известия общества археологии, истории и этнографии», т. XV, в. 3, Казань, 1899, стр. 399.

⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 356.

И, действительно, факт этот нельзя не считать своеобразным отражением исторической специфики сложения русской государственности в период Киевской Руси как объединения и сплочения многих, прежде разъединенных, земель. Отражение первых народных представлений о герониме, правда еще примитивных и грубых, видел Белинский в образах богатырей; в образе Васьки Буслаева он находил выражение исторического значения и гражданственности Новгорода, а в идее былин о Садко — «апофеоз Новгорода»¹. Одним словом, Белинский, который, как известно, с чрезвычайным вниманием относился к историчности народного эпоса в тех случаях, когда она была очевидна (припомните, с каким глубоким уважением говорит он об украинской народной поэзии, называя ее «верным зеркалом» исторической жизни Украины, и о песнях донского казачества, в которых — «весь быт и вся история этой военной общины»)², совершил первые попытки, и — нужно сказать — довольно удачные, проникнуть в глубь былевых образов, отражавших историческую действительность древней Руси. Эти попытки тем более поразительны, что они сделаны на чрезвычайно ограниченном материале и в то время, когда идейные противники революционной демократии толкали науку на путь антиисторического анализа былин как отражения внеклассовой и абсолютно единой для всех времен психологии русского крестьянина³.

Белинский был совершенно убежден в особенной древности былин и фактически полемизировал с предположениями о позднем их возникновении: «...некоторые поэты хотят быть народными особым образом, творя в духе народной поэзии. Прошедшего не воротишь: это закон общий и непреложный. Нельзя сделаться бояном времен Владимира Красного Солнышка. Можно воспро-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 398, 406—409, 417.

² Там же, стр. 435—436.

³ Отношение Белинского к былинам было связано с его отношением к русской действительности того времени и борьбой против реакции в области политической, косных традиций в быту и т. п. Вопрос этот освещен в ряде работ, например, М. К. Азадовского — «Народная песня в концепциях русских революционных просветителей 40 гг.», «Известия АН СССР, отделение языка и литературы», 1950, т. IX, вып. 6, стр. 462 и др.; А. Скафтымова, Белинский и устное народное творчество, «Лит. критик», 1936, № 7, стр. 144.

извести древность, но это уже будет древность, воспроизведенная поэтом XIX века, а совсем не каким-нибудь безвестным певцом «Слова о полку Игоревом». Но эта древняя поэзия более или менее сохранилась в простом народе, как менее подвергшемся изменению, — по крайней мере, так кажется»¹.

Белинский не случайно сближает здесь былины со «Словом», этим он их в одинаковой мере относит к глубочайшей древности. Ему вообще представляется невозможным для современного писателя создание произведения, которое раскрыло бы прошлое органически с позиций этого прошлого. Припомните слова Белинского о Хомякове, который «решился посвятить свои посильные труды на гимны старой допетровской Руси». «Намерение похвальное, — писал Белинский, — хотя и лишенное всякого художественного такта, потому что живое современное всегда ближе к сердцу поэта»². В связи с этим следует напомнить и замечание А. С. Пушкина, сказанное в защиту подлинности «Слова»; он писал: «Подлинность же самой песни (речь идет о «Слове» — М. П.) доказывается духом древности, под который невозможно подделаться»³. Разумеется, в былинах многое изменилось в процессе их устного бытования, но нельзя отрицать факт, что они довольно хорошо сохранили тот свой колорит, тот особый « дух древности », который резко отличает их от исторических песен XVI—XVII вв. Белинский хорошо чувствовал эту древность, когда, не имея возможности опереться на специальные исследования, однако, указывал, что *древняя* поэзия более или менее сохранилась в простом народе.

Выходит, что Белинский, хотя и называл былины «сказками» или «поэмами в сказочном роде», настаивал на их древности, пытался установить время возникновения, относя их иногда к дотатарской эпохе, признавал наличие в них следов весьма древних общественных отношений, быта и мировоззрения и сам вскрывал некоторые эти весьма существенные элементы былин. Напомню еще раз, что все это было сделано Белинским еще тогда, когда фольклористика находилась во младенческом воз-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 507.

² Там же, т. VIII, стр. 462—463.

³ А. С. Пушкин. «Песнь о полку Игореве», Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII, 1951, стр. 503.

расте и исторические воззрения на былины никем из профессиональных исследователей не были еще провозглашены. Приведенные здесь высказывания Белинского относятся к 1838—1841 гг., т. е. сделаны за 25 лет до книги Л. Майкова.

С исторических позиций подходил к изучению эпоса и Н. Г. Чернышевский. В своей известной рецензии на книгу Н. Берга «Песни разных народов» он выдвигает собственную концепцию происхождения эпоса. Он рассматривает ряд условий, способствовавших развитию эпоса на «младенческой» стадии истории человечества и констатирует, что «у народа, находящегося на степени патриархальности, существуют все условия поэтического настроения духа»¹. Однако, по мнению Чернышевского, не у всякого народа возможен расцвет эпоса. Расцвет обусловлен «энергией народной жизни», где «совершились силою народа великие события»². Великие события, как дело рук народных масс, вот что должно было, по мнению Чернышевского, стимулировать расцвет поэзии в этот период. Говоря о расцвете поэзии различных народов, Чернышевский замечает, что у испанцев она развилась в период борьбы с маврами, у сербов и греков — с турками, у украинцев — с Польшей. На первый взгляд кажется удивительным, что Чернышевский здесь не говорит о древнерусском эпосе, но это совершенно естественно, ибо рецензия написана еще в 1854 г., т. е. за несколько лет до Рыбниковского издания былин и, таким образом, Чернышевский располагал еще слишком недостаточным материалом для ответственных обобщений о былевом эпосе. Нет основания сомневаться в том, что если бы Чернышевский имел более значительный материал, он указал бы и былины рядом с перечисленными выше национальными историческими эпосами, ибо их развитие он непосредственно связывает с большими событиями, «национальными предприятиями», а этих последних в период Киевской Руси было очень много.

О необходимости изучения былин как исторического источника, хотя и вскользь, пишет Чернышевский в своей рецензии на «Архив» Калачова. Весьма положительно он

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15 томах. т. II. М., 1949, стр. 296.

² Там же, стр. 295.

упоминает здесь об успехах «исторической филологии» в области изучения исторического содержания фольклора; она «успела уже по отрывочным известиям у древних писателей, по отрывкам древних песен и сказок, сохранившимся в нынешних песнях и сказках народа, по соображению первобытного значения корней и переносного значения слов, составить довольно полную и отчасти даже одушевленную картину древнейшего быта немцев, славян и т. д. в ту эпоху, когда они были еще кочевыми пастухами и звероловами, картину их общественных отношений, семейного быта, поверий и понятий; потом она довольно хорошо рассказывает об изменениях, произошедших в народном устройстве и быте вследствие обращения народа к земледельческому, оседлому образу жизни; так историческая филология приводит нас к тому времени, от которого уже остались письменные исторические памятники»¹

Новых источников для истории XVI в., — замечает Чернышевский, — много больше, «нежели для эпохи, предшествовавшей Рюрику и Владимиру». Таким образом, Чернышевский весьма высоко ценил фольклор как источник изучения древнейшей истории Руси (примерно, до XVI в.). Если учесть особое внимание Чернышевского к периоду Киевской Руси, подчеркнутое в той же рецензии 1854 г. на «Архив» Калачова², то станет ясным, сколь большое значение придавал он работе по изучению исторического содержания древнего фольклора.

Чернышевский неоднократно обращался к эпосу различных народов (либо к литературным переработкам народного эпоса) как к историческим источникам. Так, он прямо ссылается на «Шах-намэ» Фирдоуси (которая, как он указывал, является сборником и переделкой народных песен), как доказательство разбойниччьего харак-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15 томах, т. II, стр. 374 (подчеркнуто нами — М. П.).

² «Кто же прав: Карамзин, считавший XV—XVI века более важными для русской истории, нежели предыдущие столетия (или тысячелетия...), или мы, с предпочтительным вниманием занимающиеся бытом отдаленнейшей древности? Без всякого сомнения, мы, потому что

Wir, wir leben,
Und der lebende hat Recht,

как давно уже сказал Шиллер». Там же, стр. 370.

тера всякого, в том числе восточного феодализма¹. Это конкретный пример использования Чернышевским героического эпоса для уяснения общественных отношений эпохи. Пример исторического анализа героического эпоса представляет собой приписываемая Чернышевскому рецензия 1856 г. на эпос «Кёр-оглы», которая недавно введена в собрание его сочинений².

В отличие от Ходзыко, называвшего Кёр-оглы разбойником, Чернышевский считал его национальным героем и национальным поэтом. Чернышевский поясняет, как создался эпос о Кёр-оглы. Талантливые импровизации Кёр-оглы рано перешли в народ и доныне сохраняются в устах певцов, прославляющих его подвиги. Особенно популярны военные песни, которые он пел перед битвой. Певцы повторяют их, «объясняя при этом, когда и по какому случаю они получили свое начало, и, таким образом, составился целый эпический цикл сказаний об этом герое». Чернышевский подчеркивает достоверность в передаче рассказов и импровизаций певцами, засвидетельствованную переводчиком, таким образом, он отмечает историческое значение фольклора, связанного с Кёр-оглы. Очень многое в содержании эпоса великий критик объясняет именно популярностью Кёр-оглы как народного героя. Так, существование в Азербайджане большого количества местностей, связанных с именем этого героя, Чернышевский объясняет не, как обычно, частыми переездами Кёр-оглы, а тем, что народные массы всюду старались «усвоить» его себе. Чернышевский, учитывая сложный характер возникновения и развития эпоса, ясно видит, однако, историческое ядро, лежащее в его основе, связанное с деятельностью конкретного лица. Чернышевский подчеркивает историческую правдивость этого эпоса, когда указывает на то, что в импровизациях Кёр-оглы можно найти «больше (чем в «Шах-намэ» — М.П.) отражений действительности в характере и понятиях самого героя и во всех обстоятельствах его подвигов»³.

¹ О причинах падения Рима, там же, т. VII, стр. 660. Ср. т. II, стр. 298.

² Рецензия помещена в «Современнике» 1856, № 10. См. Поли, собр. соч. в 15 томах, т. XVI (дополнительный), М., 1953, стр. 647—653.

³ Там же, стр. 648 (подчеркнуто нами. — М. П.).

Из всего сказанного следует, что Чернышевский видел в героическом эпосе отражение «энергии народной жизни», высоко ценил его и как важный исторический источник, сам пользовался им и, как видно из замечаний в рецензии на «Архив» Калачова, сочувственно относился к подобному изучению русского былевого эпоса.

Известно, что фольклористические работы Н. А. Добролюбова отличаются ярко выраженным стремлением к конкретно-историческому анализу. Как правильно указывает В. Е. Гусев, уже в своих ранних работах, касающихся пословиц и поговорок, Добролюбов обращает внимание на отражение в них местной истории и обычаяв: «Уже здесь заметен конкретно-исторический подход Добролюбова к произведениям фольклора, не свойственный ученым мифологической школы»¹. В одной из студенческих работ будущий великий революционер-демократ писал: «На язык так много ложится черт истории и быта народного, *произведения народной словесности заключают в себе столько исторических преданий*, в них так отражается миросозерцание народа, его быт, степень его образованности, что необходимо будет касаться и этих предметов, насколько они выразились в народной словесности. *Без этого моя работа не имела бы никакого приложения*, была бы слишком скучна, холодна, безжизненна»².

Естественно, что еще более серьезно представлял себе эту задачу Добролюбов в области исследования былин; для него былевой эпос был эпосом заведомо историческим, значит, требовал соответствующего анализа. Правда, как известно, Добролюбов имел свою концепцию истории былин, которую нельзя считать полностью приемлемой; она уже вызывала возражения некоторых советских фольклористов³.

По мнению Добролюбова, лежащие в основе былин предания, сохранившиеся «еще от времен норманнов», и певшие о «минувшей славе»⁴, были переработаны и

¹ В. Гусев. Добролюбов и проблемы фольклористики. «Сов. этнография», 1950, № 4, стр. 184.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, 1934, стр. 522.

³ В. Гусев в упомянутой выше работе указывает некоторые ошибки во взглядах Добролюбова на эпос.

⁴ Добролюбов считает этим периодом времена до Владимира Святославича. См. Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы. Полн. собр. соч., т. I, стр. 216.

слиты в единый Владимиров цикл во время татарского ига. Эти и дальнейшие изменения вызваны двойным гнетом (татарских ханов и русских князей), который заставил народ вспомнить прошлое в «упрек настоящему»; это отражение в былинах мечты народа «о средствах освобождения» и применение прежних событий «к современному течению дел»¹. Добролюбов считал «искажениями» первоначального содержания. Он требовал постоянного учета тех изменений, «какие должны были произойти в народных, особенно в исторических, песнях с течением времени»...² Как видим, он прямо называл былины историческими песнями. Добролюбов указывал на чрезвычайно большие изменения исторического содержания в текстах этих песен и в то же время нигде не высказывал сомнения в возможности выявления этого содержания.

На основании краткого обзора замечаний о героическом эпосе, высказанных великими революционно-демократическими критиками, как кажется, можно считать доказанным, что Белинский, и особенно Чернышевский и Добролюбов, стояли на исторической точке зрения в своих взглядах на былевой эпос. Для них былины были драгоценным художественным материалом, созданным народными массами в глубокой древности (во время или раньше татарского ига) и хотя значительно изменившимся в последующие века, однако отражавшими и эпоху своего сложения; отдельные следы этой отдаленной древности были ими указаны. Героический эпос рассматривался ими как *правдивый* источник познания общественных отношений, быта, психологии народных масс в прошлом, они также говорили об отражении в нем конкретных исторических событий (Добролюбов указывал на сохранение исторических преданий в фольклорных произведениях, Чернышевский — на отражение обстоятельств подвигов Кёр-оглы в одноименном эпосе и т. д.). И что необходимо особенно подчеркнуть, эта конкретно-историческая точка зрения Чернышевского и Добролюбова на героический эпос, и в частности на былины, была полностью оформлена в основном еще в 50-е годы,

¹ Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы, Полн. собр. соч., т. I, стр. 216.

² Там же, стр. 220.

т. е. не только до появления диссертации Майкова (1863), но и до Рыбниковского сборника (который вышел в 1861—1867 гг.).

Со всей определенностью, учитывая громадную дистанцию, существующую между идеальными позициями революционеров-демократов, с одной стороны, и Майкова и будущих представителей исторической школы, с другой, нельзя, однако, не указать на то, что именно Белинский, Добролюбов, Чернышевский сыграли выдающуюся роль в развитии исторической концепции в изучении былин. Великие русские революционеры-демократы, оказывавшие сильнейшее воздействие на умы учащейся молодежи, подлинные властители дум молодого поколения, своей критикой мифологической школы и крайностей «сравнительного метода», своим конкретно-историческим подходом к изучению былевого эпоса создали благоприятную почву для провозглашения «исторического метода» в книге 24-летнего Леонида Майкова и дальнейшего конкретно-исторического изучения былин. Характерное для революционеров-демократов стремление к конкретно-исторической трактовке проблем героического эпоса подготовило почву для подлинно научного изучения его марксистско-ленинской наукой в наши дни.

В дореволюционной литературе немало было написано об историческом содержании былин и, в частности, об их «дотатарском слое». Впрочем, все то, что сказано об этом представителями буржуазной науки, определенно необходимо критически пересматривать, так как ее идеологические позиции и методологические установки (теория аристократического происхождения эпоса, непонимание художественной специфики искусства и пр.) отрицательным образом сказались на результатах исследований. Былины, безусловно, содержат множество ценнейших исторически достоверных данных. Не говоря уже об отражении в них общественных отношений, быта, идеологии конкретных классов киевского и последующих периодов, — это в настоящее время может считаться доказанным, — можно настаивать и на том, что былины отражают также конкретные исторические события и деятельность конкретных исторических лиц.

Известно, как развивалась историческая школа в русской науке. Л. Майков (которого, как мы видели, не

совсем правильно считают основоположником «исторического метода») вскрыл явственные исторические следы периода Киевской Руси в былинах. По его мнению «все содержание былин» ныне представляется «в такой редакции, которая может быть приурочена только к положительно-историческому периоду». При этом Майков исходил из известного принципа Вильмарьссе-Фориэля о современности (по своему первоначальному образованию) народного эпоса воспеваемому событию¹. Майков, повторив мысли Аксакова о том, что татары заменили в былинах имена прежних степных врагов Киева, «без сомнения упоминавшиеся в этих былинах», указал и на то, что уже в период татарского ига и последующее время к былинам оказался присоединенным ряд новых эпизодов². Майков указывает на сходство некоторых событий Киевской Руси, указанных летописями, с отдельными эпизодами былин. Вывод Майкова: «...общий смысл богатырской деятельности, а, следовательно, и смысл эпоса о ней, — уже исторический, и, стало быть, былины Владимира цикла имеют для народа значение как воспоминание, конечно, вполне достоверное на его взгляд, об отдаленном прошедшем родной земли...»³.

Л. Майков считал большую часть былин южными по месту происхождения и относил их к X—XII вв. По его мнению, содержание былин Владимира цикла установленось в XIII—XIV вв.⁴. Свое основное положение Майков подкрепляет относительно детальным анализом быта и общественных отношений, изображенных в былинах.

Последователем Майкова явился в какой-то мере Н. Квашнин-Самарин, который занимался главным образом беглым разбором упомянутых в былинах географических наименований и имен и только вскользь касался общественных отношений⁵. Мало помог делу исторического изучения былин Н. Костомаров в «Преданиях

¹ Л. Майков. О былинах Владимира цикла, СПб., 1863, стр. 22.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 25—27.

⁵ Н. Квашнин-Самарин. Русские былины в историко-географическом отношении. «Беседа», 1871, IV, стр. 78—115; Новые источники для изучения русского эпоса, «Русский вестник», 1874, сент., 5—44; окт., 768—803. Во второй из этих работ автор сбивается на рассуждения в духе мифологической школы.

первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях»¹ и других своих работах.

Может быть, наибольшую поддержку «историческому методу» Майкова оказал... мифолог Орест Миллер в своем основном, поразительно противоречивом труде. Один из основных предводителей русских мифологов, будучи атакован критикой со стороны компаративистской иранской теории Стасова, он не сумел защитить себя собственным оружием, взятым из игрушечного арсенала мифологов, и должен был более трезво взглянуть на эпос и, таким образом, как бы принять историческую точку зрения на былины. Вообще книга Миллера представляется закрашенной двумя разными красками, которые нигде не покрывают друг друга, настолько не сливаются в них исторические воззрения автора с его мифологическими концепциями.

Именно мифолог Ор. Миллер первый дал существенные дополнения к материалам Майкова, привел важные соображения по поводу некоторых сюжетов и образов, указал на отдельные важные черты отраженных в былинах общественных отношений. Его вышедший уже в 1869 г. капитальный труд «Илья Муромец и богатырство Киевское» фактически поддержал не мифологическую теорию, а историческую концепцию. Мифологи отступали по всему фронту. Еще до книги Майкова Буслаев переходил на позиции сравнительной школы и признавал наличие исторических слоев в былинах. Заколебался и А. А. Котляревский. В рецензии на книгу Майкова он, правда, писал, что «отыскивать строго исторические корни и причины сказаний о богатырях и их подвигах — значит, противоречить характеру эпохи, в которой слагался их образ, эпохе мифической»². И все же он был вынужден признать задачей науки изучение исторического содержания былин: «...Истинным началом русской народной истории должны быть язык и богатырская былина, суровые типы которой замыкают темную мифическую старину и открывают народу новые исторические пути... Только язык да народная песня могут до некоторой степени концепциями.

¹ Н. Костомаров. Собрание соч., кн. 5, т. XIII, стр. 289—392.

² А. Котляревский. Основной элемент русской богатырской былины, «Филологические записки», 1864, в. 1—2, стр. 82. Перепечатано в Сочинениях А. А. Котляревского, СПб., т. II, 1893, стр. 256.

рой степени восстановить целый потерянный период русской истории»¹

В конце жизни Котляревский все чаще думал об историческом значении народных поэтических произведений и об их связях с родной национальной почвой². Котляревский изменил свою точку зрения на время возникновения основной части былин и вывел их из мрака «мифологического периода» во времена уже исторические.

Нередко исследователи, касаясь вопроса о возникновении и развитии исторической школы, особо подчеркивают роль киевского профессора Дашкевича, и в частности его работы «К вопросу о происхождении русских былин» и критики «Экскурсов» В. Миллера. Не отрицая значения Дашкевича в усилении исторической теории, следует, однако, отметить и некоторое преувеличение его роли в этом вопросе. Его основная работа посвящена не столько методологическим проблемам, сколько образу Алеши Поповича и доказательству того положения, что былины о нем и думы об Алексее Поповиче являются изводами единого в прошлом произведения. Этого положения Дашкевич не доказал, и вопрос остался открытым. Нельзя отказаться вступительной теоретической части этой работы в стройности и логичности, однако полтора десятка страниц, составляющих ее, написаны слишком бегло и не могут считаться программой исследовательской школы. Безусловный интерес представляет собой критика Дашкевичем «Экскурсов», но она лишь ускорила переход В. Миллера на путь исторической теории, ибо, как свидетельствует его книга, он сам шел, и в некоторой мере уже пришел к ней, и если его дебют в области изучения былевого эпоса ознаменовался крайностями компаративизма, то это объясняется старой специальностью Миллера — ориентализмом, которая в эпоху господства сравнительного метода неминуемо должна была толкнуть его на создание подобной книги. Миллер писал еще в «Экскурсах»: «Наш эпос в основе своей был искони историческим, как эпос иранский или греческий, и никакие

¹ А. Котляревский. Основной элемент русской богатырской былины, «Филологические записки», 1864, в. 1—2, стр. 70 (Курсив Котляревского).

² См. Речь А. Котляревского — Об историческом значении народных поэтических произведений. «Чтения в истор. общ. Нестор-летописца», 1888, кн. 2, стр. 143—145.

позднейшие внесения в него сюжетов фантастических и романнических не могут затушевать его главный фон»¹.

Заслугой Дашкевича является упорная защита позиций исторической теории. Еще в начале 80-х годов он заявлял: «Наш былевой эпос хранит в обилии несомненно живые исторические воспоминания»². Защита тезиса о современности возникновения эпических произведений событиям, в них изображенными, критика схоластичности сравнительного метода — заслуги Дашкевича, но в конкретное изучение былин в историческом аспекте он внес мало.

В значительной мере противоречивыми были методологические позиции И. Жданова. Формулируя их, он подчеркивает в первую очередь именно историческую основу былевого эпоса, но в своей практической деятельности, будучи увлечен потоком господствовавшего в науке компаративистского метода и преувеличивая значение древней письменности, в том числе переводной, занимался, по сути, изысканиями литературных источников былевых сюжетов. Лишь этим методом Жданов в некоторой степени владел и, очевидно, отдавал себе отчет в этом отношении; его работа, посвященная исторической основе «былин» о Романе, была малоубедительна, а исследование песен о Михайле вовсе не завоевало себе сторонников. Работы, посвященные былинам о Святогоре и Дюке Степановиче³ были выдержаны целиком в компаративистском духе. И все же, хотя Жданов и не владел средствами раскрытия исторической основы былевых сюжетов, его декларации в духе исторического метода способствовали укреплению этого метода в науке. Обосновывая свою диссертацию, И. Жданов утверждал: «Эпос былевой предполагает историческую основу. В некоторых песнях эта историческая основа обнаруживается с замечательной ясностью». В то же время он указывал, что, разумеется, «отражение в поэзии исторических собы-

¹ В. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса, М, 1892, стр. 215.

² См. «Чтения в истор. общ. Нестора-летописца», кн. 3, отд. 2, стр. 6.

³ См. И. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии, К., 1881, стр. 90—191, 232—239. Работа переиздана в «Сочинениях И. Н. Жданова», т. I, СПб, 1904, стр. 485—743; см. также стр. 842—869.

тий не объясняет всех явлений, всех разновидностей былевой песни. Рядом с песнями, сложившимися на исторически былевой основе и *удерживающими эту основу* и в позднейших пересказах, находим такие произведения эпической поэзии, в которых исторические воспоминания заменяются иным литературным материалом», заимствованным из сказок, бытовых побывальщин, легенд, притч, захожих псевдо-исторических сказаний¹.

По мнению Жданова, только историческая основа обусловила выделение былевого эпоса «в особый, своеобразно развивающийся вид народного творчества». Он хорошо аргументирует это положение, указывая, что свидетельства древней письменности подтверждают его. (Автор «Слова» знал о событиях более раннего времени; его свидетельство о Бояне — это свидетельство о древнеисторических песнях «Старому Ярославу» и др.) Отмечает, что некоторые народно-былевые песни «обнаруживают замечательную силу и жизненность эпической памяти», ссылаясь при этом на песню о Щелкане, которая точно передает эпические воспоминания о событиях начала XIV в.; несколько веков устной передачи не разрушили ни ее литературной полноты, ни ясности². Эти аргументы сохраняют свою ценность до сегодняшнего дня.

Глава русской школы заимствования А. Н. Веселовский, преувеличивая значение международных сюжетов в русском эпосе и процессов миграции, а также влияние письменных источников на фольклор, все же иногда считал необходимым сделать попытку поисков исторической основы былин. В особенности в этом отношении примечательны его «Южно-русские былины», где он признавал возникновение конкретных былин на исторической почве Киевской Руси и на основании этого достиг некоторых успехов в исследовании конкретных былевых сюжетов.

Больше других представителей буржуазной науки конца XIX — начала XX в. обоснованию исторической точки зрения на былины способствовал Всеволод Миллер. Он рассматривал богатырскую былину как произведение, которое «имело своим началом историческую

¹ И. Жданов. Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 816.

² И. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы, СПб., 1895. Предисловие.

песнь, прославлявшую подвиги исторического лица и кончавшуюся славой»¹. В своих лекциях, окончив анализ отражения эпохи Киевской Руси в былинах (борьбу со степью, роль Чернигова и др.), он утверждал: «Наш эпос в основе своей был искони историческим»².

В. Миллер в течение многих лет доказывал историческую природу былин, и именно в этом заключается основная положительная сторона его деятельности. При всей односторонности его метода и недооценке художественной специфики былин он все же дал немало весьма ценных сближений былинных образов и сюжетных эпизодов с соответствующими летописными данными; часть этих сближений весьма доказательна и используется в наши дни в специальной, в том числе и учебной, литературе. Что же касается методологических установок В. Миллера, то, как известно, они имели немало ошибочного; прежде всего необходимо указать на теорию аристократического происхождения эпоса и на недооценку художественной специфики фольклора, характерные для представителей данной школы, что отрицательно отражалось на результатах их исследований.

К концу своей деятельности Миллер до некоторой степени заколебался, начал делать уступки теориям позднего возникновения тех или иных сюжетов былин и т. п.

Следует напомнить и о работах учеников В. Миллера, а также других ученых, труды которых тоже были посвящены изучению былин в историческом аспекте. Б. Соколов, А. Лященко, Б. Ярхо более или менее удачно осветили содержание некоторых былин; почти без успеха делал это С. Шамбинаго. Ряд полезных указаний о содержании отдельных былин дал М. Халанский, хотя, в целом его концепция получила слабую поддержку в фольклористике. А. М. Лобода, начинавший свой путь под влиянием исторической теории и критиковавший сравнительную школу, сам, по сути, скорее стоял на позициях последней, и его основной труд «Русские быlinы о сватовстве» дал относительно небольшие результаты.

¹ В. Ф. Миллер. Лекции по народной словесности, М., 1909 (литографированное издание), стр. 268.

² Там же, стр. 276.

Наиболее самостоятельный из учеников В. Миллера и, вместе с тем, наиболее строгий критик своего учителя, А. Марков, в некоторой мере отличаясь от него своими теоретическими позициями, все же в целом развивал его линию.

Сравнивая идеальные позиции Миллера и Маркова, можем отметить большую прогрессивность второго по сравнению с первым. Он был не чужд мыслям об отражении классовой борьбы в былинах. Касаясь былины о ссоре Ильи Муромца с князем, он один из первых высказал мнение, что причины этого конфликта «лежали в социальном неравенстве старшей и младшей дружины и имели под собой экономическую основу»¹. В другой своей работе, цитируя угрозы Ильи князю, Марков, по сути, намекает и на народное недовольство, выражающееся в революции². Для его методологических взглядов характерно требование выяснения социальной основы мотива, впервые так ясно высказанное в буржуазной фольклористике. Впрочем, его собственные попытки в этом направлении ограничиваются приведенными выше фактами. Особое значение придавал Марков также изучению *среды*, в которой бытовали и бытуют былины³. В то же время, в отличие от своего учителя, Марков уделяет большее место в былинах литературным влияниям и миграционным иноzemным элементам. Иногда он, совершенно отрывая литературу от конкретной исторической почвы и следуя, по сути, Веселовскому, заявлял, что сказители былин просто «прикрепляли ходячие поэтические рассказы к определенной исторической обстановке»⁴. Несмотря на некоторый крен в указанную сторону, Марков все же видел в основе былин песни славы, подобные величальным обрядовым песням, которые дали былинам собственные имена, большей частью исторические⁵. В отдельных своих работах он дает не лишенные успеха по-

¹ А. Марков. Бытовые черты русских былин. «Этн. обозрение», 1903, № 3, стр. 93.

² А. Марков. Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в северной России. Сборник Харьк. истор.-фил. общества, в честь Н. Сумцова, VII, 1909, стр. 31.

³ А. Марков. К вопросу о методе исследования былин, «Этн. обозрение», 1907, № 1 и № 2, стр. 36 и д.

⁴ А. Марков. Бытовые черты... «Этн. обозрение», 1903, № 3, стр. 43.

⁵ «Былины», Энциклопедия «Гранат», столб. 282—284.

пытки раскрытия содержания некоторых былин, а лучшим своим трудом «Бытовые черты русских былин» он более всего способствовал доказательству того положения, что ядро былин возникло в раннефеодальный период. В этой работе Марков доказывает, что «время возникновения былин определяется основными фактами содержания: борьба со степными кочевниками, особенно с татарами, память о преобладающем значении Киева (до второй половины XII в.) и о принадлежности Чернигова к русским городам (до второй половины XIV в.), новгородская вольность, развитие коллективного паломничества в Иерусалим, представление Руси княжескою. Все это указывает на домосковский период русской истории, особенно на века XII—XIV»¹. Для доказательства этого положения Марков не только пересматривает многие события и имена, засвидетельствованные письменностью, но, главное, привлекает богатейший, весьма доказательный материал из области бытовой². Новгородские былины Марков считал сложившимися не позже падения Новгорода, т. е. XV в. Это время он считал вообще пределом сложения современных былин³.

Таким образом, в результате трудов многих серьезных исследователей было установлено важнейшее положение, выдвинутое еще в начале прошлого века, о том, что *временем возникновения ядра былевого эпоса* является именно раннефеодальный период, и в особенности период Киевской Руси.

Неизмеримо более глубокую идейную основу получила историческая концепция изучения былевого эпоса в советской фольклористике, ибо последовательный историзм в понимании всех общественных явлений, конкретно-исторический подход к объяснению любых фактов общественного бытия и общественного сознания являются, как известно, одной из самых существенных отличительных особенностей всей советской науки.

Определяющую роль в становлении научного исторического подхода к изучению народного творчества в советской фольклористике сыграли работы Маркса, Эн-

¹ «Этн. обозрение», 1903, № 3, стр. 44.

² Все это было сделано именно с целью подтвердить мнение об эпохе сложения русского эпоса; см. там же, № 4, стр. 25—26.

³ М а р к о в, стр. 46—47. Он признавал, разумеется, что редакции былин относятся к более позднему времени.

гельса, Ленина, которые анализировали самые различные явления общественной действительности, для чего последовательно определяли конкретно-исторические условия, влиявшие на возникновение и развитие данного явления. Маркс и Энгельс требовали выяснения объективных исторических условий, в которых находится каждый индивидуум, каждое поколение, каждый общественный класс, для раскрытия причин тех или иных их действий. Припомним, например, анализ Марксом конкретно-исторических особенностей изображенной в трагедии «Франц фон-Зикинген» коллизии и указание Энгельса на недостаточный историзм в изображении рабочего класса М. Гаркнес в ее повести «Городская девушка».

Так же глубоко историчен подход В. И. Ленина в его гениальных статьях о Толстом к оценке мировоззрения великого писателя и отраженных в его произведениях образов действительности. Известно, что В. И. Ленин теснейшим образом связывает творчество Толстого со взглядами русского крестьянства в конкретный период.

Особую роль в становлении исторических воззрений советских фольклористов на народное творчество играли, разумеется, взгляды Маркса, Энгельса, Ленина на фольклор. Здесь не место для широкого рассмотрения этой проблемы в целом, к тому же она уже неоднократно освещалась в науке. Отметим лишь некоторые из тех фактов, которые непосредственно относятся к вопросу об историзме подхода классиков марксизма-ленинизма к изучению народного творчества.

Особенно характерна в этом отношении трактовка К. Марксом и Энгельсом героического эпоса. Маркс связывает героический эпос с определенными историческими периодами и с определенным уровнем художественного развития человечества¹, объясняет развитие античного эпоса на основании ряда черт древнегреческого общества и указывает на неизбежность упадка эпоса (в форме античных эпопеи) в современном обществе, благодаря иным общественным условиям. Подобно этому разъясняет происхождение античного искусства Ф. Энгельс, указывая, в частности, на значение рабства, а проис-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 12, стр. 736—737.

хождение греческой мифологии Маркс и Энгельс связывают с общественным укладом древней Греции (разделение на роды и фратрии)¹. Раскрывая капиталистические общественные отношения, Маркс и Энгельс доказывают враждебность капитализма «известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»². Опираясь на эти взгляды классиков марксизма, советская фольклористика создала научную концепцию истории возникновения, расцвета и упадка эпопеи.

С позиций последовательного историзма подходя к изучению гомеровской «Илиады», Энгельс пользуется этой эпопеей как верным историческим источником для изучения расцвета высшей ступени варварства, указывая на отражение в поэме ряда черт экономического уклада, быта, искусства (архитектуры) этого общества. Материал, предоставляемый для изучения стадии варварства «Илиадой», Энгельс ставит рядом с описаниями германцев Цезарем и Тацитом³. Энгельс с доверием относится к исторической достоверности образов гомеровских поэм: «В поэмах Гомера мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности, внутри которых роды, фратрии и племена еще вполне сохраняли свою самостоятельность»⁴.

Дальше, говоря о значении народного собрания как верховной власти на данном этапе общественного развития, Энгельс ссылается на Гомера, который не указывает нам никакого способа, которым можно было бы привлечь народ против его воли к совершению тех или иных действий, для которых необходимо было участие народа⁵.

Вообще Энгельс подробно рассматривает ряд проблем общественных отношений периода варварства именно на материале гомеровских поэм. Так он, подробно анализируя образ Агамемнона, устанавливает, что это

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 103—104.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I, М., 1955, стр. 261.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 105.

был не царь, а «верховный командующий союзным войском перед осажденным городом», указывает на демократические порядки древнегреческого общества, основываясь на образе стоящих под Троей воинов, которые сами распределяют добычу. Термин «базилия», употребляемый греческими писателями в смысле «царства» гомеровского времени, на самом деле, «при наличии наряду с ней совета и народного собрания, означает только военную демократию». В целом Энгельс, в значительной мере именно на основании образов гомеровских эпопей, доказывает сохранение и начало разрушения древней родовой организации в греческом общественном строе. Энгельс пользуется «Илиадой» и «Одиссеей» и для освещения вопроса о форме семьи в древней Греции, в частности, он приводит ряд эпизодов этих эпопей, свидетельствующих об относительно приниженному уже положении женщины в обществе¹.

Таким образом, подход Энгельса к «Илиаде» и «Одиссее» для советских ученых был хорошим примером выявления особенностей определенной эпохи на основании анализа эпических произведений.

Большой интерес Маркса и Энгельса к вопросам героического эпоса, исторических и революционных песен выразился во многих фактах. Маркс и Энгельс очень интересовались русским эпосом; известны глубокие замечания К. Маркса о «Слове о полку Игореве» в письме к Энгельсу 5 марта 1856 г. Интерес Маркса к русским эпическим песням, сербскому эпосу, к вопросу об эпической поэзии у поляков, отразился в том же письме. Одним из писем Энгельса засвидетельствован его интерес к старосербскому эпосу и новому народному эпосу сербов, дана высокая оценка их эстетических качеств.

С особенным вниманием относятся классики марксизма-ленинизма к образам классовой борьбы, отраженным в народных песнях. Энгельс, давая критический анализ творчества немецкого поэта Карла Бека, специально касается образа Яносыка, этого известного словацкого опрышка (образ которого распространился в фольклоре ряда народов, в том числе и украинском). Большое внимание уделяли Маркс и Энгельс вопросу о воспитатель-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 65.

ном значении революционных песен и отражении в них образов народной борьбы¹.

Работы Владимира Ильича Ленина, его громадное внимание к запросам и нуждам народа, народным стремлениям, требовали от советских фольклористов особенно глубокого выявления идейного содержания образов народного творчества, выявления в них народных стремлений. Эта задача была поставлена перед советскими фольклористами В. И. Лениным в его беседе с В. Бонч-Бруевичем, в которой Владимир Ильич указал на необходимость обобщить и «просмотреть под социально-политическим углом зрения» народное творчество, этот прекрасный материал для исследования о «чаяниях и ожиданиях народных»². Необходимо при этом учитывать, что речь идет об отражении народного «миросозерцания в разные эпохи».

В. Бонч-Бруевич, в своей статье «В. И. Ленин об устном народном творчестве» пишет, что Ленин даже имел в виду сам написать статью на основании фольклорных материалов. Ленин считал необходимым сравнить плачи по уходящим на службу рекрутам «с песнями тех же крестьян, которые убегали от помещика, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу». «Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей: постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов. Что перерождало их? К чему они стремились? Как и за что боролись? Разве это не интересно знать? И все это звучит в народной песне»³. Как видим, Ленин рассматривает народные песни и плачи как верный источник познания многих сторон народной психологии. Такая точка зрения

¹ Известна оценка Марксом «Песни ткачей», отразившей настроения рабочих — участников восстания в Силезии (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Об искусстве, т. 1, М., 1957, стр. 559). Ф. Энгельс перевел на немецкий язык стихами стародатскую песню «Барин Тидман», прекрасно, поистине в народном духе, повествующую о расправе крестьян с помещиком. (Там же, стр. 551—552). Энгельс также знал на память целый ряд чартистских песен и несколько немецких песен периода революции 1848 г. (Там же, стр. 556—558).

² В. Б о н ч - Б р у е в и ч . В. И. Ленин об устном народном творчестве, «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 118.

³ Т а м ж е , стр. 120 (подчеркнуто нами — М. П.).

находила свое отражение и в отношении к конкретным песням.

Бонч-Бруевич привел еще целый ряд фактов, свидетельствующих о большом интересе Ленина к революционным песням и творчеству народных поэтов. Отметим еще, что в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин, касаясь вопроса о дебатах во второй Думе по аграрному вопросу и о точках зрения, высказываемых «националами», приводит выступление одного из делегатов, казака из Полтавщины, который цитировал украинскую историческую народную песню о разрушении Сечи Запорожской и передаче запорожских земель вельможам. Цитата из этой песни хорошо характеризует отношение крестьян к земле и недовольство царским правительством; очевидно, поэтому В. И. Ленин приводит ее в своей книге: «Гей, царица Катерина, що ты наробыла? Стель, широкий край веселый панам раздарила. Гей, царица Катерина, змиуйся над нами, виддай землю, край веселый с темными гаями»¹.

Определенное воздействие на усиление исторической концепции советской фольклористики оказали работы ряда выдающихся теоретиков и популяризаторов марксизма. В частности, уже в 20-х годах широкую известность получили работы Поля Лафарга и Г. В. Плеханова. П. Лафарг с совершенной ясностью выразил историческую точку зрения на народные песни: «Песня есть верное, самобытное и непринужденное выражение народной души, ее спутница в радости и горе, энциклопедия ее знания, ее религии, ее философии; сокровищница, которой она доверяет свою веру, свою семейную и национальную историю...».

Приводя известное высказывание (заимствованное из книги Фориэля о новогреческих народных песнях) одного из певцов современной Греции, который говорил, что, не умея читать и писать, он, чтобы не забыть о слущившейся истории, сложил о ней песню, — Лафарг продолжает: «Пение песни — единственное средство, знакомое некультурным народам и применяемое ими, чтобы сохранить результаты ежедневного опыта и поддерживать память о выдающихся событиях».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 375.

Лафарг подчеркивал принадлежность народных песен массовой традиции, а не отдельным индивидам. Перечисляя великие эпопеи, он указывает именно на «безымянную массу», как на их автора. Он утверждает, что народная песня «носит в общем местный характер» и очень основательно возражает теории заимствования, игнорирующей этот факт. Лафарг заявлял, что песня «не может быть навязана, как новая мода на платье». В целом, — писал Лафарг, — «устная литература обладает исторической ценностью большей, чем любое произведение отдельного индивида»¹

В других своих работах Лафарг вскрывает историческое значение народных свадебных песен, как материала для изучения истории семьи, разъясняет значение мифов и других народно-поэтических жанров.

Замечательные высказывания Лафарга много раз цитировались, применялись советскими фольклористами в борьбе с компаративизмом и другими антиисторическими концепциями в области фольклора.

Г. В. Плеханов в общем относительно редко касался вопросов народного творчества, однако в его знаменных «Письмах без адреса» он широко привлекает отдельные жанры, в частности, трудовые песни, вскрывая их большую роль в истории культуры, и в своей не менее известной работе «История русской общественной мысли» в отдельных случаях привлекает для иллюстрации и народно-песенный материал.

О значении Горького в развитии русской фольклористики писать здесь не приходится, так как этот вопрос освещен в нашей науке хорошо. Провозглашенные им на трибуне Первого съезда советских писателей слова о том, что «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества», что народное творчество постоянно сопровождает историю и что народ выражает в нем свое мнение о деятельности выдающихся исторических лиц, расходящееся с мнением профессиональных историков, зачастую более правильное, остались в сознании каждого советского фольклориста как одна из руководящих установок в научной работе. Речь шла у Горького о существовании *народной истории*.

¹ П. Л а ф а р г . Очерки по истории культуры. М.—Л., 1928, стр. 55—56 (подчеркнуто нами — М. П.).

ческой традиции, народной исторической школы¹ для изучения взглядов которой одним из лучших источников является именно народное творчество. Горький особенно убедительно учил глубокому уважению к народному творчеству, доказав, что коллектив был автором самых великих созданий человеческого гения и что «мировые» литературные типы созданы на основе народного творчества². Горький чрезвычайно глубоко понимал историзм народного творчества. «Русская песня — русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей», — писал Горький в одной из своих ранних статей³.

Эпос Горький понимал как «вместилище знаний народа о себе и требований к себе самому»⁴ и доказывал, что художественное творчество на ранних этапах развития человека было безрелигиозным, лишенным мистики и «единственным организатором» опыта масс⁵. С возмущением критиковал Горький, еще в дореволюционное время, Келтуялу, который считал творцом древнерусской культуры не «народ» (это слово он ставил в кавычки), а правящий класс⁶. Ряд аналогичных указаний Горького вооружил советских фольклористов для борьбы с теорией аристократического происхождения эпоса, проповедывавшейся adeptами исторической школы. Проникнутые горячей любовью и глубоким уважением к народу и его творчеству, верой в безграничную силу его гения, в глубокое понимание народом действительности, мудрые труды Горького произвели и продолжают производить сильнейшее впечатление на советских фольклористов.

В целом можно сказать, что Горький весьма способствовал укреплению исторической концепции в изучении русского эпоса, ибо высказывания Горького о фоль-

¹ Глубокие мысли о существовании такой своеобразной «исторической школы», в среде французского крестьянства находим у К. Маркса, см. Соч., изд. 2-е, т. 7, стр. 83.

² М. Горький. О литературе, М., 1953, стр. 702.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 48, 636, 787.

⁵ Доклад на Первом съезде советских писателей, там же, стр. 709.

⁶ М. Горький. Материалы и исследования. т. I, 1934, стр. 68—69.

клоре содействовали освобождению советской фольклористики от груза дореволюционных буржуазных теорий.

Нужно, однако, учитывать, что исторические взгляды в советской науке о былинном эпосе возобладали не сразу. Некоторые положения буржуазных школ, вроде теории верхушечного происхождения героического эпоса, еще долго давали себя знать. Несмотря на определенные достижения советской фольклористики в области изучения былин, ряд ведущих советских фольклористов еще до середины 30-х годов медленно завершал процесс своей методологической перестройки, что было замечено советской общественностью, особенно ввиду тех ошибок, которые были совершены Демьяном Бедным в его пьесе «Богатыри», ошибок, вызванных в значительной мере модернизированными концепциями буржуазных школ. «Правда» (21 ноября 1936 г.) и другие авторитетные советские печатные органы в процессе дискуссии о былевом эпосе вскрыли и осудили ненаучность теорий, отрицавших историзм былин: «За фигурами богатырей, за их полумифическими противниками скрывается и реальное историческое содержание, о котором не следует забывать». «За описанием богатырских подвигов мы угадываем подлинную историческую борьбу народных масс с врагом, угрожавшим самому существованию русского народа».

«Правда» писала: «Странная наука, которая ставит себе целью дискредитировать народное творчество и отнять его у народа».

Критика советской общественностью антиисторического подхода к изучению фольклора и, в частности, былин, открыла двери плодотворному развитию исторической концепции в советской фольклорной науке.

Большая часть советских исследователей былевого эпоса придерживается мнения о возникновении ядра русских былин или хотя бы значительного их количества еще до татарского нашествия. А. М. Астахова, касаясь данного вопроса в своем фундаментальном труде о былинной традиции на Севере, критикует М. Халанского, А. Архангельского, С. Шамбинаго за теорию позднего сложения былинного эпоса в пределах Московского государства¹ и В. Миллера за отнесение к Нов-

¹ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 15—16.

городу некоторых былин «Владимира цикла», «сюжеты которых могли сложиться и в киевское время»¹. Сославшись на мнение Добролюбова, который вполне определенно говорил «о начале формирования богатырского эпоса в дотатарское еще время», А. М. Астахова следующим образом формулирует основную концепцию о времени и месте формирования раннего былевого эпоса: «Вместе с объединением отдельных разрозненных песен киевского периода происходит и ассимиляция их с местными ростово-суздальскими и другими областными преданиями. В образовавшийся уже в основном киевский цикл, занесенный в новые центры государственной жизни, втягиваются местные герои; новые социально-исторические впечатления воздействуют на раннее творчество, и оно соответственным образом изменяется; создаются новые песни, также подвергающиеся процессу ассимиляции, исключая тех, которые возникают в более обособленных районах (как, например, Новгород). Такова общая картина раннего периода жизни эпоса, — периода его формирования, который охватывал несколько веков».

А. М. Астахова считает наиболее доказательным мнение о «киевском происхождении» значительной части былинного эпоса и указывает, что оно не снимается, несмотря на высказанное Д. С. Лихачевым предположение о том, что процесс циклизации эпоса вокруг Киева связан с «культом» Киева и князя Владимира, возникшим в связи с подъемом национального самосознания после Куликовской битвы². Вывод Астаховой: начальные моменты циклизации «все же относятся к более раннему периоду. Так или иначе несомненно, что образование киевского цикла в целом произошло еще до того времени, как эпос стал проникать на Север, и что в основу его лег целый ряд сказаний, сложившихся еще в досузdalский период»³.

Эта точка зрения является в настоящее время пре-

¹ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 16—17.

² Там же, стр. 18.

³ Д. С. Лихачев считает, что «сложение русского былевого эпоса в единый киевский цикл произошло не позднее середины XV в.», в частности, не позднее 1479 г., «года воссоединения Новгорода и Москвы». См. «Исторический журнал», 1943, № 1, стр. 44—45.

обладающей. Ее придерживались А. Никифоров, Ю. М. Соколов¹, В. И. Чичеров во многих своих работах. Она лежит в основе посвященных былинам глав в больших коллективных изданиях: «Русское народное поэтическое творчество» (Д. С. Лихачев², М. О. Скрипиль³ и др.), «Очерки истории СССР» (Э. В. Померанцева), «История культуры древней Руси» (А. Робинсон), вузовского учебника под редакцией П. Г. Богатырева «Русское народное поэтическое творчество» (П. Ухов)⁴ и многих других работ советских ученых. Всесоюзное совещание по вопросам изучения эпоса восточнославянских народов, состоявшееся в Киеве в 1955 г., и Всесоюзное этнографическое совещание 1956 г. показали, что историческая концепция в изучении былевого эпоса является ныне господствующей.

Многие советские исследователи не отказываются от необходимости работы не только над определением общего исторического субстрата, лежащего в основе былин, но и выяснения конкретных исторических фактов, которые могут находиться в основе былевых образов. На этой точке зрения, например, стоял А. Никифоров⁵. Он считал единственно возможным источником былины «первичный конкретный исторический факт», между тем как источники былин все же более разнообразны. Более перспективны взгляды Д. С. Лихачева: принимая во внимание стремление народа выразить в образах былин «желаемое, чаемое и ожидаемое», он в то же время учитывает и возможность отражения в них конкретных исторических фактов. «Эпос сохранил и отдельные исторические факты, если только эти факты могли быть отображенены как типичные народным художественным сознанием»⁶. В своей широко известной большой ра-

¹ Ю. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, 1941, стр. 252.

² Русское народное поэтическое творчество. М.—Л., 1952, стр. 178—179.

³ М. Скрипиль без достаточных оснований отнес к XIII—XV вв. ряд произведений, которые следовало приурочить к дотатарскому времени.

⁴ Русское народное поэтическое творчество. Учпедгиз, 1954, стр. 260.

⁵ А. И. Никифоров. Фольклор киевского периода. История русской литературы, М.—Л., 1941, т. I.

⁶ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, стр. 63, 65.

боте, посвященной изучению генезиса образа Алеши Поповича,¹ Д. С. Лихачев, показывая, что этот вопрос более сложен, нежели представлялось ученым раньше, в то же время продолжает твердо придерживаться мнения о том, что данный образ имел своим прототипом конкретную историческую личность. Такой выдающийся знаток былин, как А. М. Астахова не отказывается от исследования конкретных исторических событий, лежащих в основе былинных сюжетов. В своем исследовании былин об Илье Муромце трудно поддающихся выяснению исторических фактов, лежащих в их основе, А. М. Астахова приводит все данные, которые необходимо привлекать к этому вопросу и лишь как одно из возможных решений его высказывает допущение, что богатырь «не имел определенного исторического прототипа»². Также В. И. Чичеров в своих работах прослеживает следы исторических событий в конкретных былинах³. Он признает, что за сотни лет существования эпоса многое не сохранилось, многое исказилось. Но, «терпеливо отделяя в песне и былине древние черты от внесенного в позднейшее время, мы находим, наконец, ту историческую основу, на которой родилась былина или песня как художественный поэтический рассказ о действительно случившемся. По этим рассказам мы восстанавливаем картину древнейшей жизни и героической борьбы великого русского народа»⁴.

Авторы посвященных фольклору глав в капитальных работах по истории СССР Э. В. Померанцева⁵ и А. Робинсон⁶ знакомят читателя с более или менее установленными наукой связями конкретных былин с событиями раннефеодальной эпохи. Автор второй из указанных работ утверждает: «Основные былинные сюжеты

¹ Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. Труды Отдела древнерусской литературы, VII, М., 1949.

² Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарий А. М. Астаховой, М.—Л., 1958, см. стр. 407—410.

³ См., например, В. И. Чичеров. Русское народное творчество, М., 1959, стр. 214 и др.; Его же. Вопросы теории и истории народного творчества, М., 1959, стр. 261 и др.

⁴ В. И. Чичеров. Былинные богатыри, сб. «Народ-богатырь (IX—XIII вв.)», 1948, стр. 6.

⁵ Очерки истории СССР, т. I, М., 1953, стр. 206—213.

⁶ История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. II, М.—Л., 1951.

зародились в эпоху расцвета Киевского государства, в X—XI вв. и ярко отразили исторические факты, народную идеологию и бытовые черты того времени»¹.

В настоящее время задача заключается в дальнейшем углублении исторической концепции с позиций марксистско-ленинской философии, совершенствовании методологии, использовании достижений метода социалистического реализма литературной критики при изучении художественной специфики произведений. Необходимо, в частности, усилить работу по изучению конкретных былин.

---

¹ История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. II. М.—Л., стр. 148. Не лишено интереса, что на Западе самые крупные исследователи фольклора настаивали на историзме былин: «...в целом не может быть сомнения, что герой являются историческими личностями и что события, связанные с ними, имели в самом деле место»; «Даже там, где нет историчности на первый взгляд, она все же может быть доказана...»; «Преувеличения и сверхестественные черты часто мешают добраться до историзма» (H. Munro Chadwick and N. Kershaw Chadwick. *The growth of literature*, v. II, Cambridge, 1936; «Russian oral literature» p. 101, 122.).

Глава третья

О РАЗЛИЧНЫХ ВЗГЛЯДАХ НА ИСТОРИЗМ БЫЛИН

дной из причин возникновения скептических взглядов на историзм былин в буржуазной науке была односторонность методологии ее школ, в частности — фетишизация письменных источников, количество которых для IX—XIV вв. весьма ограничено. В этих условиях обращение к письменным источникам как к *единственной опоре* в исследовании, сочетающееся часто с недооценкой художественной специфики фольклора и главное — с мировоззренческими недостатками буржуазной науки, мешающими ей вскрыть истинную народную идеиность былин, — все это приводило к тому, что возникали совершенно противоречивые теории, касающиеся генезиса конкретных былин.

Нельзя не вспомнить здесь той уничтожающей критики, которой подверг К. Маркс буржуазную историческую школу права; «свое пристрастие к источникам она довела до крайности, — она требует от гребца,

чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику»¹. Маркс беспощадно обличает однобокий догматизм и узость методологических средств этой школы, признавая ее «фризвольным продуктом», ибо она, вместо всестороннего анализа фактов на фоне общественно-экономических отношений, фетишизовала источники, а последнее во все не свидетельствует о действительном стремлении к научной добросовестности.

Немало такой «фризвольности» было и в работах русской «исторической школы», которая во что бы то ни стало стремилась найти прямые соответствия всем былинным персонажам и фактам в письменных источниках прошлого. Представители этой школы использовали источники позднейших столетий для толкования фактов раннефеодального периода, сохранив при этом всю односторонность и ущербленность своего метода.

Говоря о происхождении скептических взглядов на историзм былин, необходимо помнить о том, что буржуазная фольклористика в предреволюционные годы пережила весьма отрицательную эволюцию. Отказ от прогрессивных идеалов, характерный для большей части русской интеллигенции начала XX в., повлиял и на фольклористику. Произошел пересмотр выводов науки, были отброшены многие ее достижения, развелся скептицизм, особенно в вопросе о творческих возможностях народных масс. Если Ф. Буслаев писал об авторах былин «Конечно, это не были придворные княжеские поэты, сочинявшие по заказу; это были те же первобытные народные певцы, представители эпической деятельности целого народа»², то буржуазные ученые начала XX в. создавали антинародную теорию аристократического происхождения эпоса. Если в XIX в. исследователи доказывали историчность былевого эпоса, считая, что былины более или менее верно изображают эпоху, которую называют, то многие фольклористы начала XX века оказались скептиками и в этом вопросе и стали относиться к былинам, как к «псевдоистории» или как к отражению событий более поздних времен, образы кото-

¹ Философский манифест исторической школы права. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., изд. 2-е, т. I, стр. 85.

² Ф. Б у с л а е в. Исторические очерки русской народной словесности, I, 1861, стр. 391.

рых авторам почему-то вздумалось одеть в ризы времен Киевской Руси. Если Ф. Буслаев писал «надобно строго отличать *сказку от былины*¹», то часть фольклористов начала века по сути сознательно смешивали былины со сказками. Былинный Киев, «мать городов русских», многовековая столица всей русской земли, где происходили многие важнейшие в истории нашей Родины события, в былинах был объявлен условным местом, вроде «тридевятого царства, тридесятого государства» сказок. Явные черты эпохи, заключенные в былинах, игнорировались, и постепенно была выдвинута теория позднего происхождения былевого эпоса, одним из видоизменений которой была теория, считавшая, что в результате радикальной переделки былин в XVI—XVII вв. их первоначальные образы затемнились до совершенной незнаваемости.

Представители этих взглядов в поисках своих предшественников в фольклористике XIX в. ссылаются иногда на М. Халанского. Действительно, Халанский первый отнес ряд произведений, которые обычно относили к Киевской Руси, к Северу и к более позднему времени. Халанский отрицал существование былин на Юге на том основании, что на Украине они, якобы, вовсе не записаны. Мы знаем, однако, что здесь имеются ясные следы существования в прошлом былевого эпоса. Отметим еще, что отсутствие эпоса в данное время не является доказательством его отсутствия в прошлом. Французский, немецкий и другие народы давно забыли свой эпос, Правобережье Украины не имеет дум, но все это не доказательства изначального отсутствия эпоса в данных местностях. Но дело не только в этом. Дело в том, что даже Халанский не отрицал создания основы былинного эпоса в Киевской Руси². Он видел и «старокиевский эпос» былин³. К XVI в. он относит не создание былинного эпоса, как это сделали некоторые его последователи, а завершение его оформления⁴.

¹ Ф. Буслаев. Рецензия на кн. О. Миллера «Сравнительно-критические наблюдения...», оттиск из «Журн. Мин. нар. просвещения», СПб., 1870, стр. 210. Подчеркнуто Ф. Буслаевым.

² См. М. Халанский. Великорусские былины киевского цикла, Варшава, 1885, стр. 210.

³ Там же, стр. 220.

⁴ Там же, стр. 219.

Определенные шатания выявил в предреволюционные годы и сам В. Миллер (хотя, необходимо подчеркнуть, что в основной работе, где он подводит итог своим исследованиям былин, он со всей определенностью стоит на позициях исторической концепции)¹. Сущность уступок В. Миллера в этом вопросе заключалась в том, что все былины, образы которых отражают классовую борьбу («Скора Ильи Муромца с Владимиром», «Илья Муромец и голи кабацкие», «Василий Игнатьевич»), он отнес к XVI—XVII вв. Особенно характерна в этом отношении работа В. Миллера «Отголоски Смутного времени в былинах»².

Если мы внимательно пересмотрим всю аргументацию, которой пользовался В. Миллер и другие исследователи, следом за ним переносившие эти былины из киевского периода в «Смутное время», то убедимся в том, что причиной этого было неверное представление о социальных конфликтах периода Киевской Руси. Игнорировались те вполне определенные данные, которые содержатся в источниках: корыстолюбие князей и боярства, безудержная эксплуатация трудящихся, произвол и несправедливость власти имущих, их варварские расправы с народом, изменнические союзы феодальной верхушки с врагом против своего народа, глухое недовольство народных масс, возмущение, часто переходящее в восстания. Летописи и другие письменные источники не могут скрыть всего этого, но дореволюционная фольклористика проходила мимо. В романтическом свете изображала она и взаимоотношения князей и дружины. По сути, анализ общественной деятельности господствующего класса сводился к освещению борьбы князей с крупными феодалами—боярством, а критика князей ограничивалась лишь рассказом об усобицах. Естественно поэтому, что все те фольклорные произведения, которые сохранили явные следы острых классовых конфликтов, были отнесены к XVI в., к бурным десятилетиям деятельности Ивана Грозного или к «Смутному време-

¹ В. Миллер. Очерк истории русского былинного эпоса, в кн. «Очерки русской народной словесности», т. III, М.—Л., 1924, стр. 3—91.

² Известия Отделения русского языка и словесности, АН СССР, т. XI, кн. 2; Очерки..., т. II, М., 1910, стр. 265—358.

мени», как и эпохе «воровской» по-преимуществу¹. Миллер считает, что в таких чертах Ильи как «разнозданность, пьяный разгул, ожесточенность против князя и бесшабашность», «сильно чувствуются веяния смуты с ее дикими проявлениями протesta низших слоев населения против правительства, церкви и общества»².

Однако сам по себе факт описания острой классовой борьбы в произведении не может явиться основанием для его приурочения к конкретной эпохе, ибо классовая борьба характеризует все периоды истории антагонистического общества, приурочивать можно лишь на основании анализа конкретных форм классовой борьбы, отраженных в произведении. Относя все образы классовой борьбы в былинах к «Смутному времени» буржуазная наука утверждала, по сути, случайность, неорганичность, единичный характер подобного рода событий в русской истории. Советская наука с такой концепцией согласиться не может.

В. Миллер считал, что «святотатство» Муромца, угощающего голей кабацких на средства, вырученные за сбитые им с церквей золотые маковки, свидетельствует о «Смутном времени», когда, например, казаки Заруцкого громили монастыри. Но, во-первых, о разгромах церквей есть свидетельства уже в летописях, во-вторых, Илья Муромец (как и создавшие его в киевскую эпоху певцы) еще полуязычник, ибо христианская идеология в это время еще не успела проникнуть глубоко в сознание народа (вспомним хотя бы идеологию «Слова»), и в-третьих — подобного рода отношение к церкви не так уж редко встречается в народном эпосе. Давид Сасунский, положительный герой армянского эпоса, захватывает ритуальную пищу, заготовленную для молящихся в церкви людей, чтобы накормить своих побратимов, пастухов. Забрав ее, он сказал: Ну, теперь вашу жертву да примет господь!»³. «Святотатство» совершают и другой герой армянского эпоса, Мгер Младший, казнив позорной смертью игумена, не посчитавшись с его сыном⁴. Напомню еще о презрении к «церковным галкам»

¹ В. Миллер. Очерки..., т. II, стр. 305.

² Там же, стр. 315—316.

³ Давид Сасунский, указ. изд., стр. 185.

⁴ Там же, стр. 310.

Калеви-поэга, героя эстонского эпоса. В тех ситуациях, когда изображается столкновение интересов народа с интересами церкви, герой народного эпоса вступает с ней в конфликт.

Так же опровергаются и другие аргументы, приводимые в пользу отнесения данных былин к XVI—XVII вв. Например, указывалось на то, что правительство (Владимир) в былине о голях беспомощно и что это напоминает эпоху смуты. Здесь не учтено: 1) что в Киевской Руси князья, еще чаще, чем цари во время «Смуты», стояли перед лицом народной бури, 2) что государство в раннефеодальную эпоху было вообще более слабым и 3) что образ Муромца гиперболизирован; нужно считаться с художественной спецификой фольклора.

Образы бояр в былинах, как известно, ярко отражают народную ненависть к ним, в этом пытались усматривать позднейшее ожесточение против бояр. Разумеется, в XVI—XVII вв. эти образы могли развиваться в новых социальных условиях, но основа этих образов не могла не возникнуть еще в X—XII вв., когда народ уже страдал под крепостническим игом боярства и боролся с ним.

Миллер вступает в спор с Марковым, видевшим в столкновениях Ильи с князем и боярами борьбу младшей и старшей дружины, в изменниках боярах, против которых выступает Илья, — представителей случайных союзов южно-русских князей с половцами для общих с ними действий¹. Опровергнуть эти взгляды Миллер не смог. Он просто заявил, что эти древние черты не могли бы сохраниться в былинах «ввиду густых слоев», отложившихся от XVI—XVII вв. При этом он соглашается с Д. Иловайским, который считал, что, якобы, об удельных князьях в былинах почти нет и помину, русская земля в них цельная и единая, богатырская дружина служит единому ее правителю. И это, якобы, тоже доказательство позднего происхождения былин².

Это, весьма ответственное для оценки всего былевого эпоса положение Иловайского неверно во всех отношениях.

¹ А. Марков. Бытовые черты русских былин, «Этн. обозрение», 1903, № 3, стр. 93.

² Д. Иловайский. Историч. соч., т. II, стр. 111.

Прежде всего оно неправильно по сути, ибо в русских былинах явно удельным князем выступает Вольга, независимы от киевского князя Волх, также Глеб Володьевич, Дюк, более или менее самостоятельными феодалами являются Чурило и Ставер. Во-вторых, сознание единства русского народа никогда не исчезало даже в период феодальной раздробленности. Русский народ всегда стремился к единству своей земли, что выражалось с огромной силой в его политической жизни и в его поэтическом творчестве, где он создал образ именно единой Руси с единым главой. Для этого образа он имел материал не только в фантазии, но и в самой действительности, ибо едина Русь существовала в X—XI вв. с центром в Киеве. Как можно сомневаться в том, что образ единой Руси существовал в поэзии еще в то время? Не случайно же былины последовательно твердят о Киеве — центре русской земли и Владимире Святославовиче — главе ее! Разве не в XI в. писал Илларион о русской земле, что она «ведома и слышима есть всеми коньци земля». Впоследствии, в период развития Московской Руси, вероятно, еще до того, как царь стал действительным правителем всех русских земель, народ начинает создавать образ единой русской земли также и в исторических песнях, с Москвой в центре. Что же касается былин, то, носимый народом в сердце образ единой и могучей Руси, требовал от певцов былин циклизации эпоса вокруг единого центра, который в былинах существовал уже с конца X в. Циклизация проходила непрерывно на протяжении ряда веков, задолго до XVI—XVII вв. и частично, может быть, и в это время. Значит, образ единой русской земли с централизованной властью возник и развился в раннефеодальный период и отражает более раннее время, нежели XVI в. Отметим еще, между прочим, что само по себе объединение национального эпоса вокруг единого центра еще не свидетельствует о существовании государственного политического единства данной земли. Так, концентрация сербо-хорватского эпоса вокруг образа Марка Кралевича, не отражает государственного единства сербо-хорватов, ибо последнего еще не было.

Характерно, что рассмотренная статья Миллера в ряде случаев дала как бы толчок для появления новых теорий позднего возникновения былин. Так, М. Спе-

ранский, усвоив в этом вопросе взгляды Миллера, начал называть Муромца «разнужданным казаком эпохи Смуты»¹ и приурочил уже не переработку, а создание этой былины к XVII в.

Аналогична судьба былины о Василии Игнатьевиче в работах В. Миллера, который отнес ее коренную переработку к той же эпохе². Хотя он ценил запев былины и связывал его с захватом Киева Батыем, но в целом явно преувеличил «кабацкий характер» былины.

Советские исследователи послевоенных лет, разумеется, иначе относятся к идейности былины и в положительном плане подчеркивают значение ее социальных мотивов³. Однако в советской науке еще не подверглась критическому анализу та аргументация Миллера, на основании которой он утверждает о поздней переделке былины; более того — повторяют его точку зрения или даже относят возникновение этой былины к XVII в. Переесматривая аргументы в пользу такой трактовки былины, мы вновь встречаемся с теми же указаниями на образы толстобрюхих бояр, трусливого князя, находящегося у них в подчинении, вообще на враждебную характеристику правящей верхушки. Что тут не может относиться к общественным отношениям Киевской Руси? Эти мотивы могли усилиться в XVI—XVII вв., но ничего специфически относящегося к этим столетиям здесь нет. Приходится констатировать факт, что единственным основанием для приурочения данной былины к XVII в. (как и былин о конфликтах Ильи Муромца с царем) является то, что «голь» изображена как активная социальная сила. Но такой она была не только в XVI—XVII вв.

Безусловно, в русских былинах имеются и образы, относящиеся к XVI—нач. XVII вв., их необходимо выявлять так же, как и результаты развития русского былевого эпоса в каждую конкретную эпоху.

¹ М. Сперанский. Русская устная словесность, М., 1917, стр. 263.

² Об этой былине В. Миллер писал в статьях: «Былина о Батые» (Очерки, т. I, 305—327), «О некоторых былинных именах» (там же, II, 375—381), «Новые записи былин в Якутской области» (Изв. ОРЯС, V, кн. I, 69—74), «Очерк истории рус. былинного эпоса» (Очерки..., III, 283—285).

³ См. А. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, стр. 62.

Однако при анализе конкретные наблюдения фольклористов прошлого должны быть самым внимательным образом критически пересмотрены.

Следует еще раз отметить, что В. Миллер не распространял своих взглядов, касающихся былин о ссоре Ильи Муромца с Владимиром и «Василия Игнатьевича», на весь русский былевой эпос; в последних своих работах он приводит много наблюдений над отражением эпохи Киевской Руси в былинах.

С явно ошибочной теорией происхождения новгородских былин о Василии Буслаеве в XVI в. выступил С. К. Шамбинаго¹. По мнению автора, обе былины о Буслаеве являются памфлетами на Ивана Грозного, драка Буслаева с другими новгородцами — это иносказательное изображение разгрома Новгорода Грозным в 1570 г., сам же Васька — это «поэтическое воспроизведение» Грозного. Вторая же былина — «разрабатывает сюжет о царской кончине». Здесь нет возможности детально доказывать ошибочность данной концепции, отметим лишь, что уже В. Миллер довольно хорошо это сделал, указав, что шутливый рассказ о таких кошмарных событиях, как казни тысяч людей в Новгороде, был бы совсем неуместен и что непонятна цель создания памфлета со столь темными иносказательными образами; что за смысл в памфлете, если не ясно, против чего и кого он направлен? И хотя в работах советского периода у Шамбинаго содержатся лишь довольно туманные намеки на его теорию, все же некоторые ученые ссылаются на выводы Шамбинаго, хотя аргументация его не выдерживает критики.

С. К. Шамбинаго и некоторые другие исследователи пытались отнести ряд былин ко времени Грозного еще на том основании, что в образе Владимира (в былине о Даниле Ловчанине и др.) они усматривали деспотизм Ивана Грозного. Но на это можно ответить словами А. С. Пушкина, сказанными по поводу чтения истории Карамзина: «Читая его труд, я был поражен тем детским, невинным удивлением, с каким он описывает казни, совершенные Иваном Грозным, как будто для

¹ С. К. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного, Сергиев-Посад, 1914.

государей это не есть дело весьма обыкновенное»¹. Так что элементы «деспотизма», имеющиеся в образе Владимира, нет оснований относить именно на счёт Грозного. Черты «грозности» Владимира могли возникнуть и не в XVI в. (укажем на упоминание о «грозных князьях» на Руси в литературе киевского периода²). Между тем точка зрения на «грозные» черты Владимира получила довольно широкое распространение³.

Таким образом, С. К. Шамбинаго не доказал поздней переделки былин и поэтому не имел основания в поздних работах с таким крайним скептицизмом относиться к возможности выявления ранней основы былин: «Могли сохраниться целые старины, но их не видно за переделкой, в известном смысле и потому, что форма их осталась для нас неизвестной»⁴.

Критика исторической школы Миллера порой велась с позиций полного отрицания историзма былин. Особенно грешила этим вышедшая еще в 1924 г. книга саратовского профессора А. Скафтымова. В этой книге есть и сильные стороны. В ней автор в ряде случаев удачно показывает недостаточность аргументации В. Миллера в пользу того или иного положения, еще удачней критикует некоторых учеников Миллера, особенно С. Шамбинаго. Интересны и многие наблюдения автора, касающиеся поэтики былин. Однако книга вызвала в свое время резко отрицательные отзывы, в значительной мере совершенно оправданные.

Указав на то, что в работах ряда ученых (среди них, кстати, упоминались и такие, которые не занимались исследованиями былин) имеются кое-какие колебания и сомнения, касающиеся результатов исследования, автор книги призвал к полному отказу от исторической концепции. По его мнению, вопрос о генезисе былин как исторического эпоса вообще нельзя решать, так как, якобы, «былина — это корабль без якоря». «Попытки

¹ Некоторые выписки из бумаг Дениса Васильевича Давыдова, не пропущенные цензору в России, Лейпциг, 5-е изд., стр. 51.

² См. Очерки Истории СССР, т. I, стр. 768.

³ См., например, Б. Соколов. Этические сказания о женитьбе князя Владимира, «Ученые записки» Саратовского университета, 1, в. 3, Саратов, 1923, стр. 122.

⁴ Послесловие С. Шамбинаго в кн. Н. Водовозова «Русский нар. эпос», 1947, стр. 439.

к хронологическому и территориальному прикреплению былины во многом осуждены на бесплодность в силу внутренних причин. В былине все течет. Она всегда пребывала и пребывает в творческом процессе, неизвестно где, неизвестно когда, неизвестно кем начатого и никогда не прекращавшегося. Это не есть нечто законченно-созданное, но всегда создаваемое. Она всегда меняется. Исследователь не имеет стержней, которые служили бы ему базой. Факты былины непостоянны, изменчивы, многозначны и разнородны не только в пределах всего состава былинных сюжетов, но и в одном и том же сюжете и даже в одной и той же былине. В былине беспрерывно меняются имена, меняется сюжет, меняется психология и пр. Сплошь и рядом одни и те же имена употребляются для обозначения разных местностей, разных личностей и разных народностей. Кроме того, разные певцы в одинаковое по виду содержание вносили особенности собственного индивидуального понимания. Каждый вариант былины среди других всегда есть в некотором роде исключение, несводимое под категорию каких-либо общих критериев и измерений». Автор акцентирует на «произволе и вкусе» певцов. «Иrrациональность индивидуально-волевых факторов человеческой истории имеет особую роковую значительность в истории художественного творчества, где как раз индивидуальность является основным нервом созидания». Скафтымов указывает еще и на анонимность, как фактор, также осложняющий дело¹: «...былина, питаясь жизнью, все же чрезвычайно далеко стоит от действительной реальности, вся она проникнута творческим искажением жизни, и всякие соответствия исторического прошлого, которые так настойчиво отыскивались, на нее, как на таковую, далеко не похожи, хотя и отвечают некоторым отдельным ее элементам»².

Так было перечеркнуто и то, что было правильным в работах представителей исторической школы, их верные выводы об историчности ряда былин. Автор преувеличил значение стремления певцов вызвать у слушате-

¹ Скафтымов. Указ. работа, стр. 36—38. Ср. его же работу «К вопросу о соответствии теоретического и исторического знания в истории литературы», «Ученые записки» Саратовского университета, т. I, в. 3, Саратов, 1923, стр. 54—55.

² Скафтымов. Указ. работа, стр. 38.

лей эффект неожиданности и удивления; этому эффекту должна была служить вся архитектоника произведения. Именно эти стороны былины, по мнению Скафтымова, представляют собой нечто постоянное, что может быть предметом изучения. Эта концепция была причиной обвинения книги в формализме.

Мы видели, что аргументация автора, доказывающего «произвол» певцов былин, построена на неприемлемой основе, однако, к сожалению, именно на эту книгу как на авторитетный труд, в котором, якобы, доказана бесплодность исторической концепции в изучении былин, ссылаются еще и сейчас некоторые наши исследователи¹.

Примерно в то же время былины подверглись ожесточенному обстрелу и за рубежом, в частности в двух небольших работах известного слависта А. Брюкнера².

Брюкнер исходил из довольно удивительной предпосылки. Указав на тот факт, что русские исследователи в своем анализе исторической основы конкретных былин часто приходили к весьма различным выводам, Брюкнер пришел к тому убеждению, что никакой исторической основы в былинах вообще нет. Этот вывод, однако, явно нелогичен. По многим вопросам в любой науке имеются противоречивые воззрения, но это не означает, что все они ошибочны.

Следом за Скафтымовым Брюкнер считал, что в большинстве былин господствует «произвол сказителей» и «беспросветная неразбериха». Б. Соколов правильно указал на ошибочность всей концепции и в частности данного утверждения Брюкнера³. Ниже мы приводим факты, свидетельствующие и об относительной устойчивости текстов и сюжетов в устной традиции и о тех фак-

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, М., 1958, стр. 14; Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв., М.—Л., 1960, стр. 24.

² Michajlo Potyk und der wahre Sinn der Bylinen («Zeitsch. f. Slav. Philol.», 1926, B. III, Doppelheft 3—4, 373—385; 1927, B. IV, Doppelheft 3—4, 323—342; «Ein Arpaden-Held russische Balladen», «Ungarische Jahrbücher», 1926, B. VI, N. 4, 427—433).

³ Б. Соколов. Об историко-социологическом методе изучения былин. По поводу «критики» проф. А. Брюкнера. Сб. «Памяти Н. П. Сакулина», М., 1931, стр. 266—279. См. его работу в журн. «Худож. фольклор», IV—V, 1925.

торах, которые в прошлом, особенно в древности, влияли на певцов, требуя сохранения традиции.

Совершенно неверен третий довод Брюкнера, что былина вовсе не является особым жанром, что это те же сказки, фаблью и анекдоты, не содержащие исторических воспоминаний. Характерно, что ученый пользуется для подтверждения такого мнения лишь случайными примерами, главным образом былиной о Потыке и другими, которые как раз относятся к темным произведениям с явно мифологическими элементами; исторические связи их мало изучены. Ученый обыгрывает несколько самых шатких теорий, касающихся исторической основы отдельных былин, т. е. как раз теорий, совершенно не получивших признания в науке. Если они неверны, то это еще не доказательство того, что их объекты, и тем более весь былевой жанр, лишены исторической основы.

Брюкнер считал, что имена героев совершенно случайно связаны с сюжетами, он заявлял, что так как Илья Муромец якобы является чистым продуктом фантазии, то ничем другим не могут быть и Добрыня, Алеша и другие персонажи, которые все являются «сказочными принцами». Достаточно обратиться к многим другим эпосам, чтобы убедиться в нелогичности и этого утверждения, ибо тот факт, что в сербо-хорватском или старогерманском эпосе имеются мифологические персонажи, никак не свидетельствует о том, что здесь нет вполне исторических личностей.

Основным аргументом Брюкнера было то, что былины слагались в «некультурной среде», которая не могла иметь правильных представлений об истории. Советская наука, как мы знаем, хорошо доказала несостоятельность этой теории аристократического происхождения эпоса, опирающейся на классовое пренебрежение к трудящимся массам и нам нет здесь необходимости останавливаться на этом вопросе.

В целом нужно сказать, что Брюкнер произвольно и поверхностно подошел к изучению былевого эпоса. Он акцентирует на неудачных теориях, почти не касается основных героев былин, умалчивает о том, что во многих произведениях география совершенно ясна, замалчивает общезнавственный материал и аргументированные теории, говорящие против его концепции.

В каком упадке оказалось изучение былин в 20—30-х гг., свидетельствует также вышедшая в 1934 г. в Вильнюсе книга известного польского литературоведа и историка Ю. Кржижановского¹, почти не замеченная советской наукой. Не пересматривая данных, указанных русской наукой о дотатарском слое былин, автор приходит к сенсационному выводу, что былины не реставрированы в XVI в., а возникли в это время. Ссылаясь на редкую и не характерную для жанра былину о женитьбе племянника Пересмяки, автор делает вывод, что, якобы, большинство былин опирается на сказочные мотивы, которые достигают даже половины XVIII в. Свое сближение былин со сказками ученый, однако, не подтвердил детальным сравнительным анализом сказочного языка и стиля с былинным, между тем уже такой анализ вскрыл бы колоссальное различие между жанрами. Теория возникновения былин в XVI в. предполагает, что кому-то в это время понадобилось вытаскивать из сказок и летописей забытые имена, привязывать к ним сюжеты, обволакивая их в «политический фон» XVI в. К подобным «крайним» воззрениям в области изучения былевого эпоса следует отнести еще взгляды Б. Розенфельда, согласно которым былины... возникли в позднее время среди северных крестьян, использовавших для их создания старые предания и песни. Этой теории, к сожалению, в свое время была предоставлена большая трибуна — учебник для средней школы², но эти взгляды не получили никакой поддержки. Уместно здесь вспомнить еще одну (правда, более старую), тоже «оригинальную» теорию происхождения русского эпоса, согласно которой русские былины были сочинены... Киршей Даниловым³.

В 1936 г. «Правда» выступила с критикой вульгарного социологизма в области изучения былин, теории аристократического происхождения эпоса и в то же время резко осудила скептическое отношение к историчности былин и стремление «дискредитировать народное

¹ J. Krzyzanowski. *Byliny. Studjum z dzejów rosyjskiej epiki ludowej*. Wilno, 1934.

² Г. Абрамович и Ф. Головенченко. Русская литература, учебник для VIII кл., изд. 2-е, М., 1935, гл. «Героический эпос древней Руси».

³ I. Damberg. Versuch einer Geschichte der Russischen Ilja-sage, Гельсинфорс, 1887, стр. 117—118 и др.

творчество и отнять его у народа». «Правда» указала на вредность теории, согласно которой «крестьянская былина представляет собой псевдоисторию..., преподносит совершенно искаженный материал, превращая историю в сплошную фантастику...»¹.

Критика ошибок, допущенных в изучении былевого эпоса, принесла большую пользу. Советская фольклористика пересмотрела свои позиции, что обусловило ее крупные успехи в последующие годы. Появилось немало ценных фольклористических работ, созданы учебные пособия и т. п. Но, как уже сказано, дело изучения исторической основы былин все же мало продвинулось вперед, очевидно, в некоторой мере, благодаря воздействию скептических взглядов, которые иногда дают себя знать.

Характерна с этой точки зрения разница между двумя посвященными фольклору главами капитальной «Истории русской литературы», издаваемой Академией наук СССР. Если А. Никифоров, автор главы «Фольклор Киевского периода», помещенной в первом томе этого издания, вышедшего в 1941 г., правильно рассматривал былины в основном как творчество народных масс периода Киевской Руси, по большей части убедительно раскрывая смысл ряда былинных сюжетов, видя в них отражение быта и общественных отношений этого периода, то С. К. Шамбинаго, автор главы «Исторические песни и сказки XVI века», том II, ч. I, изданной в 1945 г., подходит к былинам иначе. Хоть он и не останавливается на новгородских былинах о Буслаеве, но продолжает настаивать на том, что в XVI в. «русский эпос подвергся коренной переработке» (стр. 471). При этом Шамбинаго ссылается на Ореста Миллера, который когда-то указал в былинах несколько признаков слоя XVI в. и обратил внимание на то, что в былинах есть «каррикатурность в положении басурманской силы», а такое изображение, по его мнению, стало возможным «только при окончательно упрочившемся сознании неодолимости силы народной»². Ссылаясь на это, Шам-

¹ О пьесе «Богатыри» Бедного и ошибках советских фольклористов, недооценивших историчность былин, см. «Правда» 14 ноября, 20 и 21 ноября 1936 г., «Литературная газета», 26 ноября 1936 г.

² О. Миллер. Илья Муромец и богатырство Киевское, М.. 1870, стр. 116 и 717.

бинаго считает, что «былины были переработаны после покорения Казани и Астрахани»¹. Но взгляд О. Миллера на происхождение подобных «каррикатурных» образов весьма наивен. Так или иначе, во всяком случае, от приведенного замечания О. Миллера еще очень далеко до утверждения о коренной переработке эпоса в XVI в.

Проф. Шамбинаго ссылается и на указанную выше работу Вс. Миллера «Отголоски Смутного времени», но, как уже сказано, аргументы Миллера довольно слабы. К тому же В. Миллер говорил не о переделке всего былевого эпоса, а лишь отдельных произведений, между тем, как С. Шамбинаго и некоторые другие ученые имеют в виду коренную переработку всего русского эпоса до неузнаваемости в XVI—XVII вв.² Былинный образ города Киева Шамбинаго считает «безличным», о нем-де, известно только, что он стоит на Днепре³. Киевский велиkokняжеский двор и вся обстановка раннефеодального времени, описанные в былинах, согласно этим взглядаам, представляют собой совершенно условную обстановку, не имеющую исторической основы.

В большой коллективной работе ленинградских ученых, представляющей собой первый и очень ценный опыт рассмотрения процесса становления и исторического развития русского народного творчества в целом, теория поздней радикальной переделки русского былевого эпоса уже начинает преодолеваться. Связано это, очевидно, в немалой степени с тем, что в результате пересмотра *всего былинного материала* пришлось распростряться с частью гипотез, приурочивающих те или иные произведения и образы к более поздним периодам. Поэтому главы, посвященные развитию былин в XV—XVI, XVII, XVIII — первой половине XIX, второй половине XIX — начале XX в., оказались менее богаты материалом, нежели можно было ожидать на основании предыдущих работ авторов этих глав. Основная масса былевого материала отнесена коллективом фольклористов к

¹ История русской литературы, т. II, ч. I, М.—Л., 1945, стр. 471.

² Относительно лучше других работ аргументирована статья Б. Соколова «Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине», М., 1910, стр. 38.

³ Былины-старины, подгот. текстов, статья и comment. С. К. Шамбинаго, М., 1938, стр. 106,

более ранним периодам, что нельзя не приветствовать как победу историзма в изучении русских былин.

Общие принципиальные установки авторов глав, посвященных былинам, в основном правильны. Подчеркивая большое общественно-воспитательное значение былинного эпоса в средние века, в новое и новейшее время, авторы стараются не преувеличивать масштабы развития образов и сюжетов былин. А. М. Астахова, выявляя слой второй половины XIX — начала XX в. в былинах, говорит почти исключительно об *одиночных* новых сюжетах и таких переконструированных старых сюжетах, которые она называет новообразованиями и большую часть которых относит лишь к «периферии былинного жанра»¹. Основное положение автора этой главы, безусловно, верно.

Также и М. О. Скрипиль, рассматривая слой XV—XVI в., отмечает, что «...былинный репертуар XVI в. неизначительно расширился в отношении своего состава»². Однако в главах, посвященных анализу слоя XVII и XVIII — первой половины XIX в., есть материал, относимый без серьезных доказательств к этим периодам, в частности — былины «Скора Ильи Муромца с Владимиром», «Илья и Калин-царь», «Василий Игнатьевич». На деле получается так, что наличие классовой борьбы до XVI—XVII в. признается, но отражение ее в былинах отрицается, и выходит, что в конкретном анализе былин приходится следовать В. Миллеру, который (как мы выше отмечали) относил к «Смутному времени» «ожесточение холопей боярских, казаков и вообще простонародья против бояр» и образы бояр-изменников. Но классовая ненависть к боярству и столкновения городской массы с боярской верхушкой имели основания выразиться в былинном эпосе весьма остро уже в X—XIV вв., ибо отношение народа к боярству и раньше было не менее враждебным. Таким образом, поскольку именно до XVI в. в основном создался былевой эпос, постольку и социальные противоречия он должен был изобразить более раннего времени.

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2 М.—Л. 1956, стр. 265.

² Там же, т. I, М.—Л., 1956, стр. 337.

Было бы упрощенчеством считать, что с усилением социальных противоречий в обществе каждый жанр, независимо от его специфики и уровня развития, должен все больше отражать классовые противоречия, ибо тогда естественно было бы ожидать, что количество сюжетов, основанных на классовом конфликте, должно было бы в былинах резко возрасти в XVIII в. (в связи с крестьянской войной), в середине XIX в. (революционная ситуация перед реформой), начале XX в. (революция 1905—1907 гг.). Но мы хорошо знаем, что ничего подобного с былинами не произошло, и все эти громадные события не вызвали перестройки былевого эпоса, хотя и отразились в различных деталях этого жанра. В то время, как историческая песня была призвана выполнить новые задачи, жанр былины отразить этих новых событий не мог, к этому времени он уже замкнулся, иначе, между прочим, он должен был бы слиться с исторической песней. Ниже мы более подробно остановимся на разборе тех элементов былин, которые относятся к раннефеодальной эпохе, здесь же ограничимся сказанным, которого, кажется, достаточно, чтобы убедиться в беспочвенности или во всяком случае в недоказанности теории радикальной переделки былин в XVI — или, тем более, в XVII в.

Особенно часто принижается историческое значение былин при сравнении их с историческими песнями. В этих случаях былинам нередко просто отказывают в верном отражении исторического прошлого. Вот типичное утверждение: «Былина еще не имеет конкретного индивидуального лица и конкретного исторического сюжета, который изображал бы именно данное событие, с его результатами и оценкой. Событие здесь расписывается в общих сюжетных темах и эпизодах, свойственных всякой былине: поручение на пиру, сборы в поход, боевая встреча с соперником, описание бранного убранства и т. д.». Оказывается, что в былине изображаются подвиги, «прямо не связанные с определенными событиями», что сюжеты былин «исторически безличны», персонажи — «обобщенные», это не конкретные исторические личности, как Иван Грозный, Ермак и др.¹. Мож-

¹ Л. Шептаев. Русская историческая песня. Предисловие к сборн. «Исторические песни», «Библиотека поэта», малая серия, изд. 2, Л., 1951, стр. 11—12.

но подумать, что документально установлен случай посещения Платовым Наполеона I в его парижском дворце, как об этом рассказывает песня о Платове, или что былина о сватании Добрыней невесты для Владимира не подтверждается документами!

Как видим, такое различие жанров совершенно неподобающе, ибо, следя ему, некоторые былины придется отнести к историческим песням, а многие песни окажутся былинами. Не следует противопоставлять исторические песни былинам до такой степени, чтобы вообще отказывать последним в органической связи с конкретными событиями и личностями и не видеть в богатырях отражения действительных исторических лиц. Ведь летописи придерживаются определенно иного мнения, а в «Слове» есть ясные свидетельства существования на Руси исторической поэзии в киевский период (данные о Мстиславе, «красном Романе» и др.).

Необходимо подчеркнуть, что сама по себе мысль о том, что былина отражает не конкретных лиц и не конкретные события, а в ней собраны впечатления от нескольких лиц и событий, довольно нечетка в методологическом отношении. Здесь неправомочно противопоставляется типичное индивидуальному. Известно, что всякое художественное произведение представляет собой определенное обобщение, ибо всякий художественный образ является единством общего и единичного и всякий типический образ представляет собой обобщение многих единичностей в конкретном персонаже. Почему должен был существовать только процесс создания образа, отражающего сразу несколько исторических событий, но не отражающего никакого конкретного события, не опирающегося ни на одно из них? Причем, нужно помнить, что речь идет о ранних стадиях искусства, когда творческая фантазия была ограничена и конкретно-чувственные восприятия играли особенно важную роль. Процесс обобщения в ту эпоху мог происходить только так, что сам факт, привлекший внимание составителя былин, нес в себе и элемент обобщения, типизируя многие факты. Таким путем должен был создаваться и былинный тип, хотя впоследствии к нему присоединялись черты других лиц. То, что в некоторых былинах отражается два-три конкретных разновременных события, говорит лишь

о позднейших насложениях в процессе устного бытования, но подобное бывает и в исторических песнях.

Такова теория, откровенно отбрасывающая историзм былин, как жанра, отражавшего в прошлом и до некоторой степени отражающего и поныне, действительные события и действительных лиц. Но спрашивается, куда же девался весь тот эпос, который повествовал о событиях и лицах X—XV вв. и о котором свидетельствуют летописи, «Слово» и множество других источников? Что же, следует признать неверными сообщения о певцах, слагавших «славу» в честь героев событий, певцах, имевшихся и в раннефеодальную эпоху почти у всех народов? Что же представляли собой те песни? Неужели герои, нередко присутствовавшие при исполнении, должны были считать такой «славой» песни не о себе и своих подвигах, а о каких-то мифологических персонажах и о событиях, не происшедших, но подобных совершившимся? Разве можно в угоду таким неестественным построениям закрывать глаза на содержание былин и на литературу X—XV вв., дающую совершенно определенные образы различных событий и лиц!

Непоследовательная позиция по отношению к историзму русских былин выявляется порой и ныне: «Конечно, историзм былевого эпоса обнаруживался не в том, что быlinы возникали «по поводу конкретных исторических лиц и событий». «Такой прямой историчностью рассказа быlinы не отличались в ранний период своей жизни (почему? — М. П.), как не имели они ее и позже. Они отражали народное отношение к историческим событиям, давали народную оценку их, выражали народные чаяния и ожидания. Точно так же и деятельность конкретных исторических лиц не являлась предметом их рассказа. У них всегда был один единственный герой — сам народ, создатель своей собственной, исторической судьбы»¹.

Правильной точкой зрения на общее М. Скрипиль, однако, затемняет неверное решение частностей. То, что в романах Л. Н. Толстого «Война и мир» и А. Н. Толстого «Петр Первый» главный герой — народ, совер-

¹ М. О. Скрипиль. Вопросы периодизации русского народного поэта творчества (X—XVII вв.). Сб. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956, стр. 28.

шенно не противоречит тому, что в этих произведениях изображено множество значительных и менее важных исторических личностей. То же можно сказать и об исландских сагах, сербских юнацких песнях, украинских думах, азербайджанском эпосе «Кёр-Оглы». Почему же это не разрешается былинам? Какие выдвинуты доказательства в защиту тезиса невозможности для былин изображать конкретных исторических лиц? Таких аргументов нет и здесь.

Далее. Как это получается, что былины «отражали народное отношение к историческим событиям» и в то же время не имели возможности их правильно рисовать? Но почему автор «Слова» мог верно изобразить поход русских войск на половцев, конкретное историческое событие и конкретных исторических лиц, а авторы былин никогда этой возможности не имели, почему их творения «такой прямой историчностью рассказа» никогда не отличались?

Ученые, которые с такой легкостью отказывают былинам в историчности, не считая их произведениями, отражающими (или хотя бы отражавшими в свое время) действительные факты и действительных лиц, не учитывают того, что этим они, по сути, значительно снижают оценку политico-воспитательного значения былин. Патриотическое значение былин увеличивается от того, что они являются историческим жанром; их образы воспринимаются народом не как сказка, «псевдоистория» и т. п., а как своеобразное, в специфических поэтических формах народного творчества данной эпохи, отражение конкретных исторических событий, содержанием которых являются героические подвиги предков. От смешения Ильи Муромца и Добрыни со сказочными Котигорошком и Прудиусом политico-воспитательное значение эпоса снижается. Между тем, повторяю, для такого смешения нет оснований.

Итак, мы имели здесь дело со своеобразной теорией, формально признающей историчность былин, но в то же время отрицающей ее; былины историчны, поскольку в самой общей форме отражают условия жизни и быта раннефеодального периода, и в то же время они неисторичны, поскольку ни в коем случае не могут отражать конкретных исторических событий и лиц этого времени.

Эта точка зрения на историзм былин отразилась особенно ясно в большом труде В. Я. Проппа. По мнению автора, «былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа»¹. «Народ не стремится «изображать» события. Народная поэзия — не фактографическая хроника: дело здесь в общегосударственных и народных устремлениях и интересах, а не в изображении отдельных, частных событий.

При всей исторической конкретности, при изумительной исторической точности эпоса мы все же тщетно будем искать в нем изображения отдельных исторических событий или исторических лиц». Автор считает, что былина даже изначально не отражала конкретных фактов: «Мнение некоторых ученых, утверждавших, что эпос возникает первоначально как историческая песня, которая с веками забывается и искажается, постепенно превращаясь в былину, должно быть совершенно оставлено». «Эпос не охватывает отдельных, частных событий». «В эпосе же воспеты не отдельные события, а та постоянная вековая борьба, которая была типична для эпохи...»².

Автор проводит абсолютную грань между эпосом и исторической песней, понимая под первым только былину. Историческую песню он ни в малой мере героическим эпосом не считает. Но он оказывается в затруднительном положении, когда дело доходит до советских песен; их он, совершенно непоследовательно (если исходить из его концепции) признает эпосом. И вот тут-то приходится расписаться в неправомерности абсолютного противопоставления эпоса и исторической песни: «Наконец, эти же песни (советские — М. П.) могут быть названы и новым героическим эпосом, так как они на новой исторической ступени выражают все то, что уже выражалось в русском героическом эпосе: беззаветную любовь к своей Родине, готовность отдать за нее свою жизнь, не знающую пределов отвагу, решительность и мужество в сочетании с организованностью и выдержанкой, умение быстро ориентироваться в любом положении и находить смелый выход из, казалось бы, самых неодоли-

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, 2-е изд., М., 1958, стр. 26.

² Там же, стр. 287, 289, 371, 372.

мых трудностей, ум, сметку, находчивость, наконец, беспощадную ненависть к врагу, с которым герои эпоса никогда не вступают ни в какие соглашения. Эти и многие другие качества русского народа, воспитанные в нем его героической историей, составляют основные моральные черты героев эпоса»¹.

Но ведь раньше автор проводил водораздел между героическим былевым эпосом и историческими песнями вовсе не в этом направлении и видел разницу исключительно в том, что исторические песни отражают конкретные события, а былины никогда этого не делали, так как основаны «на художественном вымысле». Ну а разве старые исторические песни не изображали героизм и воинские доблести русского народа, разве не в этом все идеино-тематическое содержание старой исторической песни? Значит, в этом отношении невозможно противопоставлять эпос историческим песням. Ведь нельзя же утверждать, что песня, повествующая об обороне Москвы во время Великой Отечественной войны является не только исторической песней, но и героическим эпосом, а песня об обороне Москвы во время Отечественной войны 1812 г. является только исторической песней, но ни в коем случае не эпосом.

Впрочем, автор порой соскальзывает со своих позиций. В одном месте он заявляет, что изображенные в былине о Василии Игнатьевиче события напоминают наступление Тохтамыша на Москву в 1382 г., в связи с чем предполагает, «что в основе и летописного рассказа и былины лежит имевший место действительный факт. Эпос приобретает большую историческую конкретность, чем прежде, и начинает предвещать будущую историческую песню, где подлинные события передаются с большей точностью, чем в эпосе»². Спрашивается, если одна из былин может отражать конкретный исторический факт, то почему не могут изображать их и многие другие былины? Почему автор так категорически отрицал эту возможность для всего былинного жанра, где и когда было доказано, что былины не могут отражать конкретные

---

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, 2-е изд., М., 1958, стр. 559.

² Там же, стр. 346, 350.

события истории раннефеодальной эпохи и лишь отражают некоторые черты ее быта? Автор выдвигает и еще одно различие между эпосом и исторической песней. По его мнению, историческая песнь создается «уже не только крестьянами, сидящими на земле», но и «с самими воинами, участниками событий...»¹.

Но кто и когда утверждал, что былины создавались исключительно крестьянами, а не воинами? Кто думал, что былины об обороне Киева создавались крестьянами, «сидящими на земле»? Разумеется, былины, как и другие героико-исторические произведения, создавались участниками событий или возникали в ближайшей к ним среде, т. е. речь идет об участниках народных ополчений, крестьянах и посадских людях, принимавших большое участие в исторических событиях, и дружинниках — представителях широких трудовых слоев, особенно в ту эпоху, когда дружины еще не была изолирована в социальном отношении от народных масс, а именно такая дружины отражена в образах богатырей.

По мнению автора, историческая песня возникает в определенный момент и в определенном месте, а о былинах этого сказать нельзя². Но почему былины об обороне Киева должны были возникать обязательно не в Киеве и не в определенное время — например, после счастливого отражения противника? Наконец, нужно отметить неправомерность противопоставления изображения действительных событий отражению народных стремлений. Возражая академику Грекову — «Былины — это история, рассказанная самим народом», — В. Я. Пропп считает необходимым подчеркнуть: «Былины относятся не к области историографии, а к области народного искусства»; эпос «отражает не события той или иной эпохи, а ее стремления»³. Но почему же другие жанры могут отражать и конкретные события, и в то же время народные устремления, а былины этого делать не могут? Почему это возможно, например, в песнях о Степане Разине, о взятии Казани, почему хороший исторический роман, проникнутый народностью, прекрасно

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, 2-е изд., М., 1958, стр. 371.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 64 (подчеркнуто В. Проппом).

совмещает эту двуединую задачу, а былины не могут? Противопоставление изображения действительности изображению народных устремлений методологически неверно, ибо любой подлинно-народный автор, ставя перед собой задачу рассказать о случившихся событиях (а такие задачи ставятся в литературе и фольклоре ежедневно), не может не отразить их с позиций народных масс, не может не выразить их стремлений, чаяний и надежд.

Книга В. Я. Проппа содержит немало ценных наблюдений по конкретным былинам, много верных критических замечаний по адресу разных исследователей былин, но ее методологические установки, касающиеся историзма былин, условий возникновения и развития жанра, не могут быть приняты. К сожалению, Б. Н. Путилов в своей новой работе в подходе к былинам исходит из воззрений В. Я. Проппа. Он также считает, что «былина изначально не заключает конкретно-исторического содержания», что «...эпос никаких исторических событий не отражает и герои его ни к каким историческим прототипам не восходят». Нельзя также согласиться с мнением автора, что «народная идея, составляющая содержание былины и отражающая идеалы той эпохи, в которую былина создавалась, неискажается и не подвергается коренным изменениям в процессе живого бытования эпоса»¹. Это уже явная крайность, возникшая в борьбе против преувеличения в науке значения разновременных напластований в эпосе. Слишком категорично в книге Б. Путилова отбрасывается возможность существования в эпосе песен-слав. Автор при этом указывает на отсутствие подобных фактов в известной нам песенной традиции. Но именно концовки многих былин свидетельствуют о том, что по крайней мере часть их создавалась как песни-славы, не говоря уж о том, что часть украинских дум, также связанных традиционно с древним эпосом, тоже являются песнями-славами («Самийло Кишка», думы о Хмельницком и др.)².

Как В. Я. Пропп, так и Б. Н. Путилов в своем ана-

¹ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв., М.—Л., 1960, стр. 5, 23, 26, 37.

² Сам Путилов признает, что следы древней восточнославянской традиции в украинском фольклоре имеют большую ценность.

лизе былин исходят из эстетики эпоса. При этом речь идет не об изобразительных средствах, ритмике и других элементах эпоса, легче поддающихся изучению, а об общих принципах эстетики эпоса, на основании которых они решают вопросы приурочения конкретных былин к тому или иному периоду. Но как раз эти общие эстетические принципы эпоса весьма мало изучены, и поэтому в выводах авторов рассматриваемых книг очень много субъективного. Эстетика эпоса, с ее неустановленными еще наукой основными принципами, уже превратилась в своего рода фетиши, который, фактически, допускает много произвольного в трактовке сюжетов эпических произведений.

С рассмотренными выше теориями кое в чем смыкается концепция И. Цапенко¹. В отличие от некоторых других исследователей т. Цапенко стоит на верных позициях в вопросах устойчивости фольклорных текстов в устной традиции, значения вариантности и устности в фольклоре, использования феодальной верхушкой народного эпоса и др. Однако взгляды И. Цапенко на героический эпос отличаются односторонностью, он пытается вынести почти весь классический эпос за пределы классового общества, отнести его полностью к периоду военной демократии. Даже примеры таких феодальных эпосов, как «Марко Кралевич» и «Сид», которыми занимается сам И. Цапенко в своей работе, не убедили его в возможности широкого развития эпоса в самом настоящем феодальном обществе. Автор нигде не отличает раннего феодализма, с такими его характерными особенностями, как относительная слабость государства (Маркс), относительная неразвитость классовых противоречий и т. п., от более поздних этапов феодализма. Так автор толкует суммарно о «міцній державності» феодального общества (стр. 56), об отстранении народных масс от политической жизни при феодализме (стр. 101, 103 и др.). Стоит углубиться в летописи, чтобы убедиться, что дело обстоит не так просто. Такая суммарная трактовка феодализма, отсутствие понятия раннего феодализма дали возможность эвакуировать из феодализма все то, что оказалось несовместимым с общественными

¹ И. П. Цапенко. Питання розвитку геройчного епосу східних слов'ян, К., 1959.

отношениями позднего феодализма, но что на самом деле с X—XIV вв. совмещается превосходно. Стремясь доказать доклассовое происхождение большей части былевых сюжетов, автор выбросил образы классовой борьбы из многих былин, объявив их позднейшими вставками (стр. 60). Случайностями он считает исторические имена героев былин, вплоть до того, что отрицает связь былевых Добрыни и Алеши Поповича с историческими лицами, даже былевого Владимира — с Владимиром Святославичем, заявляя, что никто не может доказать, что в древнем Киеве не существовал еще до Киевской Руси «вождь» с таким именем (79).

Должен отметить, что положение о возникновении эпоса именно в этот период не принадлежит И. Цапенко и В. Проппу, как можно предположить из работ этих ученых. Для гомеровского эпоса данный тезис был доказан еще Марксом и Энгельсом. Если же говорить об эпосе восточнославянском, то этот тезис, на основе методологических указаний основоположников марксизма — ленинизма, с полной определенностью был сформулирован автором этих строк в статье 1940 г.¹ и в ряде послевоенных работ, которые, очевидно, остались неизвестными И. Цапенко.

Мы разобрали аргументацию тех ученых, которые склонялись к более или менее скептической, а порой и вовсе нигилистической трактовке исторического значения былин. Мы видели, что теории радикальной переделки былинного эпоса в XVI в. и тем более теории его позднего возникновения совершенно не доказаны, между тем как они сыграли, можно сказать, роковую роль, в некоторой степени дискредитируя былины как исторический источник. В отдельных случаях исследователи дошли до полного отрицания правильного отражения действительности былинами даже в период их возникновения. «Эвакуация» былевого эпоса в XVI—XVII вв., предшествовавшая его развенчанию как исторического источника, была связана с нежеланием при изучении устного творчества пользоваться какими-либо иными данными, кроме письменных документов. Эта методология и ее скептицизм соответствовали некоторым модным

¹ М. М. Плісецький. Умови творення епосу в Київській Русі, «Літературна критика», 1940, № 11—12, стр. 76.

реакционным течениям на Западе, например, установкам французских медиевистов. Это, возглавленное Бедье (1864—1938), позитивистское течение, считавшее фольклор делом школьно-образованной среды, отказалось от понятия «народное творчество» и стремилось всю средневековую народную поэзию вывести из церковно-латинских и частично античных источников. Характерной чертой его позитивистской методологии было категорическое отрицание тех литературных явлений, которые документально не засвидетельствованы. Так, Бедье считает, что во французском героическом эпосе нет произведений древнее начала XII в. лишь на том основании, что не имеется соответствующих письменных доказательств, между тем как все данные говорят о том, что ряд произведений относится к IX—XI вв.¹

С таким же нигилистическим отношением позитивистской реакционной науки к столь важным историко-поэтическим произведениям, как старинные чешские повести, приходилось бороться передовой чехословацкой науке².

Теории позднего происхождения или поздней радикальной переработки эпоса принесли вред изучению и популяризации былин — великого создания художественного гения восточного славянства и, в первую очередь, русского народа. Эти теории мешают использованию былин для освещения истории Киевской Руси и периода феодальной раздробленности, так как лишают их права на отражение событий данной эпохи и в конечном счете — на отражение народных идей и стремлений этого времени. Подобные теории давали возможность анализировать идейное содержание былин лишь статично; они игнорировали тот факт, что в них отразились настроения трудящихся масс *различных периодов*, причем в изначальной основе их образов лежали (а частично и сохранились) народные идеи времени возникновения произведения. Подобный анализ нельзя признать конкретно-историческим. Вред рассмотренных теорий выразился и

¹ Основательная критика медиевистов дана А. А. Смирновым в его главах коллективной работы «История французской литературы», т. I, М.—Л., 1946, стр. 19 и др.

² Z. Nejedlý. Staré povesti české jako historický pramen, Praha, 1953, 5—6.

в том, что трактовка изображенной в былинах действительности как псевдоистории не способствует увеличению их познавательно-воспитательного значения в обществе и лишает науку правильных представлений о *развитии* народной психологии, народных эстетических воззрений, народной поэтики и т. п. в течение ряда веков.

Глава четвертая

СТЕПЕНЬ УСТОЙЧИВОСТИ СЮЖЕТОВ И ТЕКСТОВ В УСТНОМ БЫТОВАНИИ

Рольклористике нередко высказывалось мнение, будто более или менее верное отражение отданных веков в фольклоре невозможно, ввиду произвола исполнителей, в результате которого процесс переработки произведений в устном бытовании протекает чрезвычайно быстро¹. Таким образом, различные «скептические» теории основываются часто именно на преувеличении значения изменяемости сюжетов и текстов в устно-поэтическом процессе. Между тем процесс трансформации в фольклоре протекает неравномерно, может коснуться не всех редакций и вариантов произведения, зависит от ряда обстоятельств (традиция бережного отношения к содержанию у сказителей эпоса, классовая заинтересованность народного певца в точном рас-

---

¹ См., например, книгу Скафтымова «Поэтика и генезис былин» (Саратов, 1924) и указанные выше статьи А. Брюкнера.

сказе о событии, связь с обрядом и проч.) и вообще в ряде случаев не лишает сюжеты и даже самые тексты произведений определенной, хотя и относительной, устойчивости.

Разумеется, было бы весьма ошибочно отрицать или приуменьшать масштабы тех процессов трансформации, которые по естественным причинам постоянно протекают в фольклоре. Эти процессы, понятно, приводят к тому, что многие произведения изменились в такой мере, что раскрывают свои первоначальные идеи и образы и дальнейшую эволюцию с большими трудностями. Но все же пересмотр материалов, предоставляемых различными жанрами фольклора, свидетельствует о том, что не следует преувеличивать значение изменений, что в ряде случаев фольклорное произведение (в силу различных причин, из которых пока не все ясны), довольно хорошо может сохранять свое содержание на протяжении многих веков.

Не будем касаться обрядовой поэзии (хотя именно в этой области можно наблюдать особую стойкость текстов), ибо здесь большую роль играет связь с обрядом, а этот последний, будучи закреплен в быту, тем самым способствовал и закреплению текста. Коснемся лишь тех жанров, бытование которых не связано с обрядом.

Поскольку определенное значение для сохранения текстов имеет большая или меньшая размеренность и четкость ритмических форм, хочется сказать о тех песенных жанрах, которые отличаются наиболее четкой ритмикой, т. е. о формах равносложных. К ним относятся, в частности, украинские исторические и лирические песни, для которых в общем характерна выдержанная равносложенность в «коленах» и целых стихах.

Современные записи исторической песни о Нечae, несмотря на 300 лет, минувших со времени гибели Нечая 10 февраля 1651 года, довольно хорошо сохраняют сюжет (неожиданность вражеского нападения, атака другого отряда с тыла, поведение Нечая, надругательства над его трупом и др.), помнят основные географические наименования, связанные с событиями (м. Красное, Полонное, Черный гай), имена участников: Шпака — начальника передового отряда, Калиновского. Любовь народа к герою, безусловно, в свое время способствовала популярности песни, которая записана в XIX в. на гро-

мадной территории от Люблинской до Новороссийской губернии.

Не сильно изменилась песня и в течение тех 120 лет, которые прошли со времени ее первых записей¹. В настоящее время на Подолье и в других местностях можно записать эту песню в хорошо сохранившемся виде.

Песня о расправе с Саввой Чалым в течение 200 лет помнит о его измене, обогащении путем грабежа, связях с польскими панами, решении гайдамаков покончить с ним и рассказывает о том, как действительный герой события Гнат Голый с группой гайдамаков расправился с ним. Сохраняет песня память о спасении его жены и ребенка. Совершенно правильны географические наименования, упомянутые в тексте (Немиров, Степашки). Записанный мной в 1943 г. вариант песни в ряде мест текстуально совпадает с записью 2-й половины XVIII в.

Можно найти множество текстуальных совпадений новейших записей с текстами первой половины прошлого века таких исторических песен, как «Перебыйнис», посвященной событиям 1648 г., сатирическая песенка середины XVII в. о шляхтиче («Ішов ляшок») и др. Записанная в конце XVII — начале XVIII в. песня о Сагайдачном («Ой на горі женці жнуть»)² имеет очень много общего с записями XIX—XX вв., а ее вариант 1825 г. почти совершенно не отличается от современных записей³. Поразительное сходство находим мы в содержании и в форме одной из первых известных науке записей украинской народной песни «О Штефане-воеводе», занесенной в грамматику Благослава еще в первой половине XVI в., с некоторыми русскими песнями, особенно с записью А. Водарского песни терских казаков в 1901 г.⁴ Среди вариантов песни о смерти молодца в

¹ Старейшая запись — Зориана Доленго Ходаковского (1813—1814 гг.) находится в Отд. рукописей Библиотеки АН УССР. Максимович издал ее в сборнике 1834 г. Первая публикация песни (другой ее вариант) имеется в сборнике Вацлава из Олесска, 1833, Львов, стр. 479—480.

² Записано до 1713 г. См. В. Перетц. Заметки и материалы, Изв. ОРЯС, 1901, VI, II, стр. 83; Перепеч. Г. Нудьга, «Пісні і романси укр. поетів», К., 1956, 1, стр. 88.

³ Из рукописного сб. из Середи. Буды Черниговской губ. Сообщ. М. И. Сперанский в «Этн. обозрении», 1906, № 1—2.

⁴ Ср. Пісні та романси українських поетів, К., 1956, 1, стр. 87 и Сборник материалов для описания.., Кавказа, 1908, № 39, стр. 61—62.

степи, ведущих свое начало, вполне возможно, еще со временем, предшествовавших образованию казаческих войск, можно найти немало весьма близких, несмотря на то, что записи их отделяются друг от друга порой промежутком в 100—150 лет. Что касается баллад, то сюжеты многих из них почти совершенно не изменились за тот период, в течение которого ведутся над ними наблюдения. Достаточно напомнить о таких сюжетах: 9 братьев-разбойников убивают мужа сестры, вдова бросает в реку бочку со своими двумя сыновьями, они возвращаются через много лет и женятся на вдове и ее дочери; свекровь превращает невестку в калину и т. п. Кстати, хорошая устойчивость сюжета и всего содержания этих и других баллад и песен о казацкой жизни характерна в одинаковой мере для русских, украинских и белорусских текстов.

Интересно, что в балладах и в лирических песнях довольно устойчиво сохраняются личные имена. Новые записи песни о Кулине, зафиксированной уже в 1625 г., изредка сохраняют это имя. Цепко держится имя Кучерина в одной из песен, известной в записи 1760-х гг., Яким в песне об убийстве жены мужем, Фома и Ярема, Софья и Василий, Михайло и Катерина, Дуня-тонкопряха, Ванька-удовкин сын, Чурилья-игуменья в русских песнях. Это — весьма примечательное явление: довольно устойчивы не только имена исторических лиц, связанных с нашумевшими событиями, а и имена простых лиц в бытовых текстах.

Можно назвать немало украинских лирических песен, современные тексты которых близки записям XVII—XVIII вв. В целом можно утверждать, что среди украинских лирических песен, звучащих поныне в разных концах страны, многие принадлежат к XVI—XVII и более ранним столетиям и часть из них почти вовсе не изменилась за протекшие века.

Хотя ритмика русских народных песен более свободна, нежели равносложные размеры украинской народной песни, однако она значительно более размерена, чем, например, ритмика дум. Ритмическая устойчивость русской народной песни достигается равноударностью и цезурованностью строк, отсутствием особенно резкого различия в их длине, специфической обработкой клаузул (дактилическое ударение и акцентное отягощение по-

следнего слога), заменяющей рифму. Таким образом, ритмика старинных русских народных песен (а также былин) представляет собой в общем довольно устойчивую постоянную форму.

Из русских исторических песен в первую очередь привлекает внимание старейшее произведение — песня о Щелкане Дудентьевиче. Рассмотрение ее в свете интересующей нас проблемы тем легче, что песня уже подвергалась специальному изучению¹. Песня довольно точно повествует об убийстве ханского баскака Шевкала в Твери 15 августа 1327 г. Сохранена память о месте действия, национальности и имени отрицательного персонажа (летописное имя его Шевкал сын Деденя)², его положении, — он — родственник и посол татарского хана Узбека (в песне — Азвяка), помнит и имя героя положительного. Как установил М. Воронин, упомянутые в песне «Борисовичи» — это тверской род тысячных. Хорошо помнит песня о бесчинствах Шевкала, которые зафиксированы летописью, о чванстве Шевкала. Песня сохраняет память о значительности «старой, богатой Твери», чувствуется, что она рассказывает не о каком-то глухом и неведомом уголке. «Щелкан» представляет собой чудесный пример сохраняемости содержания произведения в течение многих веков (в данном случае по крайней мере *четырех с половиной столетий*).

Меньше исторических данных несет в себе песня о Кострюке³, но это объясняется, в первую очередь, характером раскрытия темы; песня, имея патриотическую направленность, в то же время описывает бытовой факт. Здесь изображено молодецкое соревнование борцов, бывшее обычным явлением при русских дворах в середине века. Хорошо сохранен ряд исторических имен:

¹ Н. Н. Воронин. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г., «Исторический журнал», 1944, № 9; Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв., М.—Л., 1960, стр. 116—131.

² Некоторые летописные списки знают это имя и в форме «Щолкан» (см. Московский летоп. свод конца XV в., т. 25, М.—Л., стр. 168) и «Щелкан» (Летоп. сб., именуемый летописью Авраамии. СПб., 1887, стр. 312).

³ Песне о Кострюке посвящено несколько работ. Наиболее обстоятельный разбор дан в труде В. К. Соколовой. Русские историч. песни XVI—XVIII вв., М., 1960, стр. 37—48, и в упомянутой работе Б. Путилова, стр. 144—170.

жена Ивана Грозного — Мария Темрюковна¹, черкасская, точнее кабардинская княжна, которая была непопулярна в Москве. Главный отрицательный герой песни — Кострюк является братом Марии и также носит в песне совершенно точное отчество «Темрюкович»². Его отцом был — Темрюк Камбулат, кабардинский князь, хорошо известное в истории лицо³. Известен истории и сын Темрюка — «Мастрюк князь Темгрюкович», приезжавший в Москву 17 июня 1565 г. Исторический Мастрюк и сохранился в песне под именем Кострюка с правильным отчеством «Темрюкович». Песня хорошо помнит о национальной принадлежности царицы, ее брата и их свиты, которых называет черкашенинами⁴.

В других русских исторических песнях заключена масса сведений о конкретных исторических событиях и лицах. Анализу их в последнее время посвящено несколько серьезных работ, из которых особенно следует отметить упомянутые уже труды В. К. Соколовой⁵, Б. Н. Путилова, а также В. П. Адриановой-Перетц, М. Я. Парижской⁶ и др. Напомним только о хорошей устойчивости текста ряда исторических песен, например — о сынке Разина⁷. Этой устойчивости, безусловно, весьма способствовала органическая близость их идеального содержания идеологии той бедняцко-козацкой среды, где они бытовали. Точно так же крестьянские песни сохранялись в крестьянской среде лучше, нежели в иных социальных слоях.

Нередко в песне хорошо сохраняются своеобразные фразеологические обороты и синтаксические конструкции, которые могут быть одним из элементов, способствующих запоминанию песни, как заметные речевые

¹ См., например, Астахова, II, № 209; Ончуков, № 91, П. Шейн, Русские нар. былины и песни, М., 1859, стр. 9—10.

² Ончуков, № 77 и 91.

³ См. Очерки истории СССР, период феодализма, конец XV — начало XVII вв., М., 1955, стр. 820—822, 830—833.

⁴ Соколов-Чичеров, № 140; Астахова, II, № 213; ср. № 116 и мн. др.

⁵ Сб. «Славянский фольклор», М., 1951, стр. 7—78; Русские исторические песни XVI—XVIII вв., М., 1960.

⁶ См. Русское народное поэтическое творчество, т. I, главы, посвящ. XVI—XVIII вв.

⁷ Анализ песни дан в указ. работах В. К. Соколовой.

узлы. Так, А. П. Евгеньева¹, сравнивая запись «Песни о рябине» 1699 г. (эта семейно-бытовая песня изображает сожжение женой нелюбимого мужа) с современными текстами, в том числе с записью 1942 г., указывает на сохранность деепричастной конструкции запева (обращение к рябине или к другому дереву, как ему не стояниться, и параллельного вопроса в запеве и зачине).

Наиболее свободной ритмикой в восточнославянском фольклоре отличаются украинские думы. Они состоят из весьма неравносложных стихов (от 6 до 20 слогов). Количество ударений в строках непостоянно, строф нет, исполняются речитативом на постоянно варьирующуюся мелодию. Таким образом, ритмика дум весьма своеобразна и значительно более зыбка, нежели русская и украинская песенная ритмика. И все же дошедший до нас текст XVII в. свидетельствует о неплохой устойчивости текстов дум. Сравнивая единственную, дошедшую до нас запись думы XVII в. (про казака Нетягу, найденную М. Возняком), видим почти полную сохранность сюжета и текстуальное совпадение весьма многих мест, также название места действия — Килийское поле в устье Дуная, где жили белгородские татары. Отметим, что текст XVII в. был опубликован лишь в 1928 г., т. е. не был известен собирателям XIX в. и не мог повлиять на их записи².

Несмотря на общий упадок жанра дум к концу прошлого века (в определенной мере — благодаря полицейским преследованиям кобзарства), все же основной сюжет произведений, характеристика героев и самые имена очень часто выявляют неплохую устойчивость. Так, почти все варианты думы про Коновченка начала XX в. (которая согласно нашим исследованиям отображает поход охочих казаков против турецкой крепости — Бендера в 1628 г.), сохраняют имя и прозвище героя думы, его матери, память о местожительстве героев (Крылов или Корсунь), имя военачальника (Фило-

¹ А. П. Евгеньева. Языковые особенности «Песни о рябине» в записи 1699 г. как материал для ее локализации, «Ученые записки» Ленинград. гос. педагогического института, т. XV, ф-т яз. и л-ры, в. 4, стр. 175.

² Ср. «Думи та історичні пісні», Упорядкування, вступна стаття і примітки М. Плісецького, Київ, 1941, стр. 21—22 и П. Кулиш, «Записки о Южной Руси», I, 1856, стр. 17.

ненко) и о том, что он — корсунский полковник, помнит почти всю географию похода. Большая часть новых записей правильно возвращает основной сюжет произведений, а иногда заметно и текстовое совпадение. Сравните, например, запись 1903 г. от лирика на Черниговщине¹ с записью, произведенной Ломиковским на Миргородщине на 100 лет раньше², и запись думы «О трех братьях Азовских» Ф. Колессы в 1908 г. с текстом Цертелева, записанным почти за 100 лет до этого там же, в Миргородском уезде³.

Об устойчивости содержания дум в течение по крайней мере 200 лет (с середины XVII до второй половины XIX в.) прекрасно свидетельствуют думы об освободительной народно-крестьянской войне под руководством Б. Хмельницкого. Дума о Корсунской победе помнит о плenении Потоцкого, о том, что Хмельницкий подарил его туркам (в думе — крымцам) и что в успехе казаков большую роль сыграло распоряжение Хмельницкого перекопать дорогу, по которой будет отступать польское войско. Вообще в думах этого периода сохранилось много исторических имен, полное имя Хмельницкого «Зиновий-Богдан», сокращенная форма его фамилии — «Хмель», память о местожительстве Хмельницкого (Чигириин и хутор Субботов), названия запорожской церкви и монастыря.

Если украинские думы, отличающиеся весьма свободной ритмикой и импровизационным способом исполнения, так относительно хорошо сохраняют содержание, то, очевидно, не с меньшими, а с большими основаниями это должно относиться к былинам, ритмика которых в основном близка ритмике русских исторических песен. Правда, здесь дело усложняется тем, что большая часть текстов XVIII в. сильно испорчена, так как они не только не записывались с голоса, но более того,

¹ А. Малинка, Кобзари и лирики, «Земский сб. Черниг. губ.». 1903, апрель, стр. 73.

² Записи эти известны в украинской фольклористике под наименованием «Повести малороссийские», опубл. П. Житецкий («Мысли о нар. малорусских думах», 1893).

³ Ф. Колесса. Мелодії укр. нар. дум. Матеріали до укр. етнології, Львов, 1910, стр. 157, Зап. у известного кобзаря М. Кравченко; Н. Цертелев. Опыт собрания старинных малор. песеней. 1819, СПб., стр. 2.

относятся к своеобразной письменной традиции (как установлено новыми исследованиями, эти списки производились для продажи), в результате чего они, во-первых, сокращались и, во-вторых, теряя те особенности, которые возникали в результате устного бытования, постепенно приближались к жанру литературной повести, см., например, особенно «Гисторию о Киевском богатыре Михаиле сыне Даниловича двенадцати лет». И все же, даже от самой этой «Гистории» не так уже далеко отошел вариант былины о Михаиле Даниловиче, записанный братьями Соколовыми в Новгородской губ. в 1909 г. Новая запись повторяет в основных чертах тот же сюжет и сохраняет, хотя и в несколько измененной форме, имена. Напомню, что со времени записи «Гистории» до поездки Соколовых прошло, примерно, полтора века.

Вопросу об отражении эпохи Киевской Руси в былинах в нашей книге посвящены специальные главы, поэтому здесь нет нужды приводить соответствующие данные. Мы ограничиваемся лишь некоторыми примерами сохранения текстов былин. Хорошо сохраняется текст былин об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике. В современных записях былины об Илье Муромце и Идолице содержатся все основные эпизоды варианта второй половины XVIII в. А. М. Астахова также писала об исключительной устойчивости текста былин о королевичах из Крякова в исполнении четырех поколений Рябининых¹. Довольно хорошо сохранилась и былина о Ставре, если судить по записи первой половины XVII в.².

Насколько серьезно относились в XVII в. к сохранению содержания и всех основных особенностей былин, свидетельствует тот, отмеченный В. П. Адриановой-Перетц, факт, что даже при включении былинных поэтических описаний авторы XVII в. воспроизводили их, если не буквально, то сохраняя основные черты их художественного облика. В. А. Адрианова-Перетц установила это на основе сличения устнopoэтических эпизодов литературных памятников со старыми записями былин.

¹ А. М. Астахова. II, стр. 772. Правда, правнук пользовался и печатными текстами.

² По мнению А. Соболевского (Былина о Ставре Годиновиче по списку 1-й половины XVII в., Изв. ОРЯС, 1912, XVI, кн. 1, стр. 11—14), прототип этого списка должен быть старше XVII в.

Еще разительней сходство новейших записей со сборником Кирши. Нет необходимости доказывать, что среди текстов новых сборников: «Былины Севера»¹, «Онежские былины» Соколова-Чичерова², «Былины Пудожского края»³ можно легко найти множество примеров довольно точного повторения тех сюжетов, которые имеются в текстах Кирши, и это несмотря на тот факт, что все эти новые сборники записаны на Севере, а не в тех местностях, где возник сборник Кирши. Нередко встречается и текстуальное сходство, например, былины о Дунае сборника Кирши⁴ и новой пудожской записи⁵; между этими двумя записями прошло приблизительно 170—190 лет.

Вот еще характерные факты. Сходство записанного у некрасовцев варианта былины о Садко с записями Листопадова на Дону отметил Я. Лепилин; между тем некрасовцы были разобщены с Доном более 200 лет⁶. Важное свидетельство о сохранении текстов былин за 60 лет, прошедших со времени записей Рыбникова и Гильфердинга, представляют собой результаты работы большой экспедиции, возглавлявшейся братьями Соколовыми. Б. Соколов писал, что экспедиция установила хорошую сохранность текстов за 60 лет и отмечал, что раньше тексты должны были сохраняться еще лучше⁷.

Выходит, что, даже несмотря на импровизационный характер исполнения былин и на усилившийся в XIX в. процесс угасания былинного творчества, все же еще кое-где ряд былин сохранил не только содержание, но порой и текстуальное сходство со старыми записями.

Сохранению текстов былин, как и других фольклорных жанров, не мешал их язык, который на самом деле изменялся меньше, чем можно предполагать. Очень ценные наблюдения на этот счет приведены А. П. Евгеньевой. Сравнивая фольклорные записи XVII в. и записи

¹ Астахова, т. I и II.

² Соколов - Чичеров. Записи 1926—1928 гг.

³ Былины Пудожского края.

⁴ Древние рос. стихотворения, М., 1938, стр. 60 и др.

⁵ Былины Пудожского края, стр. 120 и др.

⁶ Я. Б. Лепилин. Богатырская триада Киевского цикла в донской былине, стр. 143 (диссертация). Некрасовцы выехали в 1708 г., возвратились в Россию в 1912 г.

⁷ Б. Соколов. Об историко-социологическом методе изучения былин, Сб. «Памяти П. Сакулина», М.; 1931, стр. 271.

XIX—XX вв. «в той их части, которая передает основные моменты содержания, мы видим, что изменения почти не касались ни словаря, ни фразеологии, ни синтаксиса. Записи XVII в. почти совсем не содержат лексических архаизмов с точки зрения живой речи XIX—XX вв. (отчасти литературной, отчасти просторечной и диалектной) и, в особенности, с точки зрения поэтической традиции устного народного творчества. В устной поэзии выработались и сложились свои стилистические приемы, представляющие одну из важнейших сторон в традиции, выработался и сложился свой поэтический словарь, своя поэтическая фразеология... Продолжая развиваться и совершенствоваться, они в то же время служат основанием для сохранения того, что в разговорном языке приобретает архаический характер и постепенно исчезает. Близость языка текстов устных произведений XVII и XX вв. между собой говорит не об архаичности устной поэзии XIX—XX вв., а о том, что в подлинно художественном, отшлифованном устном произведении с наибольшей ясностью выступают стойкие, наименее подверженные изменениям стороны языка»¹.

Таким образом, ввиду особого качества языка подлинно народных поэтических произведений, включающих наиболее полноценный и устойчивый речевой материал, изменения в произведении в процессе многовекового бытования происходят *относительно* слабее, нежели в живой разговорной речи.

Мы пересмотрели произведения различных жанров историко-эпической поэзии и убедились в том, что при всем их различии содержание всех их, в общем, довольно устойчиво. Таким образом, приходится прийти к выводу, что ритмика не играет решающей роли в деле сохранения эпоса, ибо более свободные ритмические формы (былины и думы) все же тоже неплохо содействуют сохранению произведения.

В то же время нельзя вовсе игнорировать значение ритмической организации текста для его сохранения. Текст сохраняется лучше в формах более размеренных и четких.

---

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. I, М.—Л., 1953, стр. 128—129.

Глава пятая

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЭПОСА В УСЛОВИЯХ ВОЗНИKНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

B

встречаясь в жизни с новым, только что возникшим явлением, мы естественно задаем себе вопрос — почему оно возникло? Но сталкиваясь со старым, издавна существующим явлением, мы далеко не всегда ставим подобный вопрос. Так и в литературе при появлении нового направления или жанра критика обычно интересуется тем, что вызвало к жизни это новое явление, но мы, родившиеся через тысячи лет после возникновения многих народно-поэтических жанров, мало задумываемся над тем, почему народ их создавал. А между тем для того, чтобы разобраться в истории жанров, в том числе и героического эпоса, нужно понять, с какими потребностями общества связано их возникновение. И прежде всего нужно отказаться от мнения, будто все они созданы лишь для того, чтобы удовлетворять эстетические потребности человека, ибо оно очень мало объясняет, — например остается неясным,

почему же понадобились именно такие формы, как героический эпос, сказка, загадка и др., а не какие-нибудь иные? Да и сами эстетические потребности нельзя, как известно, рассматривать абстрактно, они весьма различны для разных исторических эпох и классов¹. Эстетические потребности человека периода первобытнообщинного строя не только не совпадали с эстетическими потребностями людей последующих формаций, но и вообще были теснее связаны с его практическими задачами. Так, мифы были необходимы для объяснения явлений природы; они на ранней стадии развития общества синтезировали часть его опыта по освоению природы. Связанная с магическими воззрениями и мифологией календарная обрядность основывалась на хозяйственной деятельности человека. Свадебная обрядность, также связанная в известной степени с магическими представлениями, в условиях первобытнообщинного строя должна была обеспечить успех группового (а затем и других форм) брака, а обрядность похоронная — переход умершего к предкам и их содействие деятельности рода. Пословицы фиксировали в афористической, удобной для запоминания форме освоенные человеком закономерности (наблюдения над природой, жизнью общества), моральный кодекс, а загадки, может быть, употреблялись для проверки умственной зрелости юношей, получавших права членов рода. Все эти жанры появились в различные периоды первобытнообщинной формации. На более позднем ее этапе возникли легенды и предания об истории племени.

Сказка в ее нынешних формах, вероятно, является относительно поздним жанром, в котором слились тотемные рассказы, связанные с происхождением рода (они превратились в животный эпос), переработанные художественно мифы, воплощавшие народные технические и социальные идеалы (эти мифы были поглощены впоследствии волшебной сказкой), и относительно поздние произведения, обогденные социальным содержанием и превратившиеся в сказки-новеллы и в авантюры.

¹ «Чувственное сознание фетишиста иное, чем чувственное сознание древнего грека, ибо его чувственное бытие еще иное» (К. Маркс. Подготовительные работы для «Святого семейства». Соч., т. III, стр. 660; ср. стр. 627).

ные сказки. Отметим, кстати, что различие между мифологическим и развлекательным повествованием существовало, вероятно, уже на поздней стадии первобытно-общинного строя; это подтверждается на материалах фольклора современных относительно отсталых народностей. Короче говоря, можно утверждать, что фольклорные жанры возникали прежде всего в связи с практическими потребностями общества, и лишь затем по-настоящему развилось, по выражению К. Маркса, «художественное производство, как таковое»¹, уже специально для удовлетворения социально-эстетических потребностей (фантастическая, авантюрная, социально-новеллистическая сказка, баллада, лирическая песня).

Первоначально художественное творчество имело иной характер и было менее разносторонним, нежели мы привыкли наблюдать в современном обществе: «Производство идей, представлений, сознания, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»².

Необходимо учитывать и тот факт, что, как это ни странно на первый взгляд, творческая фантазия первобытного человека была довольно ограниченной. Иные представления первобытного человека могут казаться нам фантастическими, но ему они такими не казались, они были результатом его конкретно чувственных восприятий действительности, для него мифологические образы не были фантазией. Правильно отмечал еще И. Франко: «Первобытный человек почти ничего не создает на основе фантазии и не может создавать, так как эта фантазия у него чрезвычайно бедна ввиду малого количества и малой разнородности воспринятых впечатлений»³. Лишь с течением времени (но еще в первобытнообщинную эпоху) происходит постепенное развитие творческой фантазии, в результате чего возникают и развлекательные жанры.

К сказанному нужно добавить, что отношение к образам фольклора и художественной литературы (за

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 12, стр. 736.

² Там же, т. 3, стр. 24.

³ Франко. Вибрані статті про народну творчість, Київ, 1955, стр. 56.

исключением заведомо развлекательных жанров) как к повествованию о действительно имевших место фактах в некоторой степени сохраняется в народе и теперь. Ясно, что такое отношение связано со старыми взглядами на поэзию, возникшими в эпоху, когда еще не существовало художественного вымысла в его современном значении.

Разумеется, эпические произведения в период своего возникновения не были совершенно точными в изображении конкретных фактов, героев и т. п. Эта точность была относительной. Уровень реализма был ограничен достигнутым в данную конкретную эпоху уровнем типизации и индивидуализации образов, зависел и от идеологии авторов. Но народные певцы стремились к правдивому отражению действительности, причем созданные ими песни отражали взгляды народных масс, выражали социальные (а в классовом обществе — классовые) тенденции.

Если первым фактором, оказывавшим влияние на возникновение жанров, была потребность в «литературе» определенного рода, удовлетворявшей те или иные запросы общества, то вторым фактором были реально существующие возможности их устного бытования, определявшиеся уровнем развития человеческих чувств, способностей, памяти. Устное бытование ограничивало и вводило в определенные рамки развитие тех или иных жанров, не допуская, например, перерастания сказки-новеллы в роман, где имелось бы много сюжетных линий или развития драматических сцен до уровня сложных многоактных пьес и т. п. Реальные условия устного бытования закрепляли определенную, довольно простую «цепную» композицию сказок, традиционную поэтику песен и сказок с их «общими местами» и т. п. Воздействие этих двух факторов необходимо учитывать и при выяснении условий возникновения героического эпоса.

* * *

Выясняя условия, способствовавшие возникновению героического эпоса, следует вспомнить мнение К. Маркса о том, что эпос в его классической форме относится к эпохе, предшествующей тому времени, когда начинается «художественное производство, как таковое». От-

сюда следует сделать вывод, что эпос имел во время возникновения не эстетические, а какие-то другие, практические цели. Периодом возникновения эпоса К. Маркс считал поздние стадии первобытного общества.

Восточнославянский героический эпос возник в период военной демократии и раннего феодализма. Исходя из этого мы должны прежде всего отделить последний от других этапов феодализма. Известно, что социально-политические условия на различных стадиях феодализма, при всем сходстве их основы, были весьма различны. Период раннего феодализма многими своими особенностями, в том числе и формой государственной власти, отличался от последующих стадий данной социально-экономической формации¹. Некоторые из этих особенностей периода раннего феодализма способствовали развитию эпоса.

Героико-эпическая поэзия (предания и героические песни) была важным средством сплочения населения в период возникновения государственности и начала развития национального сознания. Героико-эпическая поэзия была также средством борьбы народных масс с возникающей классовой (рабовладельческой или феодальной) верхушкой, присваивавшей родоплеменную собственность, укреплявшей свое право на эксплуатацию членов рода, устанавливавшей привилегии для себя. Указанные жанры находят широкое развитие впервые именно на стадии изживания племенной изоляции и создания первых форм государственности. Ф. Энгельс со всей определенностью отнес гомеровский эпос к этому периоду: «Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами в поэмах Гомера, особенно в «Илиаде». Указав затем на отражение у Гомера различных особенностей данной эпохи (в том числе возникновение художественного ремесла и «зачатки архитектуры как искусства»), Энгельс дает общую оценку историческому значению этого эпоса: «...Гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию»².

Общественные отношения на последней стадии первобытнообщинного строя и затем в период раннего фео-

¹ В. И. Ленин подчеркивает различие форм государственной власти для разных феодальных периодов, см. Соч., т. 15, стр. 308.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 33.

дализма требовали создания и сохранения исторического эпоса, роль которого, ввиду отсутствия или ограниченного распространения письменности, была особенно велика. Историческая поэзия в условиях возникновения и развития национального самосознания народа и государственности была жизненно необходима не только как общественно-воспитательный фактор, но и как исторический документ. Возникновение летописания, продиктованное по сути той же необходимостью фиксации исторических событий, не могло в полной мере обеспечить соответствующие нужды общества. В то же время широкое развитие летописания является лучшим свидетельством настоятельной потребности общества, начиная с первых этапов создания государственности (в частности, на Руси), в фиксировании своей истории¹.

Период военной демократии является временем возникновения героического эпоса и достижения им у многих народов высокого уровня развития или даже наивысшего расцвета, чему способствовало и то, что государство в своих первоначальных примитивных формах, не было еще полностью отчужденным от масс и еще не воспринималось как враждебное массам. «Ведь в то время, — писал Энгельс, — когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете...»².

Даже значительно позже, на первой стадии раннефеодального общества, верхушка не была полностью отгорожена от проникновения в нее представителей широких трудовых слоев: «Боярство еще не успело замкнуться в касту; еще в рядах «мужей храборствующих» можно было встретить выходцев из народных масс»³. Функции государства были ограниченными⁴.

¹ О связи летописания с потребностями общества в период объединения Руси. См.: Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 87—88 и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 105.

³ В. В. Мавродин. Очерк истории древней Руси до монгольского завоевания, История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр. 17.

⁴ См. Письмо Энгельса К. Марксу от 6 июня 1853 г. Соч., т. XXI, стр. 494.

Вполне естественно, что героический эпос периода военной демократии, а в определенной мере и периода раннего феодализма, не был направлен против государства в целом, ибо интересы масс еще не были с такой ясностью противопоставлены интересам социальной верхушки, выраженным в действиях государства, как это было впоследствии. И не случайно Н. А. Добролюбов, обладавший особой чуткостью к народности художественных произведений, подметил, что в древности в народной поэзии выражались «действительно общенародные интересы и воззрения на жизнь»¹. В. Г. Белинский указывал, что в эпической поэме «сам поэт еще смотрит на событие глазами своего народа, не отделяя от этого события своей личности»². Первобытное мышление было прежде всего мышлением, связанным с родовым строем, и оно было весьма устойчивым³.

Одними из самых первых художественных проявлений политического сознания масс являются предания. Историческое предание можно рассматривать как один из многих факторов общественного развития в период разложения первобытнообщинного строя, во время ломки общественных отношений. Предания особенно хорошо сохраняют свою достоверность в тех случаях, когда являются подтверждением народных прав на определенное имущество, угодья и т. д. Э. Тейлор в «Антропологии» приводит ряд поразительно достоверных древних преданий островитян Самоа, Новой Зеландии и др. Некоторые из этих преданий сохранились в течение жизни 18 поколений (от 400 до 600 лет); они повествуют о том, как сюда приплыли предки ныне существующих родов, указывают точные места высадки судов, имена вождей и т. д.⁴. Тейлор не сделал из приведенных фактов необходимых выводов: ведь эти предания, фиксировавшие место высадки каждого рода, сохранились особенно тщательно именно ввиду необходимости для родов обеспечить право на занимаемую ими территорию. Разви-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., стр. 214.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 37.

³ «Но моральное влияние, унаследованные взгляды и образ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях, которые отмирали только постепенно» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 118.)

⁴ Э. Тейлор. Антропология, СПб., 1908, стр. 371—372.

тие исторических преданий в рассматриваемую эпоху связано с развитием права; фактические отношения между индивидуумами начали приобретать форму всеобщего права¹

Именно для закрепления новых правовых норм и потребовались среди прочих средств и предания. Конкретные общины при помощи преданий обосновывали те или иные свои права. А впоследствии, когда родоплеменная верхушка пыталась обосновать свои права на узурпацию общинной или племенной собственности² и на различные привилегии, народная масса, ссылаясь на существующие традиции, обычное право (зарегистрированное в преданиях), оказывала ей сопротивление. Вместе с тем исторические предания и исторический эпос служили делу становления народности и ее сплочения. Если раньше целям сплочения членов рода и групп родов неплохо служили тотемные и другие мифы, доказавшие их изначальную близость, то в период создания государственности и народностей потребовались уже исторические свидетельства об общей борьбе населения страны с внешним врагом, о давнем политическом единстве племен и т. п. При этом исторические предания развивали патриотические чувства, способствовавшие сплочению населения в борьбе с внешними врагами.

Такую роль играли, например, предания у казахов (правда, уже в новое время, в XVIII в.) в довольно типичных условиях родоплеменной борьбы. «В это богатое событиями и трудное время, — пишет Н. С. Смирнова, — эпос возник не как простой отклик на происходящее. Целью его авторов было пропагандировать спасительные для народности идеи — идеи всенародного сплочения и всенародного отпора джунгарам»³. Предания хорошо помнят действительную топонимику событий; особо «выделяются маршруты походов и места битв, побед и заключения мирных договоров», сбереглись также имена военачальников и дипломатов. Преда-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 336—337.

² Там же, стр. 361.

³ Н. С. Смирнова. Проблема исторического и эпического в казахской литературе XVIII в., «Вестник АН КазССР», 1948, № 5, стр. 56—57.

ния имеют «местный» характер; лучше всего они сохраняются там, где живут потомки участников событий.

В период военной демократии большое развитие получает война. Эта «форма сношений»¹ также порождала предания, утверждавшие права завоевателя², укреплявшие авторитет военачальников и права участников похода. При этом в период военной демократии историческое предание часто было уже совершенно лишено каких бы то ни было элементов мифа. Немало подобных преданий существовало и на Руси, и часть их была включена в «Повесть временных лет». В отдельных случаях предания киевского периода, хотя и в чрезвычайно измененном виде, дожили до наших дней, иногда сохранили даже имена. Так, на Волыни зафиксированы предания о «шелудивом Буняке», в котором легко выявить исторический прототип половецкого хана Боняка, зверствовавшего на юге Руси на рубеже XI—XII вв., которого летописец тоже называл «шолудивым» и считал волшебником (современные сказители называют его «характерником»)³. Сохранили предания память об имени и профессии молодого воина Яна Усмошвеца, победившего печенежского богатыря. В сказках он назван Кожемякой.

С развитием классовых отношений идеиное содержание исторических преданий усложняется, в них возникают два классово различных направления: народные исторические предания и предания нарождавшегося эксплуататорского класса. Последние имели своей целью оправдание «злоупотребления древними родовыми учреждениями», порабощения сородичей, систематического грабежа, дискредитацию традиций общины и, таким образом, были направлены на укрепление позиций господствующей верхушки и ослабление сопротивления зависимых масс. Народные же предания отражали борьбу народа против нарушений освященного традицией

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 21.

² Эти права, впрочем, аннулировались, как только покоренный оказывался в состоянии оказать серьезное сопротивление завоевателю; неудивительно поэтому, что предания о завоеваниях лучше сохранились у победителя, нежели у побежденного.

³ Буняке посвящено несколько работ. Тексты предания см. М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы, Киев, 1876, стр. 224, 225; О. Колберг, «Рокисіе», I, 1882, стр. 345 и др.

распределения имущества, против классовых привилегий и злоупотребления древними родовыми учреждениями, призывали к единству в борьбе с врагами, внешними и «своими». Героем народного предания был выходец из масс. Если же его герой являлся представителем социальных верхов, то это был «справедливый» правитель, талантливый полководец, заботящийся о народе и опирающийся на простых людей, защитник родной земли. Героем преданий эксплуататорского класса был представитель знати; представители широких масс играли здесь только эпизодическую и служебную роль, чем подчеркивалось господствующее положение основного героя. Если прототипом героев преданий двух враждующих классовых сил было одно и то же историческое лицо, то оно обычно изображалось с совершенно различных идеинных позиций¹. Следует учесть, однако, что передовая часть социальной верхушки не отказывалась от идеи единства в борьбе с внешним врагом, и в этой части ее творчество временами сближалось с творчеством народным.

Целям фиксирования исторических событий в большей мере служила историческая песня, нежели предание, так как ее форма способствовала закреплению содержания.

Не следует игнорировать те реальные возможности, которые предоставляет ритмичность песенного текста для облегчения его запоминания. Русский народ говорит: «Из песни слова не выкинешь». Подобные пословицы имеются и у других народов. Не случайно сказители не любят былин в прозаической форме, придавая большое значение их складу. Ритм есть организация речевого материала, представляющая собой закономерное повторение целого комплекса однородных словесных явлений. В этот комплекс в зависимости от принятой системы стихосложения могут входить самые различные словесные элементы; регулируется количество (или также и размещение) ударений в стихе, количество слогов в строках и ее частях (в песне — «коленах»), специально обрабатываются окончания строк, повторяется

¹ Таков, например, образ Аблай-хана; см. работу Н. С. Смирновой. «Еще о проблеме исторического и эпического в казахском эпосе XVIII века», «Вестник АН КазССР», 1949, № 1, стр. 60—67.

конструкция строфы (куплета) и проч. Все эти элементы, систематически повторяющиеся, разумеется, способствуют работе памяти, а ведь устное народное творчество есть не только искусство импровизации, но и искусство, основанное на деятельности памяти, и устная традиция разработала множество приемов, являющихся опорой для памяти. Способствуют работе памяти, в частности, и ритмические компоненты, о которых речь шла выше (размеренность строки, равноударность, строфичность и проч.), также симметрия стиха¹, аллитерации и ассоансы в постоянных эпитетах и в целых строках, которые, кроме своего идеально-художественного значения, являются и цементирующим материалом, почему такие строчки, как, например, «Летіла стріла да і вдоль села», «Хвалився конём перед королём» и др., сохраняются лучше других. *Параллелизм и отрицательное сравнение*, обычно опирающиеся на какое-либо зрительное восприятие того или иного явления природы, также, между прочим, являются средством закрепления в памяти, почему и употребляются чаще всего в начале произведения, как опора памяти для последующего развития образа. Такой же опорой для памяти являются и обычная для лирических народных песен (особенно украинских) экспозиция, рисующая какой-либо образ природы. Для опоры памяти, особенно на ранней стадии развития художественного творчества, нужны не слова и не лирическое чувство, а прежде всего *предметное представление* — образ вещи, явления природы и т. п., от которого по привычной ассоциации певец может перейти к описанию переживаний. Работе памяти способствует и хорошо известный прием трихотомии, тройного повторения.

Разумеется, ритм — не единственное качество поэтической речи, способствующее его запоминанию. Особо велика в этом отношении роль *постоянных мест*, «loci communes», которые ведь не случайно получили в устной поэзии несравненно большее развитие, нежели в письменности. Постоянные места — не случайные окаменелости словесного материала, они концентрируют худо-

¹ См. об этом А. Л. Маслов. «Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад», «Труды музыкально-этнографической комиссии», II, М., 1911, стр 311.

жественный опыт масс, ибо сохраняются с любовью устной традицией, потому что являются удобными художественными деталями для создания образа и обладают какими-то элементами прекрасного, соответствующим законам и нормам языка искусства¹.

И дело не только в размеренности ритмизированной речи, но и в связи ритма с эмоциональной речью. Нельзя ничего возразить против того факта, что из колоссальной массы преданий, возникавших на Руси в течение тысячелетия, в устном бытованиях их дошло до нас значительно меньше, чем былин. В частности, исторических преданий периода Киевской Руси в XIX—XX вв. записано очень мало, хотя возникало их несравненно больше, нежели песенных произведений (так же, как, например, о событиях и героях Великой Отечественной войны рассказывалось неизмеримо больше, нежели попало в песни и стихи). Песенная форма играет немалую роль в закреплении текста, к ней обращались многие народы для сохранения памяти о великих событиях. Известны слова новогреческого певца, сказанные Фориэлю: «Я не умею читать и писать, поэтому, чтобы не забыть совсем этой истории, я сложил из нее песню».

Довольно большой материал, имеющий отношение к вопросу о создании песен для сохранения памяти о событиях, подобран В. Иконниковым: Гомер свидетельствует о том, что все существенное в событиях отражалось в песне; такую же задачу выполняли шотландские и ирландские барды, армянские гусаны, также тибетские певцы; Э. Тэйлор указывает в «Антропологии», что все варварские племена передают свои исторические знания в песнях, хранящихся много поколений; песни рассматриваются ими как неоспоримый источник, который привлекается для выяснения спорных вопросов их истории². Добавим некоторые новые факты. В исландских сагах (период их создания 930—1030 гг.) Снорре уже имеются ссылки на песни, которые должны подтверждать достоверность сообщенных сведений. Так, «Сага об Эгиле», сообщая о победе одного из героев

¹ См. В. Ванслов. Проблема прекрасного, М., 1957, стр. 236; его же, Форма и содержание в искусстве, М., 1956, стр. 182—183 и 303.

² В. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1, Киев, 1908, стр. 2—12.

в битве при р. Двине, присовокупляет: «как об этом рассказывается в песнях, сложенных в его честь»¹. «До сих пор норвежские крестьяне, — пишет Б. И. Ярхо, — помнят свою генеалогию на много поколений назад. Древние исландцы тщательно берегли память о предках, составляли длинные родословные таблицы, каждый род имел свою сагу; в бытовых сагах о главных действующих лицах почти всегда говорится, чьи они дети, чьи внуки»².

В. Иконников приводит еще следующие факты. Перуанские поэты пели во время народных праздников песни о знаменательных походах. На пирах у Аттилы также исполнялись песни о его войнах. Тацит свидетельствует, что у германцев древние песни заменили «историю и летопись». В связи с этим, по распоряжению Карла Великого, было предпринято собирание германских песен. Много данных имеется о норманских поэтах-певцах, обязанных воспевать героев походов, часто в их присутствии. Порой для лучшего запоминания в песенную, т. е. ритмическую, форму заключался и непоэтический текст, например, юридические законы. Так было, например, в Швеции и Венгрии, где законы усваивались в песенной форме и сохранялись в течение жизни ряда поколений³. В Галлии друиды должны были заучивать наизусть громадное количество стихов, в которых были изложены все науки того времени; обучение длилось около двадцати лет, после чего друиды передавали эти знания ученикам. Б. Д. Греков, указывая на свидетельство об этом Цезаря, подчеркивал особое значение ритмической формы для запоминания текста⁴.

Известное положение Миклошича и Вилльмарке о том, что народный эпос в общем современен изображаемым событиям или хотя бы живому их впечатлению на народ, подтверждается множеством новых материалов. Так, песни у адыге «сочинялись и пелись тотчас же после смерти героя», причем создавались они людьми, хорошо знавшими героев.

¹ Исландские саги. Редакция, вступительная статья и прим. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956, стр. 127.

² Сага о Волсунгах, Перевод, предисловие и прим. Б. И. Ярхо. М.—Л., 1934, стр. 48.

³ В. Иконников. Указ. раб., Дополнения, стр. 1.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Л., 1953, стр. 400.

Весьма примечательна история сложения песни «Кабартаеме ячештей» о «ночи ужаса». В XVII в. однажды ночью на Малую Кабарду напали враги, и хотя они были отражены, но в народе сохранилась память об этой ужасной ночи. По преданию, тогда были специально избраны в народе певцы для создания песни обо всем этом: «уединились в лес, чтобы сложить песню об этом крупном событии»¹. Новейшие исследователи казахского фольклора считают, что первоначальная эпическая песня здесь — импровизационная песня героико-величального жанра. При этом «импровизации и героические песни и сказы создаются участниками военной борьбы с джунгарами или непосредственно вслед за событиями, их породившими, или одновременно с ними». Казахский эпос помнит пути передвижения казахских родов в годы «великого бедствия» (1723) — нападения джунгаров. Со времени тех событий прошло уже 230 лет.

Можно ли удивляться, что все народы с особым уважением относятся к своим эпическим песням? Такое отношение имеет традицию, уходящую в эпоху первобытнообщинного строя. Мы находим эту традицию, например, у отсталых в прошлом народностей Китая: «Из поколения в поколение эпические песни, сказания, легенды, предания, исторические обычаи передавались молодежи народа сани устно — старейшинами родов, теми же буро или сказителями». Молодежь этого народа специально изучает эпические песни. У м я о двенадцатилетние мальчики, считающиеся уже взрослыми, вместе со своими сверстницами начинают обучаться песням своей народности².

Нет ни малейших оснований сомневаться в том, что такую же роль играл эпос и в Киевской Руси, что здесь он имел те же задачи и, значит, часто являлся специально создаваемым историческим источником. Кирилл Туровский понимал задачи «песнотворцев» примерно так же, как и задачи историков: «Якоже историци и ветиа, рекше летописци и песнотворци, приклоняють свое

¹ Адыгэ Орэдхэр. Адыгейские (черкесские) народные песни и мелодии, Сост. и редактор А. Ф. Гребнев, М.—Л., 1941, стр. 156, см. также стр. 148 и др.

² Эпические сказания народов Южного Китая, Перевод, статья и комментарий Б. Б. Вахтина и Р. Ф. Итса, М.—Л., 1956, стр. 179 и 191.

слухы в бывшая между царей рати и ополчения, да украсить словесы слышаща и възвеличять крепко (храбровавшая и) мужествовавшая по своем цари, и не давших в брани плеши врагомъ, и тех славяще похвалами венчает; колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбрымъ и великимъ воеводам божиимъ»¹.

Таким «песнотворцем» являлся на Руси, например, Боян. Его песни, воспевавшие ряд событий XI в., были известны значительно позднее; ведь автор «Слова» цитирует их более чем через сто лет после их создания. Летописцам известен также «словутный» певец Митуса, «не восхотевший» служить галицкому князю Данилу. «Песнотворцы» представляли собой, как это ясно из приведенного выше отрывка из «Слова» Кирилла Туровского, особый разряд деятелей древнерусской культуры; их произведения были посвящены конкретным историческим событиям: Боян воспел, например, Мстислава Тмутараканского, зарезавшего Редедю на глазах касожских войск. И естественно, что летописцы относились к образам подобных песен с доверием. В науке уже неоднократно указывались те места летописей, где, по мнению исследователей, были использованы «материалы песен и былин, выявлялись и следы песенного склада в соответствующих местах летописи. «Не только правдоподобно, но и вполне закономерно, — пишет Б. Д. Греков, — такое прямое воздействие устного стиха на письменную прозу. Наши первые историки — летописцы считали народное творчество вполне доброкачественным материалом, которым можно пользоваться для задач правдивого изображения прошлого, и придавали этому материалу силу доказательства»².

Совершенно ясно, что народные песни, сообщавшие о событиях, не были простой фиксацией происшествий. Они выражали определенное умонастроение — певцов — выразителей идеологии народных масс — и были поэтому могучим идейно-воспитательным средством, популяризовавшим передовые народные идеи и, в частности, идеи единства Русской земли и борьбы с социальным угнетением.

¹ Слово на собор святых отец. Сб. «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», под ред. А. И. Пономарева, вып. I, СПб., 1894, стр. 167.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь, Л., 1953, стр. 402—403.

Вообще ни в коем случае нельзя противопоставлять создание произведений в целях сохранения памяти о действительных событиях задачам общественно-воспитательным. Исторические события для того и изображаются в фольклоре, чтобы память о них и их образы, воздействуя на сознание читателей и слушателей, воспитывали их в патриотическом духе, требовали следовать приведенным примерам.

Из утверждения, что песни возникали с целью фиксации исторических событий, вовсе не следует, что они создавались господствующим классом в своих целях. Из двух направлений в устном творчестве основным и доминирующим было творчество широких народных масс, а не социальной верхушки. Сохранившиеся до нашего времени былины уже во время возникновения должны были иметь в своей основе демократическую, прогрессивную идейность, иначе они не могли бы существовать столь долго в устной традиции.

Политические песни возникали чаще всего в народе, они вызывались необходимостью сообщить о тех или иных событиях, и, таким образом, песня совмещала задачи подъема духа народных борцов и информации. Примеры выполнения таких задач народной песней (правда, уже XIX в.) дают чешские народные песни. Как рассказывает М. Буреш¹, наиболее острые народные политические песни связаны с кровавыми событиями на ткацкой фабрике барона Либига в Сварове у Железного борда, когда было расстреляно много рабочих, боровшихся против произвола администрации и дикой эксплуатации. В отличие от газет, искажавших факты в угоду барону, песни правильно освещали события. Часть «сваровских» песен анонимна, авторы других известны. Песни исполнялись на рабочих сходках, некоторые были потом напечатаны.

Я ни в коем случае не переношу этих данных, относящихся к новому времени, в раннефеодальную эпоху, но, я думаю, трудно возражать против того факта, что и в древности создавались песни для оповещения народа о важном происшествии, т. е. специально для информации.

---

¹ M. Bureš. Lidová poesie bojující, Praha, 1951.

Песни, служащие сохранению в народе памяти о том или ином событии, продолжают создаваться и ныне, особенно в тех случаях, когда исключена возможность использования прессы.

Разумеется, имелись и другие причины, стимулировавшие возникновение песен с историческими мотивами, — одной из них было стремление певцов рассказать о своих переживаниях, связанных не только с конкретным событием, но, еще чаще, с существующей политico-экономической ситуацией. Так возникли многочисленные песни о крепостном праве и о его ликвидации. Кстати, песни, направленные против феодального закабаления, могли возникать даже еще в раннефеодальный период; были тогда, вероятно, и песни, обличавшие усопиц князей. В них могли упоминаться конкретные исторические события и личности. В поздних песнях крепостных, например, уходивших от барщины за Дунай, порой упоминается имя царицы Екатерины, весьма способствовавшей усилению крепостного права на Украине.

Рассматривать все причины возникновения исторических песен (и былин) здесь нет возможности. Подчеркнем лишь, что одной из самых важных причин являлась необходимость как для народа, так и для складывающегося раннефеодального государства фиксирования своей истории в закрепленных традицией песнях, что влекло за собой особо бережное отношение певцов к упоминаемым в произведениях событиям и именам. Такое отношение и закрепилось в традиции, хотя, конечно, некоторые изменения были неминуемы.

Характерно, что народ очень резко отличает былины от песен, относясь к первым несравненно более серьезно. Так, например, во многих местностях в великий пост песни петь нельзя, а старины — можно¹.

Очень серьезно и с большим доверием относилась к былинным текстам основная масса сказителей, с которыми познакомились собиратели XIX в. Большая часть певцов стремилась возможно точнее воспроизвести содержание произведения и убедить слушателей в их достоверности. Известно высказывание А. Гильфердинга: «...Множество признаков убедили меня, что северорусский крестьянин, поющий былины, и огромное большин-

¹ См., например, А. Григорьев, т. II, стр. 26.

ство тех, которые его слушают, — безусловно верят в истину чудес, которые в былине изображаются». Гильфердинг дальше сообщает, что слушатели верили во все то, о чем поется в былине, «как если бы дело шло о событии вчерашнего дня; правда, необыкновенном и удивительном, но тем не менее вполне достоверном»¹.

Все собиратели свидетельствуют, что большая часть сказителей старалась передать текст так, как исполнял тот сказитель, от которого былина была усвоена.

Доказательством стремления сказителей к точности передачи текста может быть и такое свидетельство Гильфердинга: «Когда я замечал им, что они пропустили что-нибудь или спели нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это место, но никому в голову не приходило сгладить пропуск или нескладицу собственным измышлением. Обыкновенно же, хотя бы указана была в былине явная нелепица, сказитель отвечал: «так поется», а про что раз сказано, что «так поется», то свято; тут, значит, рассуждать нечего... Не раз сказитель, пропев про князя Владимира какой-нибудь стих, весьма к нему непочтительный, просил за это не взыскать, потому-де мы сами знаем, что нехорошо так говорить про святого, да что делать? Так певали отцы, и мы так от них научились»².

Для рябининской традиции характерно классически строгое отношение к содержанию былины; особенно это касается Ивана Трофимовича Рябинина и Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Иван Трофимович возмущался, когда педагоги женского учебного заведения попросили его пропустить некоторые строки, которые они сочли неприличными; он сказал: «На то она и старинка, что как старики певали, так и нам петь надо!.. Сам знаешь, не нами сложилась, не нами и кончится»³. Настаивала на верности былин историческим фактам и такая выдающаяся сказительница, как Н. С. Богданова (Зиновьева)⁴. Убежден был «в справедливости всего, о чем говорится в былинах», и алтайский сказитель Лे-

¹ А. Ф. Гильфердинг, т. I, стр. 36.

² Там же, стр. 53—54.

³ «Этн. обозрение», кн. 23, 1894, стр. 119.

⁴ Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, М.—Л., 1956, стр. 289.

онтий Тупицын¹. Онежский сказитель А. Б. Суриков, как сообщали собиратели, «глубоко верит в правду, реальность излагаемых... сюжетов, любит размышлять о содержании былин и песен, пытаясь примирить встречающиеся противоречия»². Содержанию былин верил и один из виднейших сказителей на Кулое Е. Д. Садков³. Именно на основании многих подобных материалов В. Ф. Миллер категорически заявлял о полном доверии певцов к былинам, причем не только к их историческим данным, но и к элементам фантастики⁴.

Нужно сказать, что среди некоторой части сказителей заметно и иное отношение к текстам. Общеизвестно, что весьма свободно изменял былевые сюжеты Щеголенок, что А. Сорокин предлагал Гильфердингу спеть былину «так или иначе». Довольно свободно относилась к былевым текстам и создавала иной раз совершенно новые редакции А. М. Крюкова. Одну из таких ее редакций недавно подробно рассмотрела А. М. Астахова, дав общую оценку поэтической деятельности сказительницы и указав, что по своей творческой манере она до некоторой степени приближается к своей дочери — М. С. Крюковой, являющейся типичным сказителем-импровизатором⁵. Нельзя, однако, обойти совершенно определенное замечание А. Крюковой, говорившей, что «проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин»⁶. Само по себе это замечание явно связывает творчество А. М. Крюковой с классической традицией. Весьма ценно сообщение Р. Липец о взглядах самой М. С. Крюковой: «Исторически достоверными она считает только былины золотицкие, лишь отчасти мезенские, все же сборники из других районов она не может читать без

¹ См. письмо С. И. Гуляева к Л. Майкову. Былины и песни Южной Сибири, Новосибирск, 1952, стр. 302.

² Соколов-Чичеров, стр. 536.

³ А. Григорьев, т. II, стр. 146.

⁴ В. Миллер. Былинное предание в Олонецкой губернии, «Русская мысль», 1894, кн. III, стр. 6.

⁵ Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 251—253, 293—296.

⁶ А. Л. Маслов. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад, т. II, М., 1911, стр. 307.

сильного раздражения — «всё врака!», все, по ее мнению, искажено и перепутано»¹

Остается лишь выяснить стимулы, заставлявшие мать и дочь Крюковых (как и Сорокина и некоторых других сказителей) отходить от этой традиции. Известную роль здесь, как видно, сыграло стремление певца особо выделить себя перед собирателем, занять какое-то особое место, проявить исключительное личное мастерство. Ясно одно — такое отношение к былинным текстам явно более позднее, вторичное; его усиление, вероятно, в какой-то мере связано с собирательской работой.

Певцы ясно выражают свое серьезное отношение к изображаемым событиям между прочим тем, что, называя определенные географические пункты, считают их отнюдь не условными наименованиями, не «тридевятым царством», а стараются их разъяснить, последовательно присовокупляя при упоминании Волхова («Волх-река»), Дуная, Сороги, Непры (Днепра), Пучая (Почайны) слово «река». При упоминании Ильменя указывается, что это озеро (ср. также «Чудо-озеро»). Называя Киев, Чернигов, Муромль, Кряков (Краков), певец не забывает добавить слово «град», а Караварово, Березов — «село» и т. п. Это ясная черта историчности былин. Также поступают и исполнители дум. В думах существует не просто Азов, а «город Озов», не просто Хортица, а «речка Хортица». Ср. также «город Трапезон», «город Килия», «город Полонный», «город Корсун», «город Тягиня», «Черкень-долина», «річка Вітка» и т. п.

Стремление точно передать текст характерно для сказителей любого героического, особенно исторического эпоса. Н. Семенов свидетельствовал о ногайских сказителях, что они «исторические факты воспроизводят с точностью летописца»². Так обстоит дело и с исполнением рун «Калевалы», несмотря на то, что они имеют менее выраженный исторический характер. «Певцы рун, подобно русским сказителям, — пишет современный исследователь, — чаще всего с замечательной бережли-

¹ Былины М. С. Крюковой, записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец, вводная статья, Р. Липец, Летописи, Гос. литературный музей, М., 1939, стр. 25.

² Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа, СПб, 1895, стр. 483.

востью передавали заученные песни своим потомкам, стараясь не исказить не только фабулу, но и каждую строку. Поэтому даже при устной передаче от одного рунопевца к другому, через десятки поколений много рун дошло до нас в поразительной сохранности. Они ярко характеризуют ту эпоху, когда были созданы¹. Исполнитель бурятского эпоса считает, что он не имеет права «ничего от себя ни прибавлять, ни убавлять, ибо за такое свое волеие он, по всеобщему убеждению, расплачивался своей душою»².

Певцы эпических произведений очень часто стараются каким-либо образом подчеркнуть правдивость их повествования. Достоверность текста они как бы хотят подтвердить обычной концовкой «то старина, то и деянье»³. А. В. Марков замечает, что старины посвящались конкретным лицам, так как недаром в заключительных словах поется, что такому-то «славу поют, старину скажут»⁴. В украинских думах обычна концовка, в которой упоминается, что герой умер, но слава его не умрет, например:

Правда, панове, полягла Кишки Самийла голова
В Києві — Каневі монастири...
Слава не вмре, не поляже!⁵

В эпосе историзм очень часто подчеркнут стремлением певца указать точное время и место события. В старейшей записи думы о Самийле Кишке (первые годы XIX в.) так сообщается о времени возвращения его из плена и о его смерти:

Приехал Кишко Самыйло, гетман запорожский,
в осени о Покрове,
Та умер в Филиповку об Николае⁶.

¹ С. С. Гадзяцкий. Карелия в IX — первой четверти XIII в., Очерки истории СССР, ч. I, М., 1953, стр. 703—704.

² Аламжи-Мерген. Вводная статья Г. Д. Санжеева, М.—Л., 1936.

³ На это было обращено внимание еще 130 лет тому назад (см. Е. Макаров. Листки из пробных листков для составления истории русских сказок, «Телескоп», М., 1833, ч. 17, стр. 123—131, 385—399; ч. 18, стр. 111—132, 343—358. См. ч. 18, стр. 123).

⁴ А. Марков. Свидетельства о термине «старина» (былина), «Этн. обозрение», 1912, кн. 92—93, стр. 219—221.

⁵ Українські народні думи та історичні пісні, Київ, 1955, стр. 48.

⁶ П. Житецкий. Мысли о народных малорусских думах, Киев, 1894, стр. 233.

Достоверность содержания произведения иной раз певцы подчеркивают с первых же слов. Вот начало словацкой песни о сожжении Миявы немцами (1621): «*Roslyste, krestine, noviny pravdive*»¹.

Украинские исторические песни и баллады о местных событиях, о чрезвычайных происшествиях также часто начинаются с обращения к слушателям с просьбой обратить особое внимание на описываемое событие, причем само собой разумеется, что рассказ будет правдивым.

Достоверность рассказанного факта в балладах порой подчеркивается указанием на то, какое отношение имел их автор к герою происшествия; это указание как бы играет роль авторской подписи, заверяющей текст. Песня об убийстве Степана Нестерюка заканчивается так:

А вже тобі, Нестерюку, співанка зложена.
Ой у саду, у садочку зазуля ковала,
Тоту собі співаночку сестричка складала,
Вона собі іскладала, все єї співала,
Щоби брата, Степаночка, та не забувала²,

В словацкой песне о Мурамском замке сообщается имя автора, указывается, что он был свидетелем событий, и приводится их дата³.

Исполнители героического эпоса настолько уверены в том, что поют «песню правды», что порой даже отказываются исполнять те песни, правдивость которых им представляется сомнительной. Знаток сербо-хорватского эпоса М. Мурко приводит типичный факт: один певец из Боснии не хотел петь песню о смерти Францишека Фердинанда, поскольку ее исполняют в трех вариантах и он не знал, который из них верный⁴.

Характерно, что отношение сказителей к сказкам совершенно иное, и народ говорит «Сказка — складка, а песня — быль» или даже «Сказка — врач, а песня —

¹ Historické piesne. Texty a komentáre pripravil R. Brťan, uvod napísal A. Melicherčík, Bratislava, 1953, 105.

² Я. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, т. 1, стр. 56.

³ Historické piesne..., стр. 61.

⁴ M. Mürko. Predislovia k t. XI «Prace Slovanského Ústavu v Praze», Praha, 1933, str. XIV.

быль». «Детское это» — пренебрежительно отзывался о сказках исполнитель былин Егор Суриков¹. Николай Торопов сказок «вовсе не знал и относился к ним пренебрежительно, называя их «враницами»². Такого же мнения был Ф. Грибанов: «О сказках отзывался пренебрежительно: «О, эти пустяковины знал, когда молод был, о Еруслане Лазаревиче да о Бове; а вот о старинах и теперь размышляю, что это правда была»³.

Очень хорошо это различие в отношении сказителей к сказке и к былине ощутил еще В. Г. Белинский: «Есть большая разница между поэмою или рапсодом и между сказкою. В поэме поэт как бы уважает свой предмет, ставит его выше себя и хочет в других возбудить к нему благоговение... Отсюда происходит большая разница в тоне того и другого рода произведения: в первом — важность, увлечение, иногда возвышающееся до пафоса, отсутствие иронии, а тем более — пошлых шуток; в основании второго всегда заметна задняя мысль, заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и внутренне смеется над собственным рассказом»⁴.

Наши наблюдения над бытованием сказок также подтверждают это положение. Современная аудитория слушает первоклассного сказочника с вниманием, следя за замысловатыми фантастическими образами волшебной сказки, остроумными сюжетными ходами или удачными репликами героев бытовой сказки, но никто из слушателей, за исключением детей, не верит в правдивость ее происшествий.

Стремление сказителя передать текст произведения в сохранном виде может объясняться двумя основными причинами: ритуальным значением произведения (например, заговоров и заклинаний) или желанием сохранить память о важном событии или о героической личности. Первая причина для былинного эпоса (или во всяком случае для большей части дошедших до нас сюжетов) отпадает, зато вторая играла в его развитии исключительно важную роль. Мы видим, что для основной массы

¹ А. М. Астахова, т. II, стр. 10.

² Там же, т. I, стр. 479.

³ Там же, т. II, стр. 467.

⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V. М., 1954, стр. 354.

сказителей правдивость не была условной; образы былин считались достоверными, иначе для чего бы певцам стремиться возможно точнее воссоздать содержание. «Сохранение исторически ценного в историческом эпосе, — как пишет Д. С. Лихачев, — есть результат сознательного, исторического отношения народа к содержанию эпоса»¹

В историческом эпосе необходимость сохранения в тексте достоверных данных сказывается несравненно сильней, нежели в других жанрах. Естественное для талантливых певцов стремление улучшить образ при его воссоздании, теснее связать с переживаемым моментом, актуализировать, заострить его социальную направленность, модернизировать социальные конфликты и т. п. в историческом эпосе тоже имеет место, но в значительной мере сдерживается необходимостью сохранить достоверность содержания. В древности этого требовал также контроль слушателей, которым могли быть хорошо известны описываемые события или хотя бы соответствующие предания.

Из сказанного следует, что развитие героического эпоса в период разложения общинного строя и особенно в раннефеодальный период вызывалось общественными задачами, связанными с возникновением классов и складыванием государственности. Данный жанр был не только орудием идеиного воспитания народа, но и в то же время был средством информации и более или менее надежным историческим источником, своего рода государственным документом, подтверждавшим сведения о тех или иных победах над противником, те или иные факты дипломатического и торгового характера и проч. В этом отношении эпос (как и исторические предания) служил тем же задачам, которые выполняло и летописание. Отношение певцов русских былин к тексту, их стремление к точности его передачи, убежденность в достоверности содержания и желание ее подчеркнуть и доказать, противопоставление былин сказкам свидетельствуют о былевом эпосе как об эпосе *по преимуществу историческом*.

¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 51.

Исторический эпос должен был интенсивно развиваться именно в условиях первых значительных социальных катаклизмов. Это означает, что *расцвет* былевого эпоса нужно относить уже к раннефеодальному периоду, а *возникновение* эпоса исторической тематики — к поздней стадии первобытнообщинного строя.

Глава шестая

О СТИЛЯХ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА РАЗЛИЧНЫХ ЭПОХ

зучение генезиса былин так же, как и анализ их содержания, необходимо разрешать в тесной связи с вопросами поэтики.

Дореволюционная фольклористика, основываясь на отрицательных традициях исторической школы, ее компартистском методе, очень мало занималась анализом художественной специфики произведений фольклора, отрывала произведение от конкретной исторической почвы, на которой оно выросло и поэтому игнорировала национальную форму его. Между тем изучение фольклорной поэтики должно во многом помочь и выявлению содержания произведений. Вопросы фольклорного стиля почти не ставились в нашей науке, между тем они должны многое осветить. Стиль (и, разумеется, творческий метод) в истории фольклора не мог не изменяться. Речь идет не о стиле эпохи, едином для творчества всех классов, — таких стилей не было, — речь идет о методе и стиле определенных классов в определенную эпоху.

Различие между былинами X—XIV вв. и историческими песнями XVI в. получает свое внешнее выражение прежде всего в различии стилевом, определяемом различием творческого метода крестьянства и посадской массы в различные эпохи. Имеется различие также между стилем исторических песен XVI—XVII вв. и стилем рекрутско-солдатских и других исторических песен XVIII—середины XIX в.

В украинском фольклоре нет такого резкого стилевого различия между думами и историческими песнями (XVI—XVII вв.), ибо это жанры одной и той же социальной среды и одной и той же поры, но существенные изменения в стиле замечаются и в этих исторических жанрах, начиная с середины XVII в. В XVIII и в первой половине XIX в. в украинской исторической песне происходит такой же процесс, как и в русском фольклоре: возникает новый стиль.

Что касается произведений, относящихся к эпохе существования единой древнерусской народности и в той или иной мере сохранившихся в украинском фольклоре, то им во многом присущи те же стилевые особенности, что и былинам. Таким образом, можно говорить о едином в основных чертах (главным образом крестьянском по происхождению) стиле периода раннефеодального общества на Руси. Как назвать этот стиль — другое дело; его можно было бы условно назвать, например, «раннеклассическим народно-поэтическим стилем», можно назвать и иначе. Дело не в названии, а в том, что в этом стиле имеется ряд существенных особенностей, отличающих его от стиля последующих веков.

Рассматривая русские былины, украинские и белорусские колядки, частично русские «виноградья», другие обрядовые циклы всех трех восточнославянских народов и отдельные древнейшие исторические предания и баллады, мы можем определить некоторые общие особенности стиля раннефеодального периода. Что касается «Слова о полку Игореве», то оно, как и другие произведения письменности того времени, относится к данному стилю в той мере, в какой оно связано с народно-поэтической традицией. Произведения письменной литературы могут давать, таким образом, некоторый материал для контроля верности выводов о поэтике народного творчества данной эпохи.

Художественные образы эпоса раннефеодального периода создавались народом главным образом именно с целью правдивого отражения конкретных событий своего времени, но в сравнении с народно-поэтическим стилем последующего периода они отличаются относительно меньшей степенью индивидуализации и в то же время ограниченностью обобщений. Например, эпитеты, которые всегда хорошо характеризуют стиль, отличаются контрастностью и пестротою красок, отсутствием в них полутона, не чувствуется стремления певца дать цвету более точное определение, выделить более индивидуальную черту. Основная масса эпитетов относится к области зрительных и осязательных ощущений, например: золотое стремя, золотое седло, златой стол, золотые стрелки, златоверхий терем, острый меч, шелковая трава, синее море, светлое солнце, зеленая дубрава, черная туча, чистое поле, поле широкое, добрый конь, буйный тур, лютый змей, лютый зверь, темный лес, быстрая речка, пиво пьяное, зелено вино, ясный сокол, также дружина хоробрая, поганый (враг), дорогие (материя, сукна, шаты, тканка) и др. Многие из этих эпитетов встречаются и в «Слове». Ср. также желтая медь, белые наметы (шатры), золотой лук, золотой пояс, тихий Дунай, золотой мост, золотые ворота, ясный меч (и сабля), ясная стрелка, шелковый хвост (у коня), шелковый повод, золотой човник, серебряное весельце, черный соболь, славный город, золотые яблоки, золотые подпруги, звездные глаза (у коня), жемчужные глаза (тоже у коня) и др. в колядках и некоторых других произведениях эпохи.

Разумеется, часть подобных эпитетов встречается и в произведениях других жанров, но такой насыщенности ими, какая наблюдается в былинах и колядках, нет нигде. Выбор ярких красок и в то же время ограниченность количества цветов являются определяющей чертой этого стиля. С течением времени авторы переходят от ярких и основных тонов к более точным, к отражению полутеней. Если эпитеты старого стиля имеют, как правило, конкретно-чувственный характер, то впоследствии появляются и эпитеты, свидетельствующие о значительно большем развитии обобщения с помощью рациональной обработки восприятий.

Те же особенности ранних форм мышления, требовавшие раскрытия свойств предметов путем прямого

указания на другие предметы, были, вероятно, причиной особенно широкого применения эпитетов существительного типа (напр., «царь-девица»), а также необычных для нашего времени — распространенных эпитетов и распространенных имен. Встречаем их, например, в сказках: Сивка — Золотая щетинка, Баба-Яга Костяная Нога, ср. Мать-сыра земля. Летописи знают имена Все-волода Большое гнездо, Добрыни Золатого Пояса, воеводы Волчий хвост. Известны подобные формы и были-нам: Владимир Красное солнышко, Авдотья Лебедь белая, богатырь — дворянин Белая палица¹, дворянин-бесчастный молодец, Котельная Пригарина (дружинник Василия Буслаева)². Ср. в исландских сагах: Эрик-Кровавая секира, Халльбъяри-Дырка в точильном камне³.

Для раннего народно-поэтического стиля характерно большое разнообразие форм отрицательного сравнения; широкое распространение имел не только такой простой тип, как

Что не белые лебедушки восклинули,
Так восклинут молоды жены солдатские⁴,

а и более сложный, начинаящийся, например, с иного образа, но затем уточняющийся:

Поза лісом, лісом темненьким
Виступає чорна хмара,
Ой, то не хмара, то з віська пара⁵.

Ср. типичный оборот сербской народной песни:

Обвила се бела лоза винова
Око града, око бела Будима:
То не била бела лоза винова,
Већ то било двоје мили и драги...⁶

Или в «Слове о Куликовской битве» Софония Рязанца: «Уже бо, брате, стук стучит, гром громит в камене граде

¹ Сказание о семи русских богатырях. Н. Тихонравов и В. Миллер, 1, стр. 47.

² Киреевский, в. 5, стр. 9.

³ Исландские саги, ред. вступит. статья и прим. М. И. Стеблина-Каменского, М., 1956, стр. 127, 327.

⁴ Д. Чулков. Сочинения, т. 1, Собр. разных песен, СПб, 1913, стр. 599.

⁵ Отдел рукописей Публ. библиотеки УССР (Киев), инв. № 4917.

⁶ Вук Караджич. Српске народне пјесме, кн. I, 1841, стр. 402.

Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гремит, стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русскыя золочеными доспехы»...

«...Тогда гуси возготаша на речки на Мечи, лебеди крилы въсплескаша. То ти ни гуси возготаша, ни лебеди крилы въсплескаша, но поганый Мамай на Рускую землю пришел, а вои своя привел»¹.

Еще более сложное сравнение, усиленное начальным риторическим вопросом:

«Што Морава мутно тече,
Мутна, мутна дор кривава.
Да л' пешаци брод броју?
Да л' коњици конье поју?
Нит' пешаци брод бродују,
Нит' коњици коње поји;
Бањале (купались — М. П.) се две девојке,
Бањале се, удавиле се».²

Характерно и более сложное сравнение, где привлекаемое для сопоставления явление усиливается введением в троп лица, которое воспринимает это явление:

Штос' оно чује на оној страни?
Ил' звона звоне, ил' петли поју?
Нит' звона звоне, нит' петли поју,
Већ сестра брату свом поручује...³

Сравните подобный прием в украинских колядках:

Шо ж то ми за гук у неділю рано?
Дванадцять дзвонів ураз задзвонили,
Враз задзвонили, заголосили,
Кгрешну панну да й розбудили⁴.

Легко убедиться, что этот изобразительный прием близок к употребленному в «Слове»: «Что ми шумить, что ми звенить, далече рано пред зорями?

Игорь плъкы заворочает»⁵.

¹ Воинские повести древней Руси, М.—Л., 1949, стр. 35 и 36.

² Н. Ястребов. Обычаи и песни турецких сербов, СПб, 1889, стр. 226.

³ Вук Караджич. Српске народне пјесме, кн. I, 1841, стр. 215.

⁴ Н. Коробка. Песни Каменецкого уезда... «Живая старина», в. 1, 1895, стр. 75.

⁵ Слово о полку Игореве. Под ред. чл.-корр. АН СССР. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 16.

В этом стиле заметно любование не столько синонимическими оборотами (типа путь-дорога, хитер-мудер), сколько сближениями, связанными с повторами, например: суды судити, ряды рядити, мосты мостити, стружие стружит, гати гатити, чудо-чудное, диво-дивное, трубы трубят, пыль пылит, чищу чистити, думу думати, встречающимися в былинах, летописях и особенно часто в колядках.

Относительно меньшая индивидуализация образов выражается и в широком использовании приема троекратного повторения и, порой, в детальных, но мало индивидуализированных описаниях, например, при изображении седлания коня, поездки богатыря, боя с целым вражеским войском и др.

Вот несколько характерных постоянных стилевых приемов (сравнений и метафор): обстрел стрелами сравнивается с мелким дождем; богатырский конь — с лютым зверем; конь при беге реки и озера хвостом устилает; от большого войска земле тяжко, она сотрясается; во время боя оружие блестит, как солнце или как молния; стук оружия сравнивается с громом; гром слышится и от стука конских копыт, от звука военных труб, от богатырского голоса. Перебить врагов — положить (склонить) их под меч. Образ войны метафоризуется в виде пахоты копьями, волочения телом, сеяния стрелами (или костями). Защитить страну — перегородить ее оружием. Сообщение о нападении — удар копьем в ворота; наступающая война и призыв к готовности — образ летящей стрелы¹. Приведем еще некоторые постоянные места: встретив на пути реку, герой всегда скачет через нее; при столкновении во время поединка оба героя падают с коней; важные сведения герой получает у птицы, в которую собирается стрелять. Постоянные места есть и при описании богатого двора, изображении охоты и т. п.

Ввиду отсутствия строфики в старинных восточнославянских песнях возникает тенденция к созданию «цепных» форм, начиная с простейшего приема «конкatenации» — повторения второго полустишия предыдущей строки в качестве первого полустишия последующей строки, например:

¹ В бытовых песнях; см. М. Плісецький, Народна лірика, К., 1941, стр. 222; П. Чубинский, Труды, V, № 408.

А в чистім полі там плужок ори,
Там плужок ори чотири воли...¹
Улечу же нуньчу я в чисто поле,
Во чисто поле да черним вороном²

Характерны уточнения такого типа:

Привязали тут оны коней ко столбiku,
Ко этому ко столбiku оны точеному,
Ко этому колечку оны золоченому³.

Стиль, о котором идет речь, связан с двумя видами стиха: первый тип — равносложная симметричная строка, не рифмующаяся с соседними стихами, зато порой имеющая внутреннюю рифму, — например:

Летела стрела до и вдольжь села⁴;
Хвалиться лучком перед отроком⁵;
Мечі на плечі, а луки в руки⁶;
По стрілці — пірці, по красни дівці⁷;
А конь скочил, за реку перескочил⁸;
Спела тетивка у туга лука⁹.

Второй тип стиха — неравносложный, трех- или двухударный, без концевой рифмы, т. е. стих былинный, существование которого также можно предполагать уже в X—XI вв. Во всяком случае, если в русских былинах можно указать следы первого из указанных тут типов стиха¹⁰, то в украинских песнях, тяготеющих в общем к равносложности, можно указать и неравносложные формы; речь идет не только о стихе дум и причитаний («голосинь»), но о встречающихся в украинских лирических песнях (главным образом, в записях XVII—XVIII вв.)

¹ В. Гнатюк. Колядки і щедрівки, т. I, стр. 126.

² А. Гильфердинг, т. I, стр. 232.

³ Там же, стр. 329—330.

⁴ З. Радченко. Гомельские народные песни, СПб, 1888, стр. 39.

⁵ Запись П. Лукашевича, Отд. рукоп. АН УССР, инв. № 1392, LXXII в.

⁶ К. Tygowski. Dodatek do zbiorow piesni ludu polskiego i zuskiego, Львов, 1846, стр. 10.

⁷ В. Гнатюк. Колядки і щедрівки, т. II, Львов, 1914, стр. 21. Из записи М. Вовчка.

⁸ Э. Озаровская. Бабушкины старины, II, 1916, 40.

⁹ Кирша Данилов, стр. 92.

¹⁰ На следы этого «колядкового» симметричного размера 5 + 5 указал Ф. Колесса (см. «Записки наук. т-ва ім Шевченка», т. XXVI, кн. II, 1907, стр. 70, 111—112).

неравносложных формах¹. Этот чрезвычайно важный вопрос — о времени возникновения указанных старейших ритмических форм восточнославянской поэзии, к сожалению, еще не привлекает внимание исследователей, между тем материалов для его, хотя бы частичного, освещения имеется немало².

Стиль народного эпического искусства XI—XIII вв. обладал ярко выраженными реалистическими тенденциями в изображении событий, быта и т. п., но недостаточная индивидуализация образов говорит о его исторической ограниченности. Это отразилось уже на изобразительных средствах. В еще большей мере сказанное относится к раскрытию характеров. Характеры, естественно, не могли быть многогранными и психологически углубленными по той же причине, по какой они были не развиты и в античной литературе. Напомним замечание Энгельса в письме к Лассалю о недостаточности характеристик в древней литературе³. Творцы былевого эпоса в Киевской Руси старались изображать персонажей, особенно положительных, правдиво, в их действительном виде, и не их вина, если эти персонажи были относительно мало индивидуализированы и более абстрактны, нежели к этому привыкли нынешние читатели. Исторический эпос в своих истоках имел еще менее развитый, почти абстрактный образ, его герои были почти лишены индивидуальных особенностей. Правда, первобытный человек не обладал развитым обобщенным мышлением, он мыслил конкретно, имел в виду вполне конкретных людей, но выделить их индивидуальные черты при создании образа в достаточной мере еще не умел.

Если мы обратимся к наиболее древним, дошедшим до нас формам героического эпоса, то увидим там почти

¹ См. М. Возняк. Із збірника Кондрацького кінця XVII ст. «Записки наук. т-ва ім Шевченка», Львов, 1927, т. 146, стр. 165—172 и 173—176; М. Возняк. Два співаники половини і третьої четвертини XVIII ст., там же, 1922, т. 133, стр. 165—169.

² По мнению польского ученого Яна Лося развитие первобытной поэзии шло «от ритма более или менее однообразного в песнях танцевальных и т. п. ко все более разнообразному; и от ритма нерегулярного в поэзии эпической ко все более однообразному у различных славянских народов», Jan Los, «Wiersze polskie w ich dziejowym rozwoju», Warszawa — Poznań — Lublin — Łódź — Kraków, стр. 30.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, 1, М., 1957, стр. 29.

полное отсутствие у героев индивидуальных черт. Так, отрицательный герой здесь даже лишен имени, его имя — это просто наименование враждебного племени или рода, можно сказать, даже просто абстракция врага; он имеет, по сути, одну черту характера — жестокость, которая оценивается тут как отрицательная черта, хотя, встречаясь у положительного героя, она не получает осуждения. Никаких особых мотивировок для поступков отрицательного персонажа, кроме стремления к захвату, в раннем эпосе не указывается. Встречаются еще такие черты отрицательных героев, как обжорство, жадность, сластолюбие. В сущности даже в былевом эпосе отрицательный персонаж часто не на много больше индивидуализирован, иначе не были бы похожи как две капли воды и не заменяли бы с легкостью друг друга все эти Кудреванки, Скурлы, Ботияны Ботияновичи. Значительно больше индивидуализирован Тугарин Змеевич, некоторыми индивидуальными чертами обладает и Идолище, с которым приходится иметь дело Ивану Годиновичу; это Идолище по своему гуманно, благородно по отношению к спящему противнику и др. Еще менее индивидуализированы в эпосе вражеские войска, количество которых изображается обычно при помощи гипербол и только на поле боя, во время их истребления богатырем. Индивидуализация их образа настолько незначительна, что эпос сплошь и рядом не сохраняет даже их этнического наименования, подменяя названия конкретных народов каким-либо одним, особенно закрепившимся в традиции именем. Так, в русском эпосе, как это давно указано, татары подменили собою имена всех других противников Руси; подобным образом калмыки представляют собой такое же общее наименование противника в эпосе ряда народов Востока.

Положительный герой раннего эпоса индивидуализирован в большей мере, так как им является часто не кто иной как сам автор, рассказчик, повествующий о собственных подвигах или, точнее, подвигах своего рода, от которого автор себя еще не отличает.

Поэтому положительные герои различных родов отличаются друг от друга некоторыми индивидуальными качествами. Необходимо также учитывать и роль мифологических образов в искусстве той эпохи; оно не могло

быть независимым от мифологии, так как у художников того времени не могло быть «независимой от мифологии фантазии»¹.

Говоря о русских былинах, можно указать на множество мифологических элементов в былинах о Добрыне, Михайло Потыке, Вольге Святославиче, Святогоре и др.; есть они и в колядках. Однако этих элементов в героическом эпосе меньше, чем в мифах, свадебных песнях, за клинаниях, причитаниях, сказках. Это объясняется, вероятно, не столько спецификой эпоса, сколько тем, что перечисленные жанры генетически связаны с более древними периодами первобытнообщинного строя, когда мифология была значительно более развита. Восточнославянский эпос возник, очевидно, на более позднем этапе первобытнообщинного строя — переходном к раннефеодальному обществу.

Что же касается периода расцвета эпоса раннефеодальной эпохи, есть основания считать, что X—XIII столетия для искусства наиболее развитых областей Киевской Руси (а именно творчество этих областей должно было играть ведущую роль в восточнославянском эпосе, скорей и легче распространяться по всей стране) были уже началом изживания мифологии.

Нет никаких оснований полагать, что авторы эпоса раннефеодальной эпохи стремились создавать своих героев в виде мифологических персонажей. Но в ту эпоху привычные традиции широкого использования мифологических образов давали себя знать и стояли на пути конкретизации образов героического эпоса.

Стиль эпических произведений, создававшихся в Киевской Руси, разумеется, нужно отличать от стиля последующих периодов. Его отличия выявляются при простом сопоставлении со стилем произведений эпоса XVI—XVII вв. В исторических думах и песнях XVI и XVII столетий мы находим более многостороннюю и психологически углубленную характеристику героев. Примером может быть дума о Коновченко, в которой образ матери Ивана Коновченко претерпевает сложную психологическую эволюцию. В начале думы мать уговаривает своего юного сына не идти в войско, а заслужить уважение

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 12, стр. 737.

окружающих трудом землепашца; когда Иван Коновченко уходит в поход без разрешения, она яростно проклинает его; затем мать раскаивается, боится страшных последствий материнского проклятия, покупает дорогое войскового коня и, наняв казака (а не каким-нибудь «мифологическим способом»), щелт коня вдогонку сыну; затем она видит пророческий сон о судьбе сына и расспрашивает окружающих о значении этого сна; и вот, наконец, она встречает возвращающихся казаков. Получив от них ответ, что сын женился на какой-то высокопоставленной особе, она сперва ликует, рассказывает соседке о его счастье, но потом, узнав правду о гибели сына, вначале ожесточенно проклинает полковника, разрешившего ее малолетнему сыну идти в поход, потом ее охватывает чувство гордости геройством сына, она организует для казаков пир. Так сложно и многогранно изображен внутренний мир матери Коновченко, хотя не она, а ее сын является главным героем произведения.

Фольклор этой сравнительно поздней поры характеризуется и образом массы — например, крестьянской массы, поддерживающей Богдана Хмельницкого в думах середины XVII в., пушкарей в песнях об Иване Грозном и т. п., — которая отсутствует в произведениях более раннего периода. Герои этих произведений не ограничиваются так друг от друга, как в былинах, где в этом отношении они напоминают персонажи изобразительного искусства периода Киевской Руси.

Анализируя изобразительные средства фольклора XVI—XVII вв., легко заметить резкие отличия его стиля от поэтики Киевской Руси. Так, в эпитетике дум ощущается заметное стремление певцов дать более точное определение особенностей явления. Появляются новые эпитеты, в которых больше моральных оценок: сиві тумани, рани смертельні, рубані рани, глибокі рани, дробен мак, родина сердешна, бездольний козак, кревне і сердешне товариство, цвіленькі військові сухарі, бідний невільник, широглибока морська вода, вода дніпровка, близькі сусіди, прості люди, супротивна хвиля, жовта кістя, тоненьке покривало и др. Этих эпитетов нет, например, в колядках.

Расширилась область, отражаемая эпитетикой; она охватывает несравненно больше отвлеченных понятий

удельный вес зрительных восприятий несколько уменьшается, чаще встречаются метафорические эпитеты. Из эпитетов колядного эпоса встречаем в думах весьма мало: добрий кінь, ясний меч, шовкова тетива, шовкові поводи, ясен сокол, богатирська зброя (только в одной думе) и еще некоторые. Если в думах эпитет «козацький» (коњ, голова, душа, тіло, звичай, слава и т. п.) встречается на каждом шагу, то в колядках он чрезвычайно редок, а в былинах связан только с некоторыми конкретными образами (Ильи Муромца), которые заведомо могли быть переработаны в более позднее время; образов казацкой жизни и быта былины и колядки почти не рисуют. Во всех текстах дум встречается всего несколько эпитетов, имеющихся в «Слове», и это свидетельствует о значительном промежутке времени между созданием «Слова» и думного эпоса. Между тем такой резкой разницы между эпитетикой «Слова» — с одной стороны, былин и колядок — с другой, не существует; имеющиеся различия в стиле «Слова» и былин (также колядок) объясняются как устным бытованием этих последних в течение многих веков, так и разницей в социальных позициях автора «Слова» и авторов и носителей народного творчества.

В русских исторических песнях нередко встречаются былинные эпитеты, однако появляется и много новых эпитетов (други верные, товарищи разлюбезные, люди вольные, легкий резвенький стружочек (лодочка), пушечка долгомерная, пушечка медная, непроглядные туманы и т. п.), их тип аналогичен стилю дум и украинских исторических песен.

К подобным выводам приводит анализ и других изобразительных средств русских исторических песен и украинских дум. Здесь почти отсутствуют сочетания типа «суды судити», зато шире распространены синонимические пары типа «шляхи-дороги», отсутствуют сложные сравнения, подобные приведенным выше, и сохраняются лишь обычные отрицательные сравнения типа

Із города, із Азова не велике тумани вставали,
Три брата рідненьких із города із Азова утікали¹.

¹ А. Цертелев. Опыт собрания малороссийских песней, СПб, 1819, стр. 2.

Отсутствуют и почти все постоянные метафоры и сравнения, приводившиеся выше. В думах из старых метафор довольно часто встречаются лишь «під меч склонити» и «поле коп'єм ізорати».

Лексика дум и исторических песен также указывает на их принадлежность к более поздней эпохе, нежели былины и колядки старейшего слоя. Что бы ни говорили некоторые фольклористы о переработке былин в XVII—XVIII вв., а былинные герои продолжают стрелять стрелами из луков, в то время как персонажи дум и исторических песен (русских и украинских) стреляют из семипядных пищалей, пушечек-«гаківниц» и т. п.; незаметны в думах и исторических песнях такие предметы и понятия, как паволока, гривна, камка, жуковина, булат, витязь, храбр, дружина, княжич, миса, муж (воин), отрок (воин), ряд (договор), стружие (древко), старцы (градские), полк (поход, войско), тур, кур (петух), золота гривна, вран, комонь, шоломя окатисто (холм), гудки (скрипки); нет торчанина белорусской колядки¹, нет Половецкой земли и Вирянского моря былин.

Все сообщаемые наблюдения над различием стиля раннего и более позднего эпоса восточных славян, разумеется, только говорят об отдельных признаках, а не являются развернутым исследованием. Но приводимые нами данные помогают решить некоторые спорные вопросы истории эпоса. Уже сейчас можно утверждать, что поэтика русского и украинского эпоса (как и всего фольклора) в своем развитии прошла ряд стилевых этапов, различных по своим особенностям. Одним из них был единый для всего восточного славянства стиль раннефеодального народного эпоса, хотя и связанный с мифологией, но реалистический, что и естественно для народного примитивно-материалистического мировоззрения этой поры. Исследование конкретных эпических произведений может быть плодотворным только тогда, если оно будет производиться с учетом общих стилевых особенностей героического эпоса эпохи. Именно существование стилевого единства в народно-поэтическом жанре определенного периода затрудняло модернизацию отдельных произведений в последующие периоды, ибо для этого необходимо было преодолеть сопротивление, так

¹ Довнар-Запольский. Белорусское Полесье, в. 1, 44.

сказать, стилевого субстрата и всего колорита произведения. Не так-то просто выхватить один текст из широкобытующего общеизвестного жанра со стилем, относящимся к прошедшей эпохе, и переработать это произведение для отражения современных событий; анахронизмы сразу бросятся в глаза. Доказательство — неудача переделок былин в нашу эпоху. На пути произвольной (а также запоздалой) трансформации конкретных былин стояли, между прочим, единство и специфика их стиля.

Думаю, что именно это органически усвоенное сказителями единство стиля было одной из причин того, что эпосы различных эпох не слились. Не сливаются ведь былины с историческими песнями в русском фольклоре. Не слились бытовавшие когда-то на Украине былины с новым эпосом дум и исторических песен XVI—XX вв. Не сливается в казахском фольклоре старый ногайлинский эпос с позднейшим эпосом: бытуя одновременно с ним в XVIII в., он, однако, сохранил иной характер, иную систему образов. Установлено, что в эпос XVIII в. хоть и входили традиционные мотивы и ситуации, но не составляли в нем основы новых сюжетов. Также не сливаются и в сербском эпосе циклы различных эпох.

Народное творчество всегда было живым, но оно никогда не разрешало произвольной трансформации и модернизации произведений. Как уже сказано, певцы былин до нашего времени заставляют своих героев стрелять из луков, пить мед и зелено вино, спорить с боярами и князьями, ездить в Киев, Новгород, Чернигов, Галич, а не стрелять из ружей, приезжать в Астрахань и Самару, как это отлично делают герои исторических песен других эпох¹.

Здесь, вероятно, и следует искать ключ для выяснения причины развития нового эпического жанра — исторической песни — в XVI в. Старый эпический стиль, ввиду резких социальных изменений в обществе, больше не мог удовлетворять требованиям изображения современности. Между тем исключительно важные события,

¹ Упоминающиеся в былинах предметы — пищали, трубки подзорные и т. п., как и попадающие в современные тексты старых сказок самолеты, поезда, телефон, воспринимаются как анахронизмы и в устном бытования по большей части не закрепляются.

происходившие в стране, — создание единого национального русского государства с центром в Москве, новые формы классовой борьбы — настоятельно требовали широкого изображения. Потребовался новый стиль, основанный на более совершенном реалистическом творческом методе, обеспечивавшем более глубокую индивидуализацию образов. Этот новый стиль был выражением дальнейшего углубления стихийно-материалистического понимания действительности народными массами.

Итак, былины отличаются своим стилем от позднейшего эпоса, имеющего более развитую реалистическую основу. Но из этого не следует, что они «хуже» исторических песен. Подобная постановка вопроса вообще совершенно неправомерна, как неправомерно было бы утверждать, что Гомер хуже Вергилия, или Софокл хуже Расина. Былины во многих отношениях сохраняют значение «недосягаемого образца» именно потому, что они относятся к периоду «детства» восточнославянского общества, они неповторимы и полны неувядаемой прелести для всех поколений.

Поэтому, касаясь вопроса о стиле народного творчества, мы обязаны рассматривать его в историческом разрезе. Работы, посвященные изобразительным средствам фольклора «вообще», могут дать мало существенных результатов. Необходимо изучать изобразительные средства в историческом плане, выделяя произведения определенной эпохи. Понятно, дело исследования эпоса при этом значительно усложняется, но это неизбежно, ибо нельзя закрывать глаза на существование различных стилей народной поэзии в различные эпохи.

Глава седьмая

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ В БЫЛИНАХ

становимся на историческом значении географии былевого эпоса, т. е. упомянутых в нем географических наименований. Попытаемся выяснить, что свидетельствует география о времени расцвета былин.

В фольклористике порой недооценивается сила народной памяти, так отчетливо выражавшаяся в былинах. В самом же деле относительно прочно сохраняется не только содержание, но и сами тексты многих устных народных произведений. Это дает нам возможность с большим доверием отнести к тем географическим наименованиям, которые приводятся в современных записях эпических произведений. Значение географических наименований и имен в фольклорных текстах чрезвычайно велико. Это своего рода «меченные атомы», которые прослеживаются в произведении, существующем несколько веков и часто могут помочь раскрыть его изначальное содержание и последующую эволюцию.

Упомянутые в былинных текстах географические наименования А. Марков перечислил в одном из своих трудов. Приведен относительно большой материал, но все же он очень неполон, к тому же дан без анализа связанных с ним событий и без каких-либо выводов, кроме правильного общего положения об обширности географии русских былин и о том, что местом сложения былин, очевидно, были «не какие-нибудь два-три пункта России, а самые разнообразные местности»¹. Пересмотрим весь соответствующий, предоставляемый былинами материал заново, дополним его (в частности за счет новых записей и выявления переосмыслений и искажений) и систематизируем.

Об отражении в былинах особой роли Чернигова как одного из виднейших русских городов, говорилось в науке неоднократно. Через Чернигов едет Илья Муромец; здесь проживает «Черниговский владыка», т. е. епископ². Отметим, между прочим, что былины, как и летописи, называют «епископом» и «владыкой» одно и то же лицо³. Чернигов как епископская резиденция действительно известен с 988 г.⁴. Из Чернигова приезжает боярин Ставр, имеющий здесь свое большое феодальное поместье (по другим вариантам — он гость, т. е. купец). Сюда из Киева скачет Иван Гостинный сын, чтобы доказать преимущество своего коня по сравнению с конями князя Владимира. Интересна относительная точность упоминаемой в былине дистанции — «три девенаста мерных верст»⁵, т. е. двести семьдесят верст. Речь идет о поездке в Чернигов и возвращении назад в Киев («ищэ съездить-бы ноны да кабы взад вперед»)⁶. 135 верст — расстояние совершенно точное по существующей и сейчас старинной дороге между Киевом и Черниговом. Память о небольшом расстоянии Чернигова от Киева, как

¹ А. Марков. Бытовые черты русских былин, «Этн. обозр.» № 58 и 59, 1903, стр. 48—51.

² К. Данилов. Древние рос. стихотворения, М., 1938, стр. 41.

³ Например, Летопись по Ипатьевскому списку, под 1288 г.

⁴ Первым черниговским епископом был Неофит. См. Багалей, История Северской земли, К., 1882, стр. 124.

⁵ Ончуков, № 22; Соколов-Чичеров, № 270; Астахова, I, № 96, и др. Сама эта числительная форма соответствует древнерусскому счету, еще и доныне живущему кое-где (например, в Закарпатье).

⁶ Ончуков, № 22.

видим, хорошо держится в былинах; она подтверждается и другим сюжетом, где Илья приезжает в Киев из Чернигова от заутрени до обедни¹ (или от обедни к заутрене), хотя здесь имеется уже и некоторое преувеличение, имеющее целью усилить впечатление молодчеством богатыря. В одном варианте «Ставра» с Черниговом связана Вятская земля².

Былинный Чернигов — большой русский город, конкурирующий с Киевом. Былины не содержат ясных следов зависимости Чернигова от Киева, по крайней мере не видно ее в былинах об Илье Муромце и Соловье Разбойнике и в тех вариантах различных былин, где киевские богатыри приезжают в Чернигов в поисках невесты. Лишь отдельные варианты былин о Ставре намекают на то, что этот боярин или купец является подданным Владимира, другие варианты этой же былины не дают таких оснований. Задача жены Ставра, согласно сюжету, заключается лишь в том, чтобы вызволить мужа из заключения в порубе (изображенного, кстати, со всей исторической достоверностью) и уехать домой. Ряд былин сохраняет память о том, что Чернигов является столицким городом, именно так называется Чернигов в ряде случаев³. Ставер в записи Гуляева говорит — «у меня-то было б Столе-городе»⁴. Что это за «Стол-город» совершенно ясно, так как в конце того же варианта певец называет «Чернигов-град». Все это вполне соответствует особому положению Чернигова среди русских княжений XI—XII вв.; не случайно и письменность говорит о Чернигове как о «большом княжении»⁵. В былинах встречаем сочетания типа: «Столицкий Киев-град и Чернигов-град»⁶. Нужно сознательно закрывать глаза на факты, чтобы не замечать того, что Чернигов упоминается в былинах рядом с Киевом так же часто и естественно, как Москва с Петербургом в новое время.

¹ Соколов-Чичеров, № 96.

² В. Миллер. Былины новой и недавней записи, № 88.

³ Соколов-Чичеров, № 96, прим. на стр. 421; Онучуков, № 80.

⁴ Былины и песни Южной Сибири, Новосибирск, 1952, стр. 129.

⁵ См. Слово похвальное на пренесение мощей святых Бориса и Глеба, 1894, СПб, 16.

⁶ Рыбников, II, стр. 197.

Ср.: «Хошь во Киеви женись да хошь в Чернигови»¹
«Да вы продайте-тко Киев съ Церниговыем»²;
«Хоть во Киеви торгуй, хоть во Черни-горе»³;
«А держали поруку двумя градмы:
Первым Киевом, другим Черниговыем»⁴; и т. п.

Постоянное сочетание Киева с Черниговым в былинах не является выдумкой сказителей, оно отражает исторически сложившееся соотношение данных городов. Широко отражены в былинах связи Киева с Черниговом: здесь в Киеве очень часто находится то черниговский владыка, то сам черниговский князь, которые нередко вступают в спор с киевлянами («Дюк Степанович»⁵, «Алеша и Тугарин» и «Иван Гостиной сын»).

Интересно, что в варианте Кирши «Ивана Гостиного сына» владыка черниговский во время сумятицы, вызванной событиями на княжем дворе, даже захватывает киевские корабли⁶. В былине «Алеша и Тугарин» (вар. Кирши), где владыка черниговский закладывается против всех киевлян за Алешу, речь тоже идет о трех кораблях с заморским товаром, поставленных в залог «гостями купеческими»⁷. Эта, отраженная в былинах политическая деятельность «владыки» соответствует эпохе. Епископы нередко выполняли роль дипломатов, посылались князьями с различными важными поручениями и т. п.

Особая роль, которую занимает Чернигов в былинах и которую занимал он в истории лишь до половины XIII в., является убедительным подтверждением времени возникновения былин и свидетельствует против мнения о позднем происхождении или поздней их радикальной переделке, ибо Чернигов был впоследствии малозаметным городом и никакой северный певец XVII—XIX вв., воображаемый создатель новых былин, не мог бы так изобразить Чернигов уж потому, что не мог знать ни о

¹ Марков, стр. 414.

² Там же, стр. 518.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Рыбников, I, стр. 195.

⁵ Ср., например, Гильфердинг, II, № 152, где владыка черниговский держит залог за Дюка в его споре с Чурилой; или Соколов-Чичеров, № 88, где это делает черниговский князь.

⁶ Кирша Данилов, стр. 43.

⁷ Там же, стр. 129.

его исторической роли, ни о расстоянии от Киева, ни о роли его епископа и т. п.

Историчность образа Новгорода в былинах не оспаривалась ни одним исследователем. Многократно указывалось на отражение в них громадной роли заморской торговли в жизни города (отметим, что былины знают, в частности, и о торговле Новгорода с греками)¹, значении купечества и боярства, относительно незначительной роли княжеской власти, указывают на отражение организации ушкуйнических ватаг, буйных столкновений между пятью на Волховском мосту, на новгородский характер «братьин» и т. п. Постоянно упоминаются былинами такие географические наименования, как река Волхов и Ильмень-озеро².

Хорошо описывают былины путь из Новгорода к морю:

«Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море»³.

В иных случаях упоминается в былинах храм Софии, как, якобы, построенный Садко. Во всяком случае, былины знают о существовании в Новгороде знаменитого Софийского собора; в некоторых вариантах былины о Василии Буслаеве крестный дядюшка богатыря выходит на бой с ним, напялив на голову «Софейный самый больший колокол»⁴. Есть упоминания и об улице Рогатице, правда, не только в новгородских былинах⁵.

Много говорилось разными исследователями о свое-волии сказителей, сплошной, якобы, путанице в былевом эпосе, но то что весьма многое сохраняется точно, может свидетельствовать среди прочих тот неоспоримый факт, что особое положение Новгорода, его относительная изоляция от южных городов, выражается в несливаемости

¹ Гильфердинг, I, стр. 106.

² Там же, стр. 640.

³ Рыбников, II, № 134; ср. Григорьев, III, № 86.

⁴ Соколов-Чичеров, № 145; ср. № 136, Астахова, II, стр. 23.

⁵ Гильфердинг, II, стр. 143; III, стр. 29; Астахова, II, стр. 228, 516. См. также Киреевский, в. 5, стр. III. Рогатая улица на Торговой стороне в летописях: ПСРЛ, ч. IX, 6877, 12: 6923, 232.

таких новгородских персонажей, как Садко и Василий Буслаев с героями былин киевского цикла.

Если историчность образа Новгорода не встречала возражения, то отдельные исследователи по различным соображениям пытались отрицать историчность образа Киева, между тем как она также совершенно определена. Под самым Киевом, по многим былинам, находится Почайна («Пучай-река» и «Пучайнaya»)¹, хорошо известная по историческим источникам и отразившаяся в некоторых, сохранившихся доныне, топографических наименованиях на Подоле, нижней части города Киева. Былины знают о небольшой ширине этой речки; обычно в прыжках соревнуются, преодолевая именно ее, а не Днепр; в некоторых текстах она последовательно называется «речёнкой Пochaевой»². Известно былинам о том, что Киев находится на Днепре (Непре-реке), в отдельных случаях он назван «Непруським городом»³.

По Днепру можно плыть в Царьград и в Корсунь (былина о Глебе Володьевиче). Естественен также приезд Соловья Будимировича, заморского гостя на лодьях («кораблях») норманского типа по Днепру в Киев. Былины знают и о том, что по пути в Чернигов необходимо переправиться через Днепр⁴. Известны в Киеве Золотые Ворота, Печерский монастырь⁵, изредка встречается и София⁶, также пещеры⁷. Может быть, память о гористости Киева сохраняется в стихах:

«Приезжает он ко городу близко Киеву,
Ко этим горам ко величким»⁸.

Сюзеренитет киевских князей сохранялся в полной силе до середины XII в.⁹ В полном соответствии с этим город Киев поставлен в былинах в особое положение как главенствующий столичный город на Руси; здесь жи-

¹ Гильфердинг, I, стр. 574—575, 580.

² Там же, II, стр. 367—368.

³ Григорьев, I, № 88, Вар. М. Кривополеновой.

⁴ Кирша Данилов, стр. 97.

⁵ Марков, стр. 403.

⁶ Соколов-Чичеров, стр. 405.

⁷ Гильфердинг, I, стр. 537.

⁸ Киреевский, 4, стр. 187.

⁹ С. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, 1949, стр. 330.

вет глава русских князей, которого певцы называют совершенно правильно «столично-киевским»¹. Все это явственные черты историчности образа Киева в былинах.

Основная масса других упоминаемых в былинах русских городов тоже свидетельствует о более или менее определенной эпохе. Это Муром (Муромль), о котором известно, что он стоит на Оке и имеет подгородное село Карабарово², Сузdalь-град³, с ним связаны «Братья Суздальцы» былины о гибели богатырей⁴ и богатырь Суровец-суздалец, Рязань, где жил отец Добрыни⁵, Путолов-град⁶ (Путивль, ср. Путимль⁷), часто упоминается Ростов, откуда родом Алеша Попович, Смоленск и Смоленские грязи⁸, Ореховец былин о Вольге, нередко упоминаемый и в летописи⁹. Показательно, с какой последовательностью указывается Ореховец почти во всех вариантах этой былины. В былине о Дюке и некоторых вариантах былин о Чуриле упоминается Галич, Малый Галич, Волынская земля (также — Волынец с постоянным эпитетом — «крепкий город»), находим еще Туро-вец, Туриница (вероятно — Туров) былин о Вольге¹⁰, Себеж (особенно в записях XVIII в.), Дебрянск в былине о Ливиках, брынские (и бранские) леса в былине об Илье Муромце и Соловье, Москва¹¹. Известны былинам

¹ Например, Гильфердинг, I, стр. 416.

² Несколько раз у Киреевского, вып. I.

³ Ончуков, № 85. Интересно, что в этой былине он упоминается вместе с Киевом и Черниговым, как один из основных центров Руси.

⁴ Например, Астахова, I, стр. 178.

⁵ Ончуков, № 59.

⁶ Былина в изложении Потанина (Тихонравов и Миллер, прил., стр. 282).

⁷ Гуляев, № 13. Ср. Puttvin, как он назван на карте Москвы А. Вида, 1540, В. Кордт, Матеріали до історії картографії України, К., 1931, л. 40, додаток.

⁸ Соколов-Чичеров, стр. 267.

⁹ См., например, ПСРЛ, X, стр. 219 и др. В летописях он называется Ореховец, Орехов, Орешек. Это город Новгородской земли, нынешний Шлиссельбург.

¹⁰ Гильфердинг, I, стр. 512—514. Ср. III, стр. 11 (Гурчевец, Гурьевец).

¹¹ В отдельных вариантах былин о Василии Буслаеве, о Ливиках и др.

еще Караваев¹, Псков, город Ладога², город Белозеро³, Ярослав⁴, Малый Киевец⁵, Новоторг (Костя Новоторженин в былине о Василии Буслаевиче). Эти последние города упоминаются, впрочем, редко.

Заслуживает внимания упоминание в одной из былин, записанных у Г. Л. Крюкова⁶, Любова («Любовград»), в котором, может быть, следует видеть искажение старинного Любеча.

Исторически достоверны во многих случаях и данные о взаимном расположении русских городов. Так Алеша Попович с Торопом проезжает развилику дорог, идущих в Киев, Чернигов и Путивль⁷. Географически почти ясен путь Ильи Муромца в Киев из Мурома через Северскую землю.

Имеются в былинах следы такого старинного географического понятия, как Залесье; они сохранились в образе выступающих в разных былинах лиц, называемых «залешанами». Залешанином является калика Иванишо, который сообщает Илье Муромцу о насилиях Идолища в Киеве; при этом оказывается, что Иванишо с детства знает Илью⁸ и выходит, что сам Илья тоже является залешанином, что вполне естественно, так как он — из Мурома. Именно так и называют его в Киеве, узнав, что он приехал из Мурома: «А ведь и вре заолешанин»⁹, говорят бояре, не веря его рассказу. Никитой Заолешанином называет себя иной раз сам Илья Муромец, явившись в Киев и желая остаться неузнанным¹⁰. Вряд ли выбор такого прозвища был случайным; оно, очевидно, должно было объяснить залесский говор героя. Какие-то «мужики залешане» оказываются и на заставе в сте-

¹ В не совсем ясной форме: Соколов-Чичеров, № 70; Былины Пудожского края, стр. 234, 407. См. В. Миллер. Экскурсы, стр. 188.

² Былины Пудожского края, стр. 277.

³ Киреевский, вып. 4, стр. 166.

⁴ Гильфердинг, I, № 60.

⁵ Рыбников, II, стр. 458 и др. В Малом Киевце, вероятно, следует видеть Вышгород.

⁶ Марков, № 69.

⁷ Гуляев, № 13.

⁸ Соколов-Чичеров, стр. 87, 232; Марков, стр. 354.

⁹ Там же, стр. 355; вар. Ф. Конашкова.

¹⁰ Астахова, II, № 132; Киреевский, в. 4, стр. 46.

пи среди русских богатырей¹. В одном случае такой богатырь назван Полешанином², но это, вероятно, искажение, так как если бы речь шла о жителе Полесья, то он был бы, вероятно, назван «полещуком». В «Повести о семи богатырях» (XVII в.) тоже упоминается богатырь дворянин Залешанин. Наконец, следует указать на встречающееся изредка в былинах презрительное выражение «залешане-деревенщина», «залешанин детина деревенщина»³.

Нередко в былинах косвенно упоминается Северская земля. Северьянишной очень часто называется поляница, родившая сына от Ильи Муромца (былины о бое Муромца с Сокольником). Место своего рождения Сокольник называет «Сиверной Землей»⁴.

Среди упоминаемых в былинах русских земель встречается еще нередко «земля Подольская». Обычно она понимается певцами как какая-то особая, не входящая в Киевское государство земля. Вероятно, в этом следует видеть отражение господства в этой земле татар и впоследствии — турок. Сюда ездит за данями выплатами Потык⁵. Вообще Потык связан с этой землей; его злополучная жена — Мария-Лебедь белая, согласно многим вариантам былины, является подолянкой⁶. Ее связь с «Политовским королем», т. е. владельцем соседней державы, более или менее понятна⁷. Через Подольскую землю в некоторых вариантах запева былины о Василии Игнатьевиче пробегают туры⁸. Однако уловить в былинах какие-либо конкретные черты жизни Подольской земли весьма затруднительно.

Довольно часто упоминается в былинах поле Куликово (хотя не так часто как Косово поле в южнославянском эпосе), порой без большой связи с сюжетом, и, таким образом, является общим эпическим местом. Однако возникновение такого эпического места в

¹ Например, Рыбников, II, № 199.

² Гильфердинг, III, стр. 388.

³ Там же, II, стр. 212—214 и др.

⁴ Соколов-Чичеров, стр. 818.

⁵ Например, Рыбников, II, № 113.

⁶ См., например, Гильфердинг, II, стр. 488, 563 и др.

⁷ Гильфердинг, I, стр. 169.

⁸ Григорьев, II, № 38.

былинах, — это не требует доказательств, — объясняется исключительно великим событием 1380 г.

Реки, упоминаемые в былевом эпосе, чаще всего являются действительно историческими. Это прежде всего Днепр (Непр, Непра-река), в новгородских былинах основная река — Волхов. Упоминаются еще Почайна, Нева, Дунай (довольно редко), Ока, Угра, Сарога¹. В былине о Садко встречается еще речка Чернава, в которой Марков видит нынешний Черный ручей, впадающий в озеро Ильмень². Упоминается еще Сафат-река³, на которой обычно находится застава русских богатырей. Нет оснований относить ее, вместе с Евфрат-рекой к наименованиям, заимствованным из литературных источников, как это делает Марков⁴. Н. Надеждин искал ее в Самбатасе (Самвате), как по Багрянородному назывался Киев⁵. Может быть, ближе других к истине был А. Крымский, считавший, что «Сафат-река» или «Сахатар-река» означает «передняя», «крайняя», «боковая» по тюркски. Так могли назвать какую-то реку на Руси турки (точнее — тюркские народы — *M. P.*), так как на ней стояла русская богатырская застава⁶.

Неясен вопрос о эпическом месте — реке Смородинке (Самородинке), которую, впрочем, указывают в районе Каравчева на пути Муромца в Киев⁷. Обращает на себя внимание сходство двух эпических рек восточнославянского эпоса: Самородинки (Смородинки) былин и Самарки дум. Причины превращения последней в эпическую реку ясны: речка Самара, левый приток Днепра, была одной из важнейших артерий во время существования Запорожской Сечи; по этой речке запорожцы сообщались с донскими казаками, совершали походы на

¹ Ср. Черега, См. Кирша Данилов, стр. 107 и др. (Черега — река около Пскова).

² Марков. Бытовые черты русских былин, стр. 49, прим.

³ Встречается и в форме «София-река», Киреевский, в. I, стр. 4—5.

⁴ Марков. Бытовые черты русских былин, стр. 49—50, прим.

⁵ Л. И. Надеждин. О русских народных мифах и сагах, «Русская беседа», 1857, оттиск, стр. 18.

⁶ А. Крымский, Розвідки, статті та замітки, К., 1928, стр. 158.

⁷ См. В. Миллер. Экскурсы, стр. 188.

юго-восток¹, на ней были расположены запорожские паланки. Подобных оснований для превращения Самородины (Смородины) в эпическую реку, как будто, нет.

Из озер последовательно названы в былинах исторические Ильмен и Чудо-озеро (Чудское)², оба в былинах о Садко. Очень редко упоминается Онежское и Ладожское³.

Нередко встречается в разных былинах в качестве какого-то определённого географического пункта белый Алатырь (Латырь) — камень. О нем следует сказать подробней.

Камню Алатырю посвящена немалая литература. Надеждин, Бессонов и некоторые другие видели в этом камне янтарь; некоторое подтверждение этому они встречали в духовных стихах, где говорится, что он находится в море и с него моряки берут на свои корабли какое-то снадобье. Веселовский и Мансика произвели «алатырь» просто от слова «алтарь», но, как давно доказано, это не соответствует фонетическим законам. Бодуэн-де-Куртене считал, что первичным был не «алатырь», а «латырь», связывал его с тюркскими языками, видел в нем наименование города, в упоминании его и бабы Алатыгорки видел отражение столкновений с «инородцами» на восточных границах русского государства. В этой теории игнорируется тот факт, что Алатырем обычно называется не город, а именно камень⁴.

Существующий ныне в Поволжье город Алатырь не дает исследователям материала для разъяснения проблемы. Город Алатырь основан лишь в XVI в.; речка Алатырь, впадающая поблизости от него в р. Суру, малозначительна. Решая вопрос о камне Алатыре, следует считаться и с тем, что народ часто называет камнями какие-либо примечательные горы или скалы, например, «камень Добоша» — скала в Станиславской области в Карпатах, «Обавский» (Абавский) камень — одна из гор в Закарпатье, остаток вулканического конуса⁵, «Модры-

¹ См. об этом наше исследование «Дума про покід запорожців на Кавказ», «Наукові записки» Ужгородського держуніверситету, 1958, т. XXXIII, стр. 61—101.

² Марков, № 21.

³ Гильфердинг, I, № 70.

⁴ Исключение — Григорьев, I, № 4/40.

⁵ См. В. Анучин. География советского Закарпатья; М., 1956, стр. 69, 272.

камень» — крепость и скала в Словакии, «Снинский камень» в Карпатах. Отмечу, что во всех случаях эти «камни» находятся в горах, в частности — в Карпатах. Выходит, что Латырь или Алатырь-камень мог быть чем-нибудь в этом роде известным в древности местом.

В Карпатах имеются и другие географические наименования, которые могут бросить свет на происхождение камня Латыря. Речь идет об известной горной реке Латорице (притоке Тиссы), на которой стоит город Мукачев с древнейшей крепостью Паланкой и которая течет вдоль одного из важнейших исторических путей, идущего через Верецкий проход, называвшийся в древности «Русскими воротами». Происхождение имени реки не изучено. Ф. Потушняк пытался объяснить «Латорицу» от наименования горной цепи «Татры» (имея в виду перестановку слов), И. Латоричанин — от слова «лотр» разбойник)¹. Наименование Латорицы можно объяснить значительно проще. Слово «латор» (*lator*) ведет нас к румынскому языку. Имеется ряд топонимических наименований в Румынии и в Карпатах, произведенных от этого корня: река *Lator* и населенный пункт *Lator* (в бассейне Тиссы между ее притоками *Zagyva* и *Sajo*), речка *Latorita* в Румынии в районе *Valcen*, речка Латирка и Латорица (часть села Велятина, Хустского района в Закарпатье)². *Latare* по-румынски означает «сторона горы» и в своем происхождении связан с латинским *«litus»* — камень. Латорица — река со множеством камней (что, впрочем, характерно для всякой горной реки).

Отметим тот факт, что в румынском языке частичка «а» артикль, почему «камень» произносится именно «а латырь».

Все сказанное свидетельствует о том, что для объяснения «камня латыря» (алатыря) есть основание для направления поисков в Карпаты (где, как известно, много топонимических наименований молдаво-румынского происхождения). При этом приходится также принимать во

¹ Ф. Потушняк, Звідки походить назва ріки; І. Латоричанин, Ще раз про назву ріки. Обе заметки напечатаны в газете Ужгор. госуниверситета. «Радянський студент», 19 февраля и 6 марта 1957 г.

² Последними указаниями я обязан преподавателю УжГУ К. Галасу.

внимание тот факт, что, согласно стиху «Голубинная книга», камень Алатырь имеет какое-то особое значение, так как он — «всем камням камень», как океан — всем морям море, кит — всем рыбам рыба. Не исключено, что под камнем Алатырем понимается целый горный хребет.

Интересно, что, как указывал уже Миллер, в Архангельской губернии называют доселе камнями горные хребты (Чайынж камень в Тиманской тундре, Тиужский камень у Канина носа, Сибирский камень — Уральские горы)¹. Исходя из этого, может быть, можно предположить, что, если Уральские горы — восточная межа, назывались на Руси «Сибирским камнем», то «камнем Латырем» («Алатырем») могли бы называться Татры — крайняя западная граница расселения древнерусской народности. (Сравни с этим «толтры» — острые вершины гор на Подолии²). Но, разумеется, мнение это мы высказываем сугубо предположительно, имея главной целью дать материал для дальнейших попыток разрешения этого интересного вопроса.

Что камень Алатырь представляет собой какой-то определенный географический пункт, подтверждается тем обстоятельством, что он в былинах часто упоминается в связи с рядом других, имеющих, вероятно, тоже топографическое значение, предметов, как Леванидов крест, Невид-дуб³, и в особенности мощи Борисовы. Эти последние заслуживают в данной связи определенного внимания. Нужно прямо сказать, что они были действительно вполне определенным пунктом на дорогах Руси.

Как известно, тела Бориса и Глеба, убитых наемниками Святополка, были привезены в Вышгород в 1019 г., потом дважды переносились там же в Вышгороде в новые церкви — в 1072 и 1115 гг. Канонизированы Борис и Глеб были в 1071 г., празднество в их честь установлено в 1072 г. Принадлежали они к популярным «святым» уже в XI—XII вв. Напомним теперь, что Вышгород, бывшее Ольгино село, был впоследствии довольно значительным городом; здесь едущие в Чернигов

¹ В. Миллер. Очерки..., II, стр. 177.

² К. М. Путевые очерки Подолия, 1884, стр. 9, 23.

³ Гильфердинг, II, №№ 80, 92, 138; Астахова, II, стр. 216; см. еще Соколов-Чичеров, стр. 209, 422, 540, 485.

совершали переправу через Днепр (чтобы избежать впоследствии переправы и через Десну)¹. Мощи Борисовы, находившиеся там, в бытовой речи упоминались как синоним днепровской переправы у Вышгорода. Посмотрим теперь, в каких связях даются нередко мощи Борисовы:

«Мы знаем, Цюрила где двором стоит.
Он ни в городи, ни за городом.
Стоит ён у Поцай-реки,
Супротив креста Леванидова,
У тех у мощей у Борисовых»²

Именно Вышгород, будучи пригородом Киева, находится ни в городе, ни за городом. Не далек он был и от Почайны, протекавшей между ним и Киевом.

К сказанному остается добавить, что во время нашествия Батыя в 1240 г. Вышгород был совершенно разрушен, причем *мощи были утрачены*, значит с середины XIII в. выражение «Борисовы мощи» уже не имело смысла как географическое обозначение. Не ясно ли, что они могли войти в былины в этом значении только с середины XI до середины XII столетия. Это еще один аргумент против теории поздней переделки былевого эпоса. Если мощи Борисовы имеют такой совершенно ясный смысл, есть основание искать объяснения и других географических обозначений (хоть они, может быть, относятся как раз к другим местностям), в частности упомянутого камня Алатыря.

Небезынтересным географическим пунктом, иной раз упоминаемым в былинах, является еще «Фаворгора»³.

Может быть, можно предположить, что это та же Савурмогила украинского эпоса, название которой относится к эпохе гораздо более древней, нежели X—XII вв. Известная думам Савур-могила находилась на знаменитом Муравском шляху, шедшем из Перекопа на север по верховьям рек днепровско-донского водораздела (ныне эта «могила» находится в Снежнянском районе в Донбассе). В русском эпосе с Фавор-горы ге-

¹ См. «Энциклопедия» Брокгауз и Эфрон, т. VIII, а, СПб, 1893, столб. 914.

² Соколов-Чичеров, стр. 829. Ср. Гильфердинг, III, № 251.

³ В одном из вариантов она названа «Фараон-гора»; Тихонравов и Миллер, отд. 2, № 62.

рои смотрят в поле¹. Но в одном из вариантов Василия Буслаева герой приезжает туда со своей дружиной, возвращаясь из Иерусалима, и здесь находит свою могилу, он разбился насмерть, «сосватался» и «женился» «на белом горючем камешки»². Этим названная здесь «славной», т. е. известной, Фавор-гора несколько сближается с Савур-могилой (Савур-городом), на которой погибает младший брат думы о побеге трех братьев из Азова.

Упоминания различных зарубежных земель в былинах чаще всего имеют исторические основания; они сравнительно редко являются произвольными и в этом отношении былины опять-таки резко отличаются от сказок. Соседями Руси на Западе по былинам являются Литва и Польша, которая, однако, очень редко выступает под этим своим наименованием³. Былинные наименования Польши соответствуют историческим названиям ее в IX—XIV вв., когда Польша называлась на Руси «Ляшской землей» и «Ляхами» (изредка в былинах имеется и это наименование: «И есть как во той земли во лячкия, У того-то есть короля у ляховинского»)⁴. Чаще всего в былинах Польша называется землей Ляховицкой, Ляхоминской и т. п.⁵ Король Польши называется королем Ляхоминским, Ляховинским или еще Ляховским, живущим в городе Ляхове⁶. Иногда название страны искажается еще больше, появляется земля «Лихоимская»⁷, отсюда и правитель ее получает наименование Лихоимского короля, появляется и отчество Лиховидьевич. Упоминается и город Krakov, древняя столица Польши.

Существовавшая с конца XIV в. уния Польши и Литвы, в результате которой Литвой правили польские короли, отразилась в былинах правлением в Литве короля Ляховинского⁸. Весьма часто упоминается в Литве и литовский король, а также и «король

¹ Гильфердинг, III, № 219; Соколов-Чичеров, № 209.

² Тихонравов и Миллер, отд. 2, № 61.

³ У Гильфердинга упомянута лишь в 3—4 случаях.

⁴ Гильфердинг, I, стр. 329.

⁵ В. Миллер, стр. 167, 174.

⁶ Григорьев, II, стр. 217, 355, 361, 364.

⁷ Миллер, Указ. сб., стр. 149, 147.

⁸ Там же, стр. 157; Киреевский, в. 3, стр. 1.

Политовский», в котором следует видеть не столько литовского князя, сколько воспоминание о короле польском.

Вообще в былинах Литва с Польшей смешиваются, что является явным отражением многолетнего существования унии. Нередки формулы типа «приежжали ёны да во Литву-землю, во Литовскую во землю Польскую»¹. Почти буквально повторяется эта формула в исторических песнях². Не исключено, таким образом, что она вошла в былины из исторических песен.

Редко встречающееся упоминание о Земляной Литве, в которой живет Политовский король (в былине о Потыке), ни в коем случае не является ошибочным; речь явно здесь идет о Земголе, той части Литвы, которая была заселена племенем земгалы (земигола), т. е. о левобережье Западной Двины³.

Войска Польши и Литвы часто называются в былинах татарами, так называли всех степных врагов Руси и вообще всех ее противников. И все же, хотя в былинах, изображающих Литву и Польшу, герои борются с татарами, однако, среди «татар» именно в этих былинах оказываются разные «пановья» и «панища», что подтверждает западное место действия сюжета. Не излишним, впрочем, будет отметить и тот факт, что татары в XV — первой половине XVI в. очень широко привлекались Литвой не только в качестве наемного войска, но и как постоянное войско, обязанное службой Литовскому государству⁴. С этой целью уже Витовтом были размещены для постоянного жительства в ряде местностей государства десятки тысяч татар, которые, как отмечают литовские и татарские источники, добросовестно исполняли указанные обязанности даже во время войн с Крымом.

Былины сохраняют память о столкновениях Руси с Литвой и Польшей. В то же время, при более внимательном анализе былевого материала можно найти и следы дружественных отношений, что хорошо выражено

¹ Соколов-Чичеров, № 119.

² Гильфердинг, III, № 236, песня Гришки Отрепьева.

³ Там же, I, № 6.

⁴ А. Мухлинский. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар, СПб, 1836.

распространением постоянного эпитета «хоробра Литва»¹

Мало исторических данных можно извлечь из часто упоминаемых в былине города Леденца и земли Леденецкой, Веденецкой и т. п. Вопрос об этом названии остается темным, хотя ему посвящена большая литература, на рассмотрении которой здесь нет необходимости останавливаться.

Тесные связи Руси с Византией отражает рукописное «Сказание о киевских богатырчх», близко стоящее ко многим былинам². Здесь выразилось сочувствие русских людей к греческой единоверческой стране, попавшей в XV в. в турецкую неволю. Часто упоминается в былинах Царьград. Отдельные былины («Глеб Володьевич») сохранили, вероятно, память о русско-херсонесских (корсунских) отношениях, далеко не всегда бывших безоблачными. Правда, город Корсунь, но другой, находящийся на одном из малых притоков Днепра (нынешний Корсунь-Шевченковский), был хорошо известен в XVI—XVIII вв. на Украине, нередко упоминается в думах, однако было бы неверно предположить, что он имеет какое-либо отношение к Корсуню былин, ибо былинный Корсунь — это именно большой морской порт (на Корсунском море)³ и нерусский город, здесь правит еретика Маринка Кайдаловна. Известность Херсонеса (Корсуня), как замечательной морской гавани, не требует здесь доказательств. То, что Глеб Володьевич с дружиной для освобождения своих кораблей приезжает сухим путем, не меняет дела, так как нередко именно таким образом совершались походы в Крым, между тем как если бы речь шла о днепровском городке, то поход был бы скорей совершен в ладьях. Впрочем, в новой записи былины герой приезжает в Корсунь морским путем⁴.

Борьба Руси со степью, как известно, в значительной мере определяет собой весь характер русского эпоса. Русский народ в течение веков принимал на себя основной удар систематически приходивших с Востока воинствующих кочевых орд. Вполне естественно, что, благо-

¹ Гильфердинг, II, стр. 222; Астахова, II, стр. 197.

² См. например, сюжет «Илья Муромец в Царьграде», Гильфердинг, III, стр. 220, 232 и др.

³ Марков, стр. 429.

⁴ Астахова, I, стр. 204—208.

даря сходству этих орд, их быта, их отношения к населению русских городов и сел, образы всех этих народов — печенегов, половцев, торков, черных клобуков и др. — слились в единый образ бесчисленных вражеских кочевых полчищ, бесчинствующих на русской земле. Особое место татар среди врагов Руси было причиной того, что их именем называются все другие противники, и в первую очередь степняки. И все же попадаются отдельные исследователи, которые считали недоказанным подобную подстановку в былинах; они отказывались видеть в былевых татарах каких-либо более древних врагов Руси. Этим ученым нужно указать на тот неоспоримый факт, что даже в письменных источниках наблюдается такое смешение. В некоторых поздних (XVI—XVII вв.) летописных сводах летописцы путают татар с древнейшими врагами, или, скажем точнее, воспользовались фольклорным наименованием татар как нарицательным именем степных врагов; характеризуя под 1176 г. князя Всеволода Большое гнездо, летописец указывает:

И бысть имя его славно по всей земли, и на татаех дань имал, и владея всею землею Рускою, и до моря Волгою...»¹

Примеры из летописи Авраамки:

«В лето 6693. Поидоша князи Рускии на *половци*, и поможеть им бог, изымаша татар 7000, а князей татарьских 417».

«В лето 6694. Съдумаша себе Олгови внуци, оже поити им на *половци*, глаголюще сице: мы есмя ци не князи? И поидоша, и поможеть им бог, *половци* побегоша, а князи рускии сташа на вежах татарьских...»²

Можно в былинах разглядеть и конкретные черты, связанные с татарским нашествием и татарским игом.

Как изображены татары в былинах?

Из среды татарских воинов былины не выделяют каких-либо конкретных лиц, упоминаются лишь посланный в Киев «лучший татарин», племянники (т. е. родственники) татарского царя, упоминается какой-либо царский советчик, роль которого играет порой Таракан-

¹ «Русский Времянник», М., 1820, I, 81.

² ПСРЛ (Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки), СПб 1889 т. XVI, стр. 46. Ряд очень ярких примеров см. еще Устюжский летописный свод. (М., 1950) под 1186, 1202, 1223 гг.

ников. Имена племянников татарского царя очень часто дотатарские и являются доказательством более ранней основы, выступающего в былинах войска. Что касается имени главы всего этого войска, то обычно вместо него применяется нарицательное или традиционно-сказочное (вообще фольклорное) имя (Кашей, Кудреванко, Курган и т. п.). Однако порой упоминаются и отдельные исторические татарские властители — Батыга (т. е. Батый, Бату¹), Сартак — его сын. Указывается на приход этих людей с Востока. Упоминаются в былинах, хотя сравнительно не так часто, как можно было бы ожидать, Золотая орда и Большая орда. Согласно былинам, русские князья должны возить туда дани, но обычно, — в этом логика народного героического эпоса, — русские богатыри вместо дачи дани сами получают ее с властителей орды². Нельзя не отметить, что с Золотой ордой в ряде сюжетов связаны именно «Батыга» и «Калинцарь». Калин «подымается» из Золотой орды³, туда он бежит и после поражения. Чрезвычайно редко в былинах, эпизодически появляется Мамай, образ которого связан с полем Куликовым⁴. Слабая распространенность этого образа также свидетельствует о преувеличении мнения о поздних переделках русского эпоса. С Золотой ордой связан, впрочем, очень редко, «Золотничанин» — сын Ильи Муромца⁵.

Никаких конкретных географических и иных данных о Золотой орде былины не сохраняют, лишь изредка сообщается о том, что она находится на Востоке. Иногда она подменяется «Заоданской» ордой⁶, а ее властитель называется «Задонским» царем. В этом можно видеть память о месте Ногайской большой орды, которая, вероятно, и сохраняется в упоминаниях о Большой орде в былинах⁷. Встречающееся в былине

¹ Вероятно, западно-русским искажением этого имени является «Ботиан Ботианович» (Гильфердинг, II, № 80). Bosian (польск.), аист.

² См., например, Гильфердинг, I, № 6; III, № 198; Киреевский, в. 2, стр. 83.

³ Киреевский, I, стр. 70, Ср. Марков, стр. 39 («Золотая земля»).

⁴ Гильфердинг, III, стр. 209, 211.

⁵ Гильфердинг, III, стр. 194, 197.

⁶ Киреевский, II, стр. 83.

⁷ Гильфердинг, I, стр. 154; Киреевский, II, стр. 83.

о королевичах из Крякова наименование «косинский» («касимовский») по отношению к татарину¹. может, более позднего происхождения.

Былины хорошо сохраняют память об организации татарских войск, свидетельствующей о раннефеодальном их характере. Почти во всех былинах татарское войско изображается по одному типу. Каждый «царевич» участвует в походе с собственными отрядами:

«Подступи-то Кудреванище да под Киев-град.
Со любимым зятем со Куршычком,
Со любимым племянницом со Курмышком,
А у зятелка силы было сорок тысячей,
У племянница силы было сорок тысячей,
У самого Кудреванища числа-сметы нет².

Образ татарского войска в былинах имеет немного конкретизирующих признаков; обычно это просто войско насильников, бесчисленность которого подчеркнута многими метафорами, возможно возникавшими у очевидцев, наблюдавших эти полчища:

«Нагнано-то силушки черным-черно,
Черным черно, как черного ворона;
И не может пропекать красное солнышко
И между паром лошадиным и человеческим;
Вешним долгим денечком
Серому зверю вокруг не обрыскати... и т. д.³

И все же, несмотря на такое большое распространение в былинах образов татар, они не до конца закрыли собой более ранние образы врагов. Так, в отдельных случаях упоминается в былинах земля Печенежская⁴ и земля Половецкая у Кирши Данилова⁵, встречается она и в форме «земля Поленецкая»⁶. Половецкая орда, правда случайно, упомянута и в одном из древнейших вариантов песни о Скопине-Шуйском⁷. Однако само ее

¹ Татарин «косинский» (Гильф., II, № 182), «касимовский» (там же, III, № 302), «татарове касимовцы» и поле «касимовское» (там же, № 200).

² Астахова, I, стр. 258.

³ Рыбников, I, стр. 40. Ср. Астахова, II, стр. 187.

⁴ Былины Пудожского края № 43; впрочем, ее мог ввести в текст. и Н. Кигачев, сказитель, не очень бережно относящийся к текстам.

⁵ Кирша Данилов. Древние рос. стихотв., стр. 170, 172. Былина о Сауле Леванидовиче.

⁶ Тихонравов и Миллер, 134.

⁷ Кирша Данилов, стр. 188.

попадание в текст начала XVII в. свидетельствует о распространении данного географического наименования в фольклоре даже этого периода.

Очень часто в былинах упоминаются уланы. Так называлась одна из половецких орд, но, впрочем, так же назывались в древности и знатные татары, даже принцы крови; впоследствии уланами у татар стали называться представители мелкого дворянства

Называются в былинах имена отдельных половецких ханов: Кончак, Атрак («Артак»), Тугор-кан («Тугарин»), а также,— на что обратили внимание только Бессонов и Квашнин-Самарин,— Шараган (Шаракан, Шаругань), упоминаемый в Лаврентьевской летописи под 1068 и 1107 гг. Былинным его отражением является «Шарк-великан», с которым борется Дюк Степанович в лодейнопольских материалах Рыбникова. Шарк-великан — типичный образ восточного насильника, бесчинствующего на Руси:

«На широком раздолье Шарк-великан похаживае,
На широко раздолье Шарк-великан посматривае,
Что не любо — мечом булатным раскрошивае,
Что не любо — ногам железным вытаптывае.
Огнем жгучим божий люд им подымается;
Ко святой Руси Шарк-великан широку дорожку
прокладывае,
Жгучим огнем уравнивае,
Людом христианским речки-озера запруживае:
Во дикие леса люд христианский руссийский
разбегается»².

Побеждает его Дюк Степанович. Интересно отметить, что текст былины, как кажется, имеет черты, сближающие его с думами; об этом говорят глагольные рифмы и типичный оборот «люд христианский».

Что касается отрицательного героя былин дьяка Таракашки (Таракана, Тороканчика Корабликова³ и т. п.), встречающегося всегда в качестве злопасного советчика при властителе, то его имя следует производить не от «таракана» и не от того же «Шаракана», как можно, казалось бы, предположить, а скорее всего,

¹ См. А. Мухлинский, указ. работа, стр. 24.

² Рыбников, II, № 214.

³ См. Гильфердинг, I, стр. 256—257, 387 и мн. др.; Марков, стр. 599; Ончуков, 144—147, 150.

исходя из предложенного еще Квашниным-Самариным объяснения: «Таркан», «Тархан» — был титулом виднейшего после властителя лица в государстве у угорских племен, хазар и др. Это действительно основной советчик, так сказать — главный визирь, и естественно его объяснение в былинах как думного дьяка¹. Неясно остается только, почему так назван дьяк при Владимире. Во всяком случае термин «тархан» употреблялся на Руси в значении освобожденного от повинностей вотчинника², и в этом значении данный термин тоже не противоречит былевому образу.

Высказывалось и мнение о происхождении данного имени от наименования далекого русского морского города Тмутаракани. Может быть именно поэтому Торокан нередко называется Заморянином³ и проявляет большую осведомленность о жизни дальних стран. Если «Таракашка» (Таракан) является прозвищем и происходит от наименования города, то, естественно, что у него есть и имя; в ряде пудожских вариантов он назван «Ивашкой Торокашкой»⁴.

К категории восточных и южных стран, упоминаемых в былинах, следует отнести «страну Сорочинскую», «арапскую» и т. п., которые, хотя и означают — «Саракинскую», т. е. арабскую землю, однако являются общим эпическим местом эпоса, и не только эпоса былевого, но и украинских дум, сербских юнацких песен и т. п. Отмечу все же, что Афанасий Никитин называет «Орапской землей» Аравийский полуостров, особенно его южные области — Оман, Йемен и др.⁵. Эти Арапская и Сорочинская земли и Аравийская гора⁶ в былинах лишены конкретных черт, но все же в постоянном эпитете «долгополая Сорочина», имеется этнографический элемент; этот эпитет рисует долгополые одеяния арабов. Примечательно, что «сорочина» упоминается в

¹ Н. Квашнин-Самарин. Новые источники для изучения рус. эпоса, «Русский вестник», 1894, октябрь, стр. 772.

² См. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского яз., т. III, столб. 982.

³ Оичуков, № 27; Астахова, I, №№ 83, 85; Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье, Петрозаводск, 1948, стр. 59 и др.

⁴ Соколов-Чичеров, № 27 и др.

⁵ Хожение за три моря, 1948, стр. 163.

⁶ Марков, стр. 43, 113.

связи с былиной о поездке Василия Буслаева в «Еросалим-град»

Заслуживает внимания нередко встречающееся в былинах упоминание о Бухарском царстве и его Бухарском короле или Бухарь-царе². Он требует даней с Владимира, потом сражается с Потыком. Разумеется, возможно, что это имя навеяно событиями XIX в., связанными с присоединением Бухарского эмирата к России. Но не исключено, что данное наименование, ставшее известным в XIX в., подменило какое-либо созвучное ему более старое. Происхождение «Бухарского» царства может быть связано с известной в X—XI вв. обширной Бихарской страной, Бихарщиной, издревле заселенной восточнославянским населением (кроме того, на юге ее жили болгары), завоеванной затем венграми. В XI—XII вв. в состав Венгрии входило два феодальных княжества, в том числе — Бихарское, центром его был Бихар (Bihar), находившийся в 9 километрах от Великого Варадина³. Интересно, что в первом документальном известии о существовании Руси за Карпатами говорится, что местным удельным властителем 1031 г. был здесь Эмерих, сын Стефана I Угорского, носявший титул «Dux Ruthenorum», т. е. «князь русский». ТERRITORIЯ эта еще в XI в. называлась «Бихарщиной». Впоследствии к «младшему королевству» Венгрии (т. е. той части страны, которая управлялась самостоятельно наследником престола), принадлежало так называемое «Притисанское Бихарско», состоявшее из «болгаро-славянских и русских краин: Бихар, Нир, Крайняя Ужанская»⁴, т. е. выходит, что «Бихарско» включало и Закарпатскую Русь. Если наше предположение верно, то выходит, что упомянутые в былинах Бухарское царство и Бухарь-царь отражают отношения с Венгрией на территории Закарпатья. Косвенно это подтверждается тем, что с этими наименованиями связан Потык, действующий большей частью в западных местностях.

¹ Ончуков, № 89.

² Рыбников, I, № 28; II, № 113; иначе — II, № 160.

³ В. Р. Недлы. История Закарпатской Руси до XIV ст. «Изв. АН СССР», серия истории и философии, 1945, № 4, стр. 213.

⁴ И. М. Контратович. К истории стародавнего Ужгорода, «Карпатский свет», 1928, № 6; стр. 172.

Из племенных наименований отметим: «чудь белоглавую», сохраняющую летописный эпитет¹.

Нередко упоминаются в былинах Латынская земля², Латынская дорога³, Латынские кони⁴. В Латынскую землю едет Илья Муромец закупать коней, на латынской дороге находится богатырская застава, возглавленная Ильей Муромцем, на этой дороге встречается Илья Муромец с Каликой Иванищем, по ней ездит он в «трех поездочках». Марков предполагал, что эта дорога «отводит нас в западно-русские области»⁵, В. Миллер не считал это доказанным⁶.

Среди упомянутых в былинах названий морей заслуживают внимания Греческое (т. е. Черное море — которое греки называли Русским), Хвалынское (т. е. Каспийское)⁷ и Вирянское, которое с большими основаниями принято считать Финским заливом, Карское и Арапьское⁸ и Корсунское. Изредка в былинах встречаются отдельные географические наименования, имеющие главным образом книжное происхождение, на них нет нужды здесь останавливаться⁹.

Мы пересмотрели немало географических наименований в былинах и убедились в том, что основная их масса явно связывает былевые образы с эпохой Киевской Руси.

Посмотрим теперь, что еще остается примечательного в географической номенклатуре былин, в частности — среди названий городов.

Прежде всего нужно указать целый ряд явных исказений и переосмыслений. Таковы города Шахов, Чахов и Ляхов — производные от названий стран «Чехи» и «Лехи» («ляхи»), а также Ахта-город¹⁰ и Арахов (от

¹ Киреевский, вып. 2, стр. 18.

² Киреевский, вып. 3, стр. 113.

³ Гильфердинг, III, № 221, 239, 245, 246, 250, 265.

⁴ Там же, № 223, 229, 251.

⁵ К былине о бое Ильи Муромца с сыном, «Этн. обозрение», кн. XLVI, стр. 78.

⁶ В. Миллер, «Очерки», т. II, стр. 170—174.

⁷ Кирша Данилов, № 47; Рукоп. сб. Ф. Покровского, 1901, из Нижегородской губ. (Гослитмузей в Москве, № 38). Марков, стр. 139, 335.

⁸ Марков, стр. 423 (в запеве).

⁹ Об этом см. Майков. Указ. работа, стр. 44—45. Чаще других встречаются Иерусалим, Индейская земля, реки Иордан и Евфрат.

¹⁰ Гуляев, стр. 116.

того же корня), город Волхов¹, Очаков² (подменивший Краков), Остров³ вместо Ростов, Фралынский (Флоринский), подменивший город Волынский⁴, Смолягин, прошедший, по мнению Бессонова, от Чернигина (Чернигов)⁵, Карамышев⁶, Красный⁷, Крестьяновец былин о Вольге, мифический Кидеш и явно искаженный Тигов⁸ и Чиженец⁹, подменяющие Чернигов или Себеж.

Какие же наименования, в частности названия городов, остаются еще в географической номенклатуре, которые связаны с XVI—XVII и последующими столетиями и должны доказывать возникновение или коренную переделку былин в эту эпоху?

Нужно сказать, что удивляться приходится не тому, как много поздних географических наименований в былевом эпосе, а именно тому, как их мало. Мы пересмотрели все основные сборники былин (Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Тихонравова и Миллера, Гуляева, В. Миллера — «Былины новой и недавней записи», Григорьева, Ончукова, Маркова, Астаховой, Соколова-Чичерова, Париевой-Соймонова) и нашли лишь следующее: часто в былинах упоминаются Астрахань, Казань¹⁰, иногда еще Каргополь, один раз Нижний город¹¹, но все это исключительно в запевах, а не в основном тексте, без всякой связи с сюжетом. Казанью также иногда вытесняется Рязань¹².

¹ Астахова, I, стр. 317.

² Соколов-Чичеров, стр. 550. Былина «Королевичи из Крякова».

³ Марков, стр. 234.

⁴ Григорьев, I, № 20 (56), былина «Казарин».

⁵ См. Рыбников, II, стр. 149, прим. «Чернягин-град», см. Киреевский, в. I, стр. 26.

⁶ Ончуков, стр. 374. Название перенесено с имени героя — Михаила Карамышева.

⁷ Соколов Чичеров, стр. 345, 383. Здесь эпитет вытеснил название города Брянска.

⁸ Григорьев, II, стр. 112.

⁹ Марков, стр. 346, 531.

¹⁰ Единственное исключение Гильфердинг, III, № 218. Заведомо путанный текст: контаминация «Дюка» с «Илья и Идолице». Идолице хвастает, что прошел «Казань-Рязань» и «Вострокань».

¹¹ Гильфердинг, III, № 306.

¹² Григорьев, III, стр. 271.

В нескольких случаях упоминаются саратовские степи¹ и по разу саратовы горы² (последние, возможно, являются искажением саарачинской горы) и саратовы леса³. Встречаются в былинах еще Углич⁴, Питер⁵, один раз (в дефектном тексте побывальщины) упомянут Клин⁶ и один раз застава названа Гобольской⁷. Интересны единичные упоминания о каких-то вратах Чигиринских (в запеве)⁸ и горах Чигиринских⁹, которые, может быть, являются производными от тех же гор «саарачинских» и в обоих случаях даны в запеве. Дважды упомянут Бар-град в текстах, записанных от двух братьев¹⁰. Вот и все. И это на тысячи былевых текстов! Ни одного наименования города, вошедшего в историю страны после XIV в., которое бы более или менее органично вошло в какой-либо былевой сюжет вообще, ни одного понастоящему вкоренившегося в былевой эпос позднего географического названия. И после этого еще говорят о произволе сказителей!

В свете всех приведенных фактов как выглядит теория поздней переделки былевого эпоса?

Скажем прямо, что если бы былины нужно было создавать или радикально переделывать в XVI—XVII вв., то авторам пришлось бы очень туго. Не располагая никакой исторической литературой о Киевской Руси, они должны были бы разобраться и в исторической географии, и в современном состоянии не только России, но и

¹ Гуляев, стр. 108; Гильфердинг, III, стр. 133, 143; Тихонравов и Миллер, отд. 2, №№ 6 и 36; Марков, стр. 332.

² Ончуков, стр. 6.

³ Марков, стр. 43. В некоторых вариантах былин о заставе богатырской степи эти названы «цыцарскими» («цысарскими», «цицарскими»), что является вероятно более старым вариантом и относит место действия на запад (Киреевский, в. 4, №№ 4, 2; в. 1, стр. 46).

⁴ Только в былине о Сауре.

⁵ Один раз в заключительной славе былины, а не в ее основном тексте (Гильфердинг, I, № 60) и один раз в замечании о том, что славушка героя дошла до Питера (Григорьев, III, стр. 324).

⁶ Рыбников, I, стр. 455.

⁷ Григорьев, III, стр. 323.

⁸ Гильфердинг, I, № 53 (Рыбников, II № 123). В Чигирине жил Б. Хмельницкий.

⁹ Соколов-Чичеров, стр. 216.

¹⁰ Григорьев, III, стр. 597.

Украины. Характерно, что певцы последовательно умалчивают о таких известных в XVI—XVII вв. городах, как Черкассы, Корсунь, Нежин, Фастов, Брацлав, Прилуки, Лубны, Канев, Нижний, Калуга, Тула, Ярославль, Великий Устюг, Казань, Астрахань. Не упоминают они о Варшаве, а толкуют *именно о Кракове*, не упоминают Переяслава, Азова, Килии и других городов, с которыми приходилось иметь дело Руси в XVI—XVII вв. Не ясно ли, что если бы былины создавались или радикально переделывались в XVI—XVII вв., то они должны были рядом с Киевом называть известные в то время южные и среднерусские города, которыми пестрят источники того времени, а они последовательно рядом с Киевом и Черниговом упоминают о Галиче, Брянске, называют еще Новгород, Муром, а также Царьград, связь с которым прервалась еще в XV в. Ну кто бы подсказал северному крестьянину XVII в. этот Галич, кто помнил о нем в то время? Итак, обзор упомянутых в былинах названий городов свидетельствует против теории радикальной переработки былевого эпоса в XVI—XVII в.

Разумеется, в географии русских былин не обходится без искажений и случайно попавших имен, однако вся она в целом представляет собою стройную систему, крепко связанную с периодами Киевской Руси и феодальной раздробленности. Создать такую систему в XVI—XVII вв. было бы совершенно немыслимо.

В целом нужно сказать, что обзор географии русских былин вызывает у нас великое уважение не только к художественному гению и мудрости народа, но и к его прекрасной памяти.

Г л а в а в о с ь м а я

**ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
В БЫЛИНАХ**

ами образы былевого эпоса свидетельствуют о том, что основная масса дошедших до нас былин возникла в раннефеодальном периоде.

Народная ненависть к господствующему классу отчетливо отразилась в таких сюжетах, как «Илья Муромец и голи кабацкие», «Скора Ильи Муромца с Владимиром» (связанная с былиной «Илья и Калин-царь»), «Василий Игнатьевич». Осуждение действий Владимира и князей входит в сюжеты былин о Сухмане, Ставре, женитбе Алеши Поповича на жене Добрыни, о Даниле Ловчанине. Княжеско-боярское сословие осуждено и посрамлено во многих былинах: «Вольга и Микула», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», «Дюк Степанович», «Иван Гостиный сын» и др. Остановимся лишь на некоторых особенностях того основного классового конфликта, который отразился в былинах, конфликта между княжеско-боярской верхушкой и народными массами.

Нет и не может быть такого общества, где существует более или менее ясно выраженная эксплуатация человека человеком и в то же время нет классовой ненависти эксплуатируемого к эксплуататору. Известно замечание Ленина, что «землевладельцы кабалисты смердов еще во времена «Русской правды» Разумеется, какие-то формы эксплуатации и классового неравенства возникали и несколько раньше. В. И. Ленин считал границами крепостнического строя в России — IX — XIX в.². Крепостнический гнет не мог не вызывать народного недовольства «князьями-боярами», их экономической и политической деятельностью. Почему же нам следует конфликты представителей широких народных масс с князьями-боярами, о которых рассказывают былины, следом за В. Миллером и другими относить не к тем векам, о которых говорят сами былины, не к раннему феодализму, а к эпохе более поздней?

Илья Муромец, основной положительный герой русских былин, защитник земли Русской, имеющий большие заслуги перед родиной и народом, принужден бороться с врагами в самом Киеве. Владимир и особенно его окружение, князья и бояре (последние в былинах иначе не характеризуются как эпитетами «косопузые», «толстобрюхие», «подмолчивые», т. е., очевидно, клеветники и подстрекатели) делают все для того, чтобы унизить и даже погубить Илью. Такой же политики они придерживаются и по отношению к другим героям былин — Добрыне, Алеше, Сухману, Василию Игнатьевичу, также Ставру, Дюку и другим. С боярами, народными врагами, думает думу Владимир, одно это должно возбудить подозрение и ненависть народа. Вспомним, что ответил Илья Владимиру, когда тот, перепуганный требованием татар отдать город без боя, просил совета. Богатырь ответил ему довольно ядовито:

«Ты уж думу думай не со мною, а с боярами,
Со боярами да с толстобрюхими»³.

Народ хорошо знал бояр и прекрасно понимал, что судьбы родины волнуют их меньше всего, что они обес-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 170; ср. т. 12, стр. 237.

² Там же, т. 20, стр. 348.

³ А. Астахова, 1, № 12.

покоены лишь сохранением своего привилегированного положения и доходов и будут действовать, исходя исключительно из этой цели. Всякий угнетательский класс решает все внешнегосударственные проблемы, исходя из основного стремления — сохранить и упрочить свое положение в стране. Таким было и боярство. Оно нередко изменяло Родине еще до татарского нашествия (союзы с половцами и т. п.), особенно изобиловало этим время, когда на Русь надвинулись татарские полчища, и последующие века, когда княжеско-боярская верхушка почти вся служила завоевателям, обуздывая и укрушающая народное сопротивление. Почему же не об этом сказано в былине «У тя думны бояра да знать изменщики»¹, почему мы должны относить это обязательно к XVI в.? Ведь противоречия, о которых здесь идет речь, это противоречия между народом и княжеско-боярской верхушкой, существовавшие и раньше. В былинах речь идет и о серьезных угрозах народных героев в адрес Владимира; Илья собирался даже вовсе свергнуть Владимира:

«А если он (Владимир — М. П.) не сделает по моему
топерь,
А коли он не сделает по моему,
Тогда ён процарствует да вот до завтрия»².

Недовольство Ильи и других богатырей есть художественное воплощение в естественной для былинного стиля форме недовольства народных масс господствующей феодальной верхушкой:

«Служил то я, — говорит Илья Муромец, — у князя
Володимера, —
Служил у его ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба соли там мяккии,
А не выслужил-то я слова там гладкаго,
Слова у его я уветлива есть приветлива»³.

Так же недоволен и другой предводитель русских богатырей — Самсон Самойлович:

«У него (Владимира — М. П.) ведь есте много да
князей-бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владымира»⁴.

¹ Ончуков, № 2.

² Соколов-Чичеров, стр. 273.

³ Гильфердинг, I, стр. 434.

⁴ Там же, т. II, стр. 26.

Естественны угрозы богатырей по адресу бояр и Владимира и их стремление расправиться с угнетателями. Целый ряд вариантов «Василия Игнатьевича» рисует такие расправы с боярами. Избиение бояр встречается и в других сюжетах, в особенности в былинах о ссоре Ильи Муромца с Владимиром и освобождении Киева Ильей, даже в некоторых вариантах былины об Илье и Соловье-Разбойнике¹. Иногда мы встречаем в былинах и открытый отказ всей дружины служить князю; Самсон говорит Владимиру:

«Засадишь ты нынь нашего предводителя,
Мы уж все нынь разойдёмся и разъедемся,
У тя пусто станет стоять стольно-Киев-град»²

Эти сцены ухода богатырей от князя весьма напоминают эпизоды отказа дружины служить князю, о которых рассказывает летопись, и не имеют соответствий в более позднем периоде.

Ничего противоречащего этой эпохе, когда христианство еще не проникло глубоко в народное мировоззрение, нет и в известной сцене сбивания Ильей маковок с церквей с целью на полученные таким путем средства напоить своих друзей — голей кабацких:

«Стрелил он тут по божьим церквам,
По божьим церквам да по чудным крестам,
По тым маковкам золоченым»³.

Характерно, что в некоторых вариантах Илья сбивает маковки не с церквей, а с окошечек княжьего терема. Направляя свою стрелу, богатырь приговаривает:

«Ты лети, стрела, об окошка княженецкия,
У окошечек отстрели все маковки позолочены!»⁴.

Мы не располагаем точными данными о внешнем облике княжих дворцов раннефеодальной эпохи, но никто не будет отрицать вероятности того, что эти строения могли украшать золочеными шишками на крышах и коньках.

¹ Киреевский, I, стр. 85.

² Ончуков, стр. 17.

³ Рыбников, II, стр. 102.

⁴ Там же, т. II, стр. 159; Ср. Соколов-Чичеров, стр. 272.

Иногда Илья намеревается стрелять даже в самого князя:

«Хотел я натянуть я ведь тугой лук,
Стрелить во гридни я ведь во столовые,
Убить-то князя ище со княгиною»¹.

Если Илья не выполнил своего намерения, то только из-за навязанного певцам религией мнения, что людей княжеского и царского происхождения «не казнят и не вешают», ибо власть их от бога.

Неплохим отражением общественных отношений киевского периода и их дальнейшей эволюции является один из наиболее интересных былинных образов — образ самого стольно-киевского князя Владимира. Кажется, что его классовый смысл, при всех имеющихся в нем напластованиях, совершенно ясен. Этому образу в последнее время, в общем, дается правильная оценка².

В основе образа Владимира, можно считать безусловным, лежит исторический прототип — Владимир I Святославич, эта самая выдающаяся в истории древней Руси личность. Отношение народа к образу Владимира первоначально должно было быть положительным; это подтверждается существованием таких эпитетов Владимира, как «красное солнышко» и «ласковый», которые не могли бы превратиться в постоянные, не опираясь на действительные чувства народа.

Время Владимира Святославича было временем наибольшего расцвета могущества Киевской Руси, ее «кульмиационным пунктом». Феодальная раздробленность, усобицы, наступившие впоследствии, тяжело отразились на жизни народа и были причиной того, что время Владимира с его кипучей деятельностью и частыми победами над различными врагами Руси начало представляться народу как лучшая эпоха в истории страны, своего рода «золотое время». Популярность Владимира в народе до некоторой степени объяснялась и его относительно демократическим происхождением по материин-

¹ Соколов-Чичеров, стр. 99; ср. Рыбников, т. II, стр. 103.

² В частности, правильно критикует В. Я. Пропп теории, согласно которым образ Владимира просто идеализирован эпосом; Пропп видит в этом образе черты классовых противоречий эпохи (Русский героический эпос, стр. 317 и далее).

ской линии, отразившимся, между прочим, в истории его женитьбы на дочери родовитого князя Рогволода. Очевидно немалую роль играл и некоторый гуманизм Владимира, который выявился в его мягкости по отношению к разбойникам (летописец объясняет это отношение влиянием христианства). Популярность Владимира связана с его пирами, которые (если верить летописям) привлекали сравнительно широкие слои населения, наконец, может быть и с его довольно буйным, ничуть не христианским образом жизни, который поругивает летописец, но который мог импонировать молодежи и был более близок дохристианским воззрениям.

Уже в период Киевской Руси в образе Владимира должны были отразиться и иные черты. Некоторые из них должны были появиться ввиду совпадения его имени с именем таких, тоже популярных князей, как Владимир Мономах и Владимир Василькович Волынский. Мнение В. Миллера об отражении трех выдающихся Владимиров киевского периода в образе былевого Владимира-Красное солнышко имеет серьезные основания¹. Престиж Владимира Мономаха стоял очень высоко, это не требует доказательств. Популярен был до некоторой степени и Владимир Василькович, которому летописец посвящает особо торжественный и прочувствованный некролог. Образ этого Владимира, как думает В. Миллер, мог отразиться в былинах о Дунае (исторический Дунай был воеводой на службе Владимира Васильковича). Черты этих Владимиров должны были усилить положительную сторону облика былевого столично-киевского князя.

Совершенно ясна и еще одна из причин, обусловливавших положительность основного облика былевого Владимира. Народ, стремясь к укреплению единства Русской земли и обузданию феодалов, естественно, должен был (особенно в период феодальной раздробленности и потом, в XVI в.) изображать власть Владимира как власть могущественную; эта могущественность центральной власти в такое время была до некоторой степени выражением народных чаяний. По таким же причинам положительно изображались в позднем русском эпосе Иван Грозный и Петр I, король Матей Корвин в

¹ В. Миллер, очерки..., III, стр. 34—41, 52—53, 55.

венгерском, словацком и др. эпосах, Карл, король Франции — в эпосе французском. Эти же причины, вероятно, обусловили и положительность в киргизском эпосе образа такого властителя, как Манас.

Положительность образа былевого Владимира в период его возникновения редко отрицалась, часто она утверждалась совершенно категорически. Положительность образа Владимира подтверждается и наличием на окраинах Руси легенд о нем. Одна из таких легенд была зафиксирована известным венгерским писателем Бела Иллешем в горах Закарпатья. В ней говорится о том, что «Русины ждали помощи от какого-то Владимира». Он «принц» и живет в городе Киеве. Владимир убил в поединке змея, который пожирал девушек, портил скот и угрожал уничтожением всему народу. «Если бы этот Владимир узнал, в какой нищете живут русины под Карпатами!»².

Известно, что современный образ былевого Владимира не является положительным. У него много отрицательных черт, и эпитеты Владимира противоречат содержанию образа. Владимир с плохой стороны изображен во многих вариантах сюжета былин о «Даниле Ловчанине», о женитьбе Добрыни. Положительных героев былин — Илью Муромца, Сухмана и др. он безвинно заточает в поруб. В ряде текстов он изображен как грозный жестокий тиран, которому богатыри боятся сказать правдивое слово. Он окружил себя князьями-боярами «косопузыми», с которыми думу думает, а они — злые врачи народа и богатырей. Естественно возникают острые конфликты между такими представителями масс, как Илья Муромец, Василий Игнатьевич, Добрыня (в былине о женитьбе Алеши), Сухман, Самсон и другие богатыри, и Владимиром с «князьями-боярами» — с другой стороны.

Противоречия в образе Владимира подметили уже Белинский³ и Добролюбов⁴. Отмечали их позже и

¹ Н. Костомаров. Предания первоначальной русской летописи... Собр. соч., СПб, 1905, т. XIII, стр. 367. Б. Рыбаков, Культура древней Руси, изд. «Знание», 1956, стр. 26.

² Бела Иллеш. Костры на Верховине, изд. «Молодая гвардия», 1939, стр. 12.

³ В. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 364.

⁴ Н. Добролюбов. Поли, собр. соч., в 6 томах, т. I, 1943, стр. 220.

В. Миллер¹, Н. Дашкевич², С. Шамбинаго (в названной выше работе), но убедительного разъяснения происхождения этих противоречий мы не получили. В. Миллер пытался пояснить их влиянием образа иранского эпоса Кейкауса, Шамбинаго — влиянием черт Ивана Грозного, Дашкевич — вообще чертами московских царей.

На самом деле причины противоречивости образа былевого Владимира коренятся уже в общественных отношениях времени его создания. Иначе говоря, этот образ должен был быть до некоторой степени противоречивым уже в период Киевской Руси. В это время существовали условия, которые должны были стимулировать возникновение отрицательных черт в образах князей.

Прежде всего необходимо учесть, что уже во времена Киевского государства, не говоря уж о периоде феодальной раздробленности, народ ненавидел весь княжеско-боярский правящий слой. Принимая во внимание это основное отношение народа к князьям-боярам, мы должны понять, что даже образ положительного представителя этого класса не мог не отразить отрицательного отношения народа ко всему слою, либо народ должен был превратить героя в представителя иного класса (как это произошло с образом Добрыни). Владимир по самому своему mestu в былинных сюжетах не мог изменить своего социального положения и поэтому должен был принять на себя печать своего класса. Кстати, деятельность самого Владимира Святославича имела и такие стороны, которые могли не нравиться некоторым слоям населения; в частности, как известно, принятие христианства вызывало в определенных кругах народа недовольство и сопротивление.

Иными словами, в образе Владимира в различных местных вариантах уже в период Киевской Руси могли быть и отрицательные элементы. Но главное, разумеется, не в этом. Главное, что на образ Владимира должно было постоянно наслаждаться многое из того, что думал народ о своем господствующем классе. А он считал этот класс угнетателями и усобниками, чувствовал на себе их жестокость, гнет, видел коварство, корыстолюбие, равнодушие к судьбам земли Русской и ее населения.

¹ В. Миллер. Экскурсы, М., 1892, стр. 23.

² Н. Дашкевич. Отчет..., СПб, 1895, стр. 17—23.

наконец — трусость некоторых из них (этим, например, прославил себя новгородский князь Всеволод Мстиславич). Напластование на образ Владимира должно было ускориться и облегчиться благодаря еще естественной циклизации былин, в процессе которой образы различных князей сливались. Впоследствии на образ былевого Владимира должны были наслаждаться наблюдения народа над своими властителями — «немилостивыми государями», но эти наблюдения присоединились к подготовленной уже в раннефеодальном обществе основе.

Приступим к краткому обзору других отражённых в былинах социальных отношений, а также социальной терминологии, которые доказывают принадлежность былевого эпоса к периодам Киевской Руси и феодальной раздробленности. Не будем останавливаться на чисто бытовых данных: деталях домашней обстановки, архитектуре и т. п.

Много раз указывалось, что изображение в былинах *княжеской* власти на Руси является совершенно определенной чертой домосковского периода. Известно, что ни в одной былине (если не считать позднего «Бутмана») нет образов русского царя, хотя бы в виде лишенного индивидуальных черт правителя. Встречающееся иногда в былинах наименование русского правителя царем является явным анахронизмом, часто явной оговоркой — результатом трехсотлетнего бытования жанра при царизме. В количественном отношении употребление в былинах (по отношению к русскому властелину) терминов «князь» и «царь» совершенно несравненно. Титул «царь» применяется почти исключительно к властителям зарубежных стран; в применении к русскому правителю он употребляется явно случайно. То же относится и к области эпитетики, например, киевские палаты почти всегда называются «княженецкими», а не «царскими»¹. Выходит, что в общем в былинах не произошла замена князей царями, несмотря на то, что в сказках, как известно, безраздельно господствуют именно цари и царевичи.

Былины сохраняют последовательно изображенную в них Русь, как страну, где правят князья и бояре, а не

¹ См. Н. Васильев. Указатель к «Онежским былинам», СПб., 1909, стр. 85; Марков. Указатель к «Беломорским былинам», стр. 589.

царь и дворянство. Характерно, что звание «дворянин» и эпитет «дворянский» почти не встречаются в былинах. Дворянское сословие здесь ни в малой мере не вытеснило бояр, и дружины не вытеснены стрельцами (которых почти нет в былинах). Уже одно это является прекрасным доказательством того, что былины не были радикально переделаны в позднее время (с середины XVI в.).

Как известно, на Руси в раннефеодальный период наряду с властью княжеской, значительную роль продолжала играть также и местная власть, имевшая свои корни еще в предшествовавшей эпохе и обозначавшаяся термином «старцы». Они играли не последнюю роль в политической жизни Киевской Руси. Их считают родоплеменной знатью, выраставшей в крупных землевладельцев, или потомками племенных князей. «Старцы» и «старцы градские» весьма часто упоминаются в летописях и других документах (детальный разбор происхождения термина «старцы» см. у П. П. Якубинского¹). «Старцы» играли, вероятно, особенно большую роль в небольших городах.

Удивительно, что до сих пор не было обращено внимание на отражение в былевом эпосе этой формы древнейшей государственной власти, между тем она выступает совершенно явственно в отдельных произведениях. Так же вскрывается в былевых текстах и термин «мужи».

В былине «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» Илья перед подвигами, между прочим, освобождает город Чернигов или Себеж, осажденный врагами. Во главе толпы освобожденных жителей, выходящей навстречу герою, идут городские власти. Изредка это черниговский или какой-либо другой князь, черниговский воевода², но чаще всего встречают Муромца просто «мужички да тут черниговски»³. Под этим последним наименованием можно предполагать не просто обычное и позднее название жителей Чернигова крестьянином-певцом, но стертое временем указание о *мужах черниговских* городских. «Муж», как вольный родович, потом вольный дружиинник,

¹ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953, стр. 54.

² Киреевский, I, стр. 36.

³ Гильфердинг, II, № 74; также Астахова, т. II, № 131, т. I, № 32; Григорьев, II, № 73 и 85.

участник ополчений, является синонимом слова «хоробр». Должен напомнить, что нередко в источниках термин «мужи» употребляется даже в значении «бояре». Н. Дашкевич указывал, что нет особого различия между употреблением терминов «галицкие мужи» и «галицкие бояре»¹. В таком смысле упоминаются в былине о Василии Игнатьевиче «киевляна», которые требуют на своей раде от Владимира выдачи героя врагам. «Киевляна» здесь те же бояре, ненавистью к которым проникнуто все произведение.

Только понимая под словом «мужички» в приведенном выше тексте былины об Илье Муромце и Соловье именно правящее сословие, можно объяснить тот факт, что черниговские мужички этой былины имеют какое-то право приглашать Илью Муромца стать у них в городе воеводой², либо в какой-нибудь иной форме предлагать ему принять военную власть в городе. Нередко «мужики» детализируют свое предложение:

«Ай же ты, русский могучий богатырь!
Стань-ко к нам суды судить.
Суды судить да ряды рядить»³.

С этими «черниговскими мужичками» следует сопоставить «мужиков киевлян» «Сказания о трех богатырях», сюжет которого в основном передает былину о Потыке. В отсутствие героя князь отдает его жену Марью Кощею по решению «всего города», «мужиков киевских»; «отдали жену ево руками киевляне»⁴. Думаю, что так же следует объяснить и образ «мужиков новгородских», избиваемых Василием Буслаевым, которому певцы былин сочувствуют, может быть, именно не только за его молодчество, но и за расправу с привилегированным слоем населения. Именно исчезновение впоследствии старого значения термина «муж» и его дальнейшее переосмысление в «мужик» и привело, может быть, к не-

¹ Н. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого, К., 1873, стр. 22 и др.

² Астахова, II, № 131; I, № 32; Соколов-Чичеров, № 96, 104.

³ Рыбников, I, № 61. Почти в тех же выражениях в вар. Соколов-Чичеров, № 199. Ср. еще Рыбников, II, № 127.

⁴ Сказание о трех богатырях земли светорусские, рукопись конца XVIII в. Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. Астахова, В. Митрофанова, М. Скрипиль. М.—Л., 1960, стр. 168.

которой затемненности социального значения образа Василия Буслаева.

Однако возвратимся к эпизоду освобождения города Чернигова Муромцем.

Эта былина имеет и еще более интересные варианты, нежели тексты с «мужиками». В некоторых из них, например, навстречу Илье после освобождения Чернигова выходят «старички тут черниговски»¹, которые и приглашают его: «живи-тко у нас полным хозяином», т. е. согласно другим вариантам былины, предлагают ему стать воеводой, что является вполне естественным предложением, ввиду отсутствия в городе князя и воеводы. С этой былиной можно сопоставить одну из побывальщин сборника Сахарова. Здесь Илья, освободив «чуден град Чернигов», входит на княжий двор, где отдельно выстроены «стары старики» и отдельно — «добры молодцы»². Сахаров, как известно, переделывал тексты и, вероятно, он, не понимая образа старцев былины, превратил их в старичков, в связи с чем выделил и еще одну возрастную группу «добрых молодцев». Впрочем, с другой стороны следует учитывать и факт разделения боярства на категории «старых» и «молодых»³.

Отражение ранней формы государственной власти — старцев градских можно видеть и в редкой былине о Сауле Леванидовиче. Молодой сын героя — Константин Саулович отправляется следом за отцом в Половецкую землю. По дороге он вступает в конфликт с угличанами⁴. Как изображены здесь городские власти?

В тексте былины нет никаких указаний на присутствие в городе такого правителя, как князь или царь. Здесь действуют персонажи, названные «мужиками» (т. е. мужами, решение которых в былинах означает решение веча) и «стариками». Городские власти пустились на хитрость:

«А уgliцки мужички были лукавые», —

¹ Гильфердинг, III, стр. 95.

² Сахаров. Русские народные сказки, СПб, 1841. Перепечат. Киреевский, I, см. стр. VIII и IX.

³ См. Летопись по Ипатьевскому списку под 1289 г. Ср. В. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. изд. АН СССР. 1950, стр. 147.

⁴ Никаких черт исторического Углича в этом городе нет. Под угличанами могут скрываться, например, уличи и уличи.

не впуская молодого нахальщика в город, они с городской стены притворно предлагают ему принять власть, которой, якобы, в их стране нет:

«А и нету у нас царя в орде, короля в Литве,
Мы тебе поставим царем в орду, королем в Литву»¹

По сути здесь выражено обычное в условиях раннего феодализма предложение местных властей принять княжескую, т. е. в первую очередь военную власть в городе и в волости.

Угличане коварно заточили богатыря в поруб, изображенный, кстати, довольно точно. Тогда его отец потребовал у «мужиков угличан» освобождения сына. Те, было, «заздорили», заявляя, что здесь такого и не бывало. Но тут, вместо «мужиков» появляются уже «старики»:

«Старики тут вместе соходилися,
Они думали думу единую,
Выводили тут удала добра молодца
Из того ли погреба глубокого...»²

В наказание за заточение сына Саул Леванидович —

«Приказал казнить и вешати,
Которые мужики были главные во Угличе».

Такую же руководящую роль в городе имеют «старики» и в другом варианте былины, имеющемся у Киреевского³, несмотря на то, что оба варианта весьма отличаются своим сюжетом. Ясно, что данная былина могла создаться лишь в ту эпоху, когда на Руси существовала не только княжеская власть, но и местная власть «старцев градских». Легко заметить, что форма власти в этом городе резко отличается от властей, изображенных в большей части былевых городов и стран, где она принадлежит обычно одному лицу — князю или царю. Старики углицкие, которые решили дело, идя вразрез с действиями «мужиков», т. е., вероятно, веча, — это старцы градские, которые в устном бытованиян затемнились обычными стариками.

¹ Кирша Данилов, стр. 175.

² Там же, стр. 177—178.

³ П. Киреевский, вып. 3, стр. 113—116.

Что здесь мы имеем дело не с единственным случаем подобного затмения власти «старцев городских», свидетельствуют и образы украинского колядного эпоса. В некоторых колядках изображено заселение трех сел освобожденными из плена людьми. Одно село заселено старыми людьми, другое — молодцами, третье — девушками. Все они занимаются обычным для них делом, в частности старые люди — «суды судят»¹. Естественно, что вместо таких «стариков» в некоторых модернизированных вариантах появляются паны, которые суды судят².

Выходит, таким образом, что изменение образа в рассмотренных былинах имело отправным пунктом забвение первоначального значения отмершей социальной категории, после чего она была переосмыслена в результате подмены повседневным и общественным понятием.

Одной из характерных особенностей раннефеодальной эпохи, нашедшей широкое отражение в былинах, является княжеская дружина. Древняя русская письменность любуется образом Владимиrowой дружины. Летописи определенно заявляют, что Владимир «любя дружину, и с ними думая о строи земленем и о ратах и о уставе земленем»³.

Данные «Повести временных лет» дополняются рядом позднейших материалов, которые частично, вероятно, опираются на народно-поэтические данные. Никоновская летопись в специальной статье под заголовком «Богатыри» сообщает о подвиге Александра Поповича и Яна Усмошвеца и организации Владимиром по поводу этой победы большого празднества⁴. О храбрых, удалых и сильных богатырях Владимиrowых и о геройстве Поповича пишет автор обширного жития князя Владимира, относящегося к XVI в.⁵. Данные устной традиции о бога-

¹ Я. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, III, в. 2, стр. 131. Ср. П. Чубинский. Труды, т. III, стр. 431—432; В. Гнатюк. Колядки і щедрівки, I, стр. 243; Головацкий, указ. труд, II, стр. 11, № 15. Ср. белорусск. веснянки в сб. З. Радченко, Гомельские нар. песни, стр. 26, № 65; стр. 3, № 7.

² Б. Гринченко. Этнографические материалы, III, стр. 9, вар. Г; ср. стр. 8, вар. А.

³ Летопись по Лаврентьевскому списку, 1872, стр. 124.

⁴ Летописный список, именуемый Никоновской летописью, ПСРЛ, т. IX, СПб, 1862, стр. 67.

⁵ См. А. Соболевский. К истории русских былин, ЖМНП, 1889, июль, стр. 15—19. Это житие, написанное по приказу Грозного, дошло до нас только в списке Милютинских Четьих-Миней.

тырях Владимира отражает и белорусская статья начала XVI в. «О начальстве русских земель». Как считает Соболевский, это известие взято автором не из летописи, а из белорусских народных песен его времени¹.

Все указанные письменные известия, опираются ли они непосредственно на устное предание или на какие-либо другие данные, свидетельствуют во всяком случае в достаточной мере о том, какую роль играла, особенно при Владимире Святославиче, дружины. Наличие такой устной традиции о Владимировой дружине, выделяющей именно ее, подчеркивающей ее особые качества, не может быть случайным. Эта традиция должна была опираться на вполне реальную основу. Образы богатырей современных записей являются, разумеется, развитием данной традиции, имеющей, как сказано, такую реальную историческую основу в прошлом.

Образ княжеской дружины, несомненно, претерпел значительную эволюцию в своем развитии и отражает разные стадии существования этого общественного института.

Образ киевского князя Владимира, пирующего и совещающегося со своей дружиной, вполне соответствует подобным картинам, рисуемым летописью². Согласно былинам, здесь на пиру князь советуется с дружиной, здесь решаются вопросы международных отношений, формируются посольства, обсуждаются условия различных военных походов, здесь находит свое выражение постоянное общение князя и дружины, решаются важные семейно-бытовые вопросы как князя, так и дружинников. Именно такое положение на княжем дворе занимают основные герои эпоса — Илья Муромец, Добрыня, Алеша Попович, Михайло Данилович и его отец, Михайло Потык, Дунай, Василий Казимиров, Данило Ловчанин, Сухман, до некоторой степени — Василий Игнатьевич. Они выполняют различные обязанности: ездят с различными поручениями, являются стольниками и другими ответственными лицами при дворе, доставляют дичь к столу, главная их обязанность — защита города от вражеских нападений. Дружинники — былевые богатыри

¹ А. Соболевский. Указ. работа, стр. 17.

² Совещания князя с дружиной см. Повесть временных лет под 971, 1103, 1111 гг., Поучение Мономаха и др.

живут при дворе князя или во всяком случае, как правило, не являются правителями земель. Это своего рода вассалы без ленов.

В отношениях былинной дружины (богатырей) с князем сохранилось немало патриархальных черт, что было вполне естественно для военной демократии. Эти черты указывались многократно, однако необходимо отметить и другую сторону вопроса.

Что отношения дружины с князем были далеко не всегда безоблачны и гармоничны, многократно засвидетельствовано историей. Известны случаи, когда целая дружина отказывалась служить князю. Отход от князя для службы в другой дружине был нередок и не считался изменой. Конфликты друдинников с князьями были также нередки. Выходит, что корни описанных в былинах конфликтов богатырей с князьями следует искать не в поздней эпохе, как это делали многие исследователи, а там же, в той же Киевской Руси. Мы обязаны это сделать, если не хотим закрывать глаза на классовые конфликты раннефеодального периода, когда действия многих друдинников, не оторвавшихся еще от народной массы, выходцами из которой они были, могли отражать стремления трудовых слоев населения.

Образ богатырской дружины былин особенно соответствует именно периоду военной демократии, когда, очевидно, и создалась основа этого образа. Богатыри чувствуют себя относительно свободно при дворе, хотя позднейшие черты деспотизма и всесилия князей и царей, известная народу приниженность царедворцев по отношению к царю, не могли не влиять на трактовку образов богатырей, беседующих с князем. Богатыри чувствуют свое значение при дворе, ибо здесь господствует психология людей военной демократии, гласящая, что мужи, лучше злата, «мужи бо ся доищют и больше сего»¹. Многие из богатырей, особенно Илья Муромец, Василий Игнатьевич, иногда Добрыня ведут себя довольно независимо. В отдельных вариантах богатырская дружина принимает участие в управлении, например, «накидывает» службу на Михаила Потыка², Добрыню³.

¹ Лаврентьевская летопись, 1872, стр. 192—193.

² Гильфердинг, т. I, стр. 467.

³ Соколов-Чичеров, стр. 598.

Иногда в былинах изображается распределение добычи после похода:

«Дружина моя добрая, хоробрая! —

говорит Вольга, —

Станем-те, теперь полону поделять!
Что было на делу дорого,
Что было на делу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А вострые сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
Палицы булатные по три рубля.
А то было на делу дешево — женский пол.»¹

В этом образе можно разглядеть воспоминание о разделе дружиинниками воинской добычи, в том числе и рабынь.

В последующем своем развитии образ дружины, изменяясь, должен был отразить включение в нее феодалов, владельцев крупных земельных угодий (крупные поместья известны на Руси уже в X в., XI и XII вв. дают уже богатый фактический материал). И действительно, в дружины входит Чурило, крупный феодал, являющийся в то же время подданным Владимира, приезжий феодал Дюк и черниговский феодал Ставер.

На следующем этапе развития былевого эпоса, кроме состоящей из богатырей дружины, на княжьем дворе все большую роль играет еще одна социальная категория — бояре. Они изображаются в былинах всегда отрицательно и объединяются часто с бессмыслящими князьями в единую категорию «князья-бояре», против которой и направлена классовая ненависть народных певцов. Эта категория правильно называется в былинах «думными боярами»²; с ними вместе судит Владимир преступки богатырей. В социальных конфликтах былин эта враждебная народу сила играет большую роль, но характерно, что былины не рисуют широко ни одного конкретного представителя этой категории. Впрочем, былевой эпос вообще не любит детализировать образы отрицательных персонажей.

¹ Гильфердинг, т. II, стр. 174.

² См. Григорьев, т. III, стр. 608.

Характерной чертой эпохи было дарование городов и сел боярам и князьям-вассалам. В науке, исторической и фольклористической, многократно указывалось на весьма широкое отражение этого явления в былинах. Дарение городов с пригородками и сел с приселками в былинах является прежде всего проявлением расположения Владимира к герою. В отдельных случаях это «дарение» ограничивается лишь правом сбора дани, например, в былине о Вольге, и это явно черта более ранняя по сравнению с теми случаями, где «дарение» означает уже переход города или села в полную собственность феодала.

Мы видели, как переосмыслен в бытовом аспекте, упрощен и забыт в былинах социальный термин — «старцы градские». Так же забыт и переосмыслен и термин «дети боярские», означавший большую категорию живших при княжем дворе людей¹. Переосмыслен и термин «детский» — «отрок княжеский»², «должностное лицо при княжеском дворе»³. Эти термины встречаются и в былинах. В беломорском варианте былины о ссоре Муромца с Владимиром Илью — могучего богатыря сажают не на почетное место, Владимир

«Посадил ево со малыма с ребятками,
Со tema-ли со детьми, детьми боярскими»⁴.

Ясно, о каких «малых ребятках» идет здесь речь.

Эти дети боярские встречаются в былинах часто в связи с какими-то «детскими», но вовсе не детскими по сути дела «шуточками» богатыря. Занимался такими «шуточками» Константин Саулович. Когда исполнилось Константинушке десять лет, стал он по улицам похаживать, с ребятами «шутку шутить», с ребятами, —

«С усатами, с бородатами,
А которые ребята двадцати годов,
И которые во полу-тридцати;
А все ведь дети княжецкие,
А все то ведь дети боярские,
А все то ведь дети дворянские,
Еще ли дети купецкие...»

¹ Г. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России, М.—Л., 1937, стр. 97.

² И Срезневский. Материалы для словаря..., т. I, столб. 798.

³ А. Кочин, указ. работа стр. 98.

⁴ А. Марков. Беломорские былины, № 44.

Одному из них он руку оторвет, другому — ногу и т. п.¹.
То же делают Добрыня и Буслаев с боярскими детьми².

Менее опасны забавы едущего по полю Подсокольника, сына Ильи:

«А богатырь-то ездит, забавляйтце
Онь как детским-боярским забавами», —

он мечет палицу сорока пудов и подхватывает ее, не слезая с коня³.

«Шуточки» богатырей были осмыслены как детские забавы поздними певцами, между тем как шутки эти вовсе не детские, а являются отражением молодецких соревнований «детей боярских» и «детских», дружинников-отроков на княжем дворе и в поле. Можно заметить попытки певцов назвать их «дворянскими утехами»⁴ и это, нужно сказать, более близко к первоначальному значению «шуточек», нежели осмысление «детей боярских» как детишек, над которыми «уродствует» герой. Образы «детей боярских» появляются не в одной былине, они входят в постоянные места былин и не только в описания богатырских «шуточек».

В Киевской Руси каждый феодал имел собственную дружины. В полном соответствии с этим, согласно былинам, имеют дружины не только сам Владимир, и не только другие князья, например, Вольга и Волх, но и все другие феодалы-вотчинники⁵: Ставер, Чурило и некоторые другие былевые персонажи, как например, Василий Буслаевич. Имеет особую дружины и княгиня, что тоже соответствует исторической действительности. Владимир говорит Ивану Годиновичу:

«Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто,

¹ К. Данилов, стр. 171. Ср. Григорьев, II, стр. 380; III, № 42, 55, 101.

² Астахова, I, стр. 339; Рыбников, II, № 150.

³ Марков, № 4.

⁴ Григорьев, III, стр. 610.

⁵ Это было указано еще Майковым. Отражение данной исторической особенности в былинах отмечалось и в исторической литературе (Б. Греков, Киевская Русь, 1953, стр. 300).

У себя, Иван, третье сто,
Поеzzай ты о добром деле — о сватанье»¹.

Иногда в исследованиях игнорировался тот факт, что кроме не входящих в киевский (Владимиров) былевой цикл новгородских былин («Садко» и «Василий Буслаев»), имеется еще немало произведений, не примыкающих ни к тем, ни к другим. В этих былинах изображены другие русские князья: Вольга, Волх, Роман, Глеб Володьевич, Саул Леванидович. Характерно, что они имеют именно князьями, представителями правящего общественного класса в указанную эпоху. Каждый из них обладает своей волостью (или уделом). Вероятно одну из обычных ситуаций, складывающихся при введении князя в управление уделом, рисуют былины о Вольге и Микule. Курчовец, Ореховец и другие города получены Вольгой в удел от «Владимира стольно-киевского». Вольга приходится Владимиру «племянником», т. е. просто родственником, хотя Владимир назван в тексте и «дядюшкой»², Владимир превратился в «дядюшку» только потому, что имеет «племянника». Фактически вступить во владение уделом оказалось для Вольги не таким легким делом. Население отказалось принять нового князя, и Вольге пришлось искать помощи. В некоторых вариантах этой былины изображен и отказ городов платить дань Киеву³ и усмирение их⁴.

Нечего и говорить о том, что Запава Путятишна былин о Соловье Будимировиче, Добрыне-змееборце и др. названа «племянницей» Владимира в том же смысле этого слова⁵. Она не дочь Владимира, она — «дочь Путятинова», живет в «садочке Путятинова», и в то же время является Владимира «любимой племянницей»⁶. О Путяте — воеводе Святополка говорят летописи⁷. Былины, может быть, настойчиво свидетельствуют о каком-то родстве рода Путяты с родом Владимира.

¹ Кирша Данилов, стр. 97.

² Гильфердинг, III, № 255; Былины Пудожского края, стр. 128.

³ Гильфердинг, I, стр. 512.

⁴ Там же, III, № 255.

⁵ Там же, II, стр. 468. Киреевский, 2, стр. 26.

⁶ Там же, III, стр. 24, 26, 27. Впрочем, по Татищеву (III, 234) Запава — дочь Ярослава Всеволодовича.

⁷ ПСРЛ, т. 25, стр. 23.

Интересно, что очень точно слово «племянница» применено не по отношению к Запаве, а к Анне — дочери Владимира, в одной редкой былине:

«У того-то у князя у Владимира,
У того-то бы есть нынче племянница,
Кабы та-же-ли Анна княжнецька-дочь»¹

Кроме князя «столично-киевского», былины упоминают многих князей: черниговских, северских, новгородских, московских, литовских и др. и почти всегда термин «князь» употребляется правильно, в связи с действительно столичными городами. Известно былинам и о вассальных отношениях между князьями; упоминаются «подданые» и «подколенные»:

«Так тут князь Владимир столично-киевский
Со всеми князьями подколенными
Пошли на широкий двор»...²

Порой одно только, будто вскользь брошенное в былине слово, открывает нашему взору бездну классовых противоречий периода раннего феодализма. Достаточно напомнить, с каким презрением говорят бояре об Илье Муромце, впервые появившемся при дворе, называя его «мужиком-деревенщиной». Добрыню, пришедшего на пир под видом скомороха они презрительно называют «молодой холопиной боярской»³. Иной раз сам лексический материал свидетельствует о том, к какой эпохе относится изображаемый здесь классовый антагонизм. Тугарин, раздраженный ядовитыми репликами Алеши Поповича, кричит князю:

«Да што у тя на запечье за смерд сидит,
Да смерд-от сидит, да за засельшина?»⁴

В отдельных вариантах «смерд» уже был осмыслен как совершенное ничтожество и заменен «сверчком»:

«Что у те, князь, за пешным столбом,
Что за сверчок пищит?»⁵

¹ Ончуков, № 73. О термине «племянник» см. работу В. Н. Васильева «Беломорская былина и повесть петровского времени», «Этн. обозрение», 1904, № 3, стр. 59—60.

² Астахова, II, стр. 179; Ср. Рыбников, I, стр. 38, Ср. Гильфердинг, II, стр. 14.

³ Соколов-Чичеров, стр. 239. Последние выражения, разумеется, относятся и к более позднему периоду.

⁴ Ончуков, стр. 335.

⁵ Тихонравов и В. Миллер, стр. 95.

Сколько барского презрения к крестьянству в этом вопросе!

Такой же ненавистью и презрением отвечают крестьяне князьям-боярам. «Ты не знайся, сирота, со боярами»¹, советует Добрынюшке его матушка, боясь за его судьбу. Слово «сирота» означает не только сироту в современном значении слова, но просто — крестьянина и слугу; вероятно именно таких сирот имеют в виду богатыри; говоря: «Защищать мне надуть сирот да бесприютных»². Впоследствии эти «сироты» должны были быть осмыслены в бытовом плане.

Образы духовенства играют малую роль в былинах, и вообще роль христианских мотивов во всей образной системе былин относительно невелика. Это может рассматриваться также как косвенное доказательство создания основного ядра русских былин в дохристианское и раннехристианское время, когда новая религия еще не проникла глубоко в народное мировоззрение и народный быт. В этом отношении былины, опять-таки, близко стоят к «Слову о полку Игореве».

Что касается отражения в былинах экономического уклада и трудовых процессов, то они исследовались рядом историков в советское время. Неоднократно указывалось на отражение развития земледелия данной эпохи в известном образе пашущего Микулы Селяниновича³. Отмечалось отражение подсечного земледелия в былине об исцелении Ильи, где герой помогает родителям вырывать из земли «дубье-колодье», оставшееся после выжигания леса. Сам процесс рубки деревьев для будущей пашни в этой былине также отражен. На вопрос исцеленного Ильи к родителям, что они теперь делают, он слышит такой ответ:

«Ай же ты, Илей, мы работаем луг и пожню,
Чистим луг-пожню за три поприща от дому»⁴.

Напомню, между прочим, что под лугом здесь пони-

¹ Былины Пудожского края, стр. 390.

² Астахова, II, стр. 398.

³ См. Б. Греков. Киевская Русь, 1953, стр. 67. История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр. 61.

⁴ Гильфердинг, II, стр. 315.

мается лес; отсюда и известный постоянный эпитет украинского фольклора «темный луг»¹.

Илья отправляется на место работы, «на займище» и, узнав «по которых мест межа», захватил

«лесу кусту в пясть,
Отрубил лесы дремучии по корешку,
Бросил на место на пристойное»...²

В наиболее точном смысле изображен весь этот процесс подсечного земледелия в одной из новых кенозерских записей былины:

«Да приходит на пожню цистити.
Отець его топором сикет, да на огонь кладет,
Да пополам, да на три цестій.
А Илья Муромиць топоришко, ён, да бросил,
Он приходит к елкам, да к этим ельникам,
Елку захватит да одною рукой,
Да нагнет дерево с кореньями,
Да понесет эту елку, на огонь кладет»³.

Указывались уже наукой эпические отголоски труда по проведению дорог: Илья «Сыры дубы рвёт, Верстыевые столбики он повыставил, Калиновы мостики повымостили»⁴. В большом количестве вариантов речь идет о мощении мостов через болота, т. е. об укладке деревьев на землю. Так именно рисуют былины о Соловье-Разбойнике Илью Муромца, ведущего за повод коня и в то же время мостящего мосты через болото; он «дубье-колодье рвет, да мосты стелет»⁵. Значение проведения новых путей и их охрана нашли, в общем, широкое отражение в былинах.

Что касается отражения в былинах значения торговли в Киевской Руси, особенно в Новгороде, то об этом писалось немало. Особенно хорошо отражена торговля в былинах «Соловей Будимирович» и «Садко».

¹ Б. Гринченко. Словник української мови, К., 1928, т. III, стр. 224. (Луг — «лес на низменности, низменность — поросшая лесом».)

² Гильфердинг, II, стр. 305.

³ Соколов-Чичеров, стр. 846; ср. Ончуков, № 19; Астахова, I, № 93.

⁴ Астахова, I, № 69; ср. 93.

⁵ Рыбников, I, № 61 и мн. др.

Отметим, между прочим, изображение в былинах такого характерного эпизода, как обращение корабельщиков, ограбленных и заключенных в тюрьму в чужом городе, за помощью к своему князю («Глеб Володьевич») ¹.

Кое-какие социально-экономические особенности эпохи отражены и в тех кратких, но довольно постоянных образах, с помощью которых былины рисуют победу над вражеским городом и обогащение победителя. Так, Потык берет в полон «лучшую силу», красно золото в возы кладет, скатен жемчуг гонит телегою, добрых коней гонит табунами, отделяет в своем полоне девушек, молодиц и старых женщин ².

Так же распределяют захваченных женщин на такие же три группы и братья Ливики, захватив Обранский город (Брянск) ³, и Илья Муромец после разгрома разбойниччьего гнезда ⁴.

Неплохо отражает некоторые экономические особенности эпохи и перечисление тех даней, которые должны отвозить герои в чужую землю или наоборот, получить там. Среди товаров, упоминаемых при описании даней,ходим соколов, кречетов, жеребцов, черных соболей, молодцев, девушек, штуку чиста серебра, кипу красна золота, мису жемчуга. Товары часто считаются сороками (сорок черных соболей и т. п.) ⁵. Отметим, что среди этих товаров имеются рабы.

Все предметы, входящие в дани и в подарки, вполне в духе той эпохи, о которой идет речь. Следует подчеркнуть факт, что сам по себе бесконечно варьирующийся в былинах мотив отправления или получения даней является прекрасным выражением той эпохи, когда дани были одной из самых распространенных и типичных форм межгосударственных отношений.

¹ А. Марков, № 50. В результате новых находок и исследований в особенности А. В. Арциховского (см., например, Раскопки 1955 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1956, № 3) доказано, что своеобразие Новгорода преувеличивалось, он не был купеческим государством. Все же большая роль торговли в жизни города не отрицается.

² Ончуков, стр. 239.

³ Астахова, I, стр. 486. Ср. Былины Пудожского края, стр. 233.

⁴ Астахова, I, стр. 186.

⁵ Ончуков, № 65. Ср. С. Гуляев, Былины и песни Южной Сибири, Новосибирск, 1952, стр. 91.

Хорошо отразилась в былинах и характерная форма отношений между государствами, при которой посылавшиеся с дипломатическими заданиями послы должны были с абсолютной точностью заучивать и передавать в устной форме поручения своего властителя. (Согласно былинам, впрочем, не менее распространенной на Руси формой дипломатических сношений была письменная; в былинах часто речь идет о грамотах.)

Вражеские цари, по былинам, обычно присылают послов, которые в устной форме передают их требования. Калин-царь, посылая посла в Киев, «ему наказывал»:

...«полагай-то ты грамоту посыльную на золот стул,
И пословесно князю выговаривай:
«Очистил бы он улицы стрелецкия,
И все большии дворы княженецкие,
Чтобы было где стоять царю Калину
Со своею силушкой великою»¹.

Посол, выполняя указания Калина, «пословечно» выговаривает этот приказ. На первый взгляд в точном повторении слов послом можно видеть обычный для быловой поэтики прием повторения, однако на самом деле здесь отражено характерное для феодальной эпохи воспроизведение послом точного, полученного в устной форме, текста дипломатического документа.

Русские былины, как видим, изображают многие особенности социальных отношений периода Киевской Руси: классовые противоречия между княжеско-боярской верхушкой и народной массой, конфликты между боярством и молодой дружиной, вассальные отношения князей, отношения между князем и дружиной, деятельность местной власти — «старцев градских», веча, дипломатические и иные международные отношения, различные производственные процессы и некоторые экономические особенности эпохи.

---

¹ Рыбников, I, № 7.

Глава девятая
БЫЛЕВОЙ ЭПОС
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ
ПЕРИОДА КИЕВСКОЙ РУСИ

Если возникновение основного ядра русского былинного эпоса в раннефеодальный период признается очень многими исследователями, то, как мы видели, отражение в былинах конкретных исторических событий и исторических личностей нередко отрицается. Мы уже рассмотрели подобные воззрения и показали, что они не основаны на серьезной, опирающейся на факты, аргументации.

Исследованием отражения в былинах конкретных исторических событий занимались А. Майков, Н. Дашкевич, О. Миллер, М. Халанский, В. Миллер, И. Жданов, А. Марков, В. Соколов, А. Лященко, А. Веселовский (в «Южнорусских былинах») и некоторые другие. Обзор сюжетов, «которые могут быть возведены ко времени древнерусского раннефеодального государства», сделан в последнее время Л. С. Лихачевым («Возникновение русской литературы», М.—Л., 1952, стр. 65—75).

Более подробный обзор дан в коллективной трехтомной работе ленинградских фольклористов «Русское народное поэтическое творчество».

Больше других ученых над выяснением исторических событий, лежащих в основе былин, работал В. Миллер. В свете нашей темы значительный интерес имеют его работы о Добрыне и Дунае.

Что касается былины о змееборстве Добрыни, то, по мнению многих исследователей, она отражает роль исторического Добрыни во время крещения Руси; В. Миллер считал «несомненным», что основной сюжет былины «входил уже в состав древнейшего цикла Владимира, что имя былинного Добрыни и приписываемый ему эпосом подвиг змееборства имеет в основе предания о знаменитом воеводе Владимира Добрыне и об его подвигах». Многократно указывалась пословица «Путята крести мечом, а Добрыня огнем», отражающая деятельность Добрыни в христианизации Руси. Указывались и древнейшие предания, в которых язычество и Перун олицетворялись в образе змея¹.

Советские исследователи по-различному объясняют образ змея былины, но почти все связывают ее с историческим Добрыней. Д. С. Лихачев и А. М. Астахова считают, что былина отражает борьбу Добрыни с внешним врагом², другие, например В. Чичеров, относят ее к борьбе с язычеством³. И в том и в другом случае речь идет об отражении в былине событий XI в. и об историческом Добрыне как прототипе Добрыни-змееборца.

Еще более ценный исторический материал содержит былина о Дунае-свате, теснейшим образом связанная с Добрыней. Былину о Дунае, сватающем невесту для Владимира, Миллер рассматривал как произведение, в котором первоначально главную роль играл Добрыня (Добрыня выступает во многих вариантах этой былины) и лишь впоследствии он отошел на второе место в фабуле в результате слияния данного сюжета с былиной о женитьбе Дуная. Связь былины о сватовстве Дунаем (Добрыней) невесты для Владимира с хорошо

¹ В. Миллер. Очерки..., т. I, 146—148.

² Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, стр. 69—70; то же см. Русское народное поэтическое творчество, т. I, 196—198, А. Астахова, там же, I, кн. 2, 157.

³ В книге «Историко-литературн. сборник», стр. 16.

известным летописям событием — женитьбой Владимира на Рогнеде, полоцкой княжне¹, когда Добрыня (дядя Владимира по материнской линии) играл роль грозного свата, такую же, как в былине, совершенно очевидна. «Едва ли в каком-нибудь другом былинном сюжете, — писал В. Миллер, — можно наметить так убедительно, как в этом, связь с историческим преданием, и, кажется, все исследователи эпоса согласны с предположением этой связи»². Такого же мнения придерживались Л. Майков, М. Халанский, Ф. Буслаев и др. Почти все советские исследователи также склоняются к такому мнению об исторической основе былин о Добрыне-свате. Д. С. Лихачев пишет: «К числу былин, отразивших в своем составе сюжеты, восходящие еще к XI в.; бесспорно относятся две — «Добрыня-сват» и «Добрыня и змей»³. Доказывая, что «эпос сохранил и отдельные исторические факты, если только эти факты могли быть отобраны как типичные народным художественным сознанием», он ссылается именно на былину о Добрыне-свате: «К числу былинных сюжетов, возникших еще в XI в. на основе конкретных фактов истории, принадлежит известный сюжет о сватовстве Добрыней невесты для Владимира»⁴.

Многие советские ученые также придерживаются указанного взгляда на былину о женитьбе Владимира. А. М. Астахова считает, что сюжет былины «возник бесспорно еще в раннефеодальное время, в XI—XII веках, и связан с некоторыми историческими фактами XI века (сватовством князя Владимира к полоцкой княжне Рогнеде)»⁵. В. Базанов указывает, что «генетическая связь сюжетной канвы былины с историческим преданием не вызывает никаких сомнений»⁶, такое же мнение высказывают Э. В. Померанцева⁷ и Робинсон⁸. В. И. Чичеров

¹ Летописи повествуют об этом событии под 980 годом.

² В. М и л л е р . Очерки..., т. I, стр. 25.

³ Д. С. Л и х а ч е в . Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 65.

⁵ Русское народное поэтическое творчество, т. II, стр. 167.

⁶ В. Б а з а н о в . Народная словесность Карелии, Петрозаводск, 1947, стр. 92.

⁷ Очерки истории СССР, IX—XIII, М., 1953, стр. 211.

⁸ История культуры древней Руси, т. II, 1951, стр. 150.

придерживается несколько иного мнения, видя в былине отражение двух женитьб Владимира: на греческой царевне Анне и на Рогнеде¹.

Итак, общепринятым в настоящее время является мнение о зависимости образа былинного Добрыни от Добрыни исторического. Оно давно и прочно вошло и в советскую учебную литературу. «Есть некоторые основания предполагать, что прототипом былинного Добрыни Никитича был исторический деятель древней Руси — сподвижник Владимира Святославича, его дядя по матери», — пишет П. Д. Ухов².

Только В. Я. Пропп, соглашаясь с тем, что летописный рассказ о женитьбе Владимира «несомненно очень близок к былине»³, все же считает безуспешным введение былевого Добрыни к историческому лицу.

В. Пропп отрицает значение Добрыни в данной былине и считает основным ее героем Дуная. Последний, по его мнению, является в основном отрицательным персонажем, В. Пропп даже называет его изменником и «подлым, себялюбивым убийцей»⁴. Подобного рода оценка положительного былевого персонажа, любимого народом, называемого им «Дунаюшком», неисторична, так как не считается с нравами периода военной демократии. Былина явно симпатизирует «Дунаюшку», хотя жалеет его жену, Настасью, убитую им. Народ примиряется с Дунаем, ужаснувшимся своей вины и искупившим ее самоубийством.

Факт остается фактом, что летописи рассказывают о Добрыне, дяде Владимира, брате его матери Малуши, ключницы княгини Ольги. Интересно сообщение неизвестного старым исследователям Устюжского летописного свода (восходящего к XV в.), который так разъясняет родство Владимира с Добрыней: «Владимер бо бе от Малки-ключницы Ольжини; Малка же бе сестра Добрыне, отец ея бе Малк Любутчанин; бе бо Добрыня Малков сын, дядя Владимеру по матери»⁵. Будучи сы-

¹ В. И. Чичеров. Об этапах развития русского исторического эпоса, «Историко-литературный сборник», 1947, стр. 14.

² Русское народное поэтическое творчество, Учпедгиз, 1956, стр. 332.

³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 572.

⁴ Там же, стр. 143 и 153.

⁵ Устюжский летописный свод, М.—Л., 1950 (под 970 г.).

ном Малка, былевой Добрыня носил раньше отчество «Малкович» или «Малкитич», откуда впоследствии могло получиться его былевое отчество — «Никитич».

Характерно, что в отдельных текстах Добрыня вступает как племянник Владимира¹, которого называет дядюшкой. На самом же деле, как дядя Владимира, Добрыня был его родичем, т. е. «племянником» в древнем значении этого слова.

Летописи повествуют о Добрыне как видном деятеле эпохи. Он воевода Владимира I Великого, «и храбор и наряден мужъ». Он сватает Рогнеду в Полоцке для Владимира, он также — новгородский посадник, распространитель христианства на Руси, человек, выполняющий ряд ответственных поручений Владимира в разных странах. Постоянные разъезды былевого Добрыни, такие черты этого образа как «вежество», дипломатичность, тактичность, ученость и т. п., являются достаточно веским доказательством отражения в былинах дипломатических и других поручений, полученных Добрыней от Владимира Святославича. Роль Добрыни, как ближайшего советчика киевского князя, его правой руки, хорошо отражена в былинах. Нельзя закрывать глаза и на тот факт, что в былине, как и в летописях, отец невесты отказывается выдать дочь за Владимира, считая его недостойным такого брака. Летописная Рогнеда называет Владимира «робучичем», в былинах о женитьбе Владимира его неожиданно называют «нищим», «убогим», «каликой перееzzжим»².

В истории Галицко-Волынской Руси большую роль сыграло княжение волынского князя Владимира Васильковича, отличавшегося многими положительными качествами. Самым примечательным лицом, связанным с его деятельностью, был его воевода — Дунай. Его имя упоминается неоднократно в связи с событиями 80-х годов XIII в.³. Согласно летописям, Дунай был очень хорошо известен в Польше и пользовался там большим уважением как опытный военачальник. Это подтверждается тем, что приглашенный на краковское княжение князь Конрад просил Владимира Васильковича прислать свои войска именно под началом Дуная, что дол-

¹ П. Киреевский, II, стр. 19, 45.

² А. Григорьев, II, стр. 66; ср. стр. 364.

³ Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 583, 585, 586, 598.

жно было наилучшим образом свидетельствовать о союзе Конрада с Волынским княжеством. Дунай ездит по поручению Владимира в Литву с дипломатическими заданиями, за военной помощью. Так же былевой Дунай служит князю Владимиру и в то же время хорошо известен королю «Полтовскому, страны Польский», так как он здесь раньше служил (не исключено, что былина сообщает нам здесь действительный факт, не зафиксированный в летописи). Совершенно ясно, что образ былевого Дуная возник на основе волынско-польских отношений и сохранил весьма существенные, хотя и немногие черты исторического Дуная.

Довольно хорошо прослеживается связь с историческими событиями и в былине о братьях Ливиках. В ней речь идет о нападении племянников (читай — родичей) короля Литовского на владения Романа. И. Жданов считал эту былину отражением борьбы галицкого князя Романа Мстиславича с польскими князьями Лешком и Конрадом¹. Подобных взглядов придерживались Петрушевич, Бессонов, Пыпин, вначале и В. Миллер. Однако впоследствии А. Марков убедительно доказал, что эта былина рассказывает о борьбе брянского князя Романа с Литвой и возникла в XIII в.².

Брянский князь Роман был сыном известного Михаила Черниговского, убитого в Орде в 1245 г. и объявленного «святым». С 1263 г. Роман Брянский одновременно княжил в Чернигове и Брянске³. Поход литовцев на Брянское княжество относится к 1263 г., в это время Роман выдавал свою dochь за Владимира Васильковича, волынского князя. Наименование города Брянском выступает в ряде вариантов былин совершенно явственно. Очень крепко держатся в былине следы столкновения именно с Литвой; во всех вариантах упоминаются литовцы или подобные по звучанию наименования, «пановья», в некоторых вариантах врагом оказывается «сын Ягайлов»⁴. Роман по былине — Дмитриевич, в иных

¹ И. Н. Жданов. Соч., т. I, СПб, 1904, стр. 821; Русский былевой эпос, стр. 425—523.

² А. В. Марков. «Из истории русского былевого эпоса», в. I, М., 1905, стр. 6—30.

³ См. Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику, СПб, 1892, стр. 198.

⁴ Киреевский, в. 5, стр. 92 и далее.

текстах он превращается в Митрия Бранского, на самом деле он — Роман Михайлович. По мнению Маркова, в первой половине XIV в. в былину вошло имя брянского князя Дмитрия. Добавим, что, согласно Любецкому синодику, Роман, который и в летописи называется Брянским, имел прозвище «Старый»¹, и это, может быть, объясняет, почему в былинах он изображен таким опытным и мудрым.

Не согласился с мнением А. Маркова В. Пропп, который придерживался того взгляда, что данная былина создана в XVI в. и отражает войну Москвы с Ливонией². Пропп игнорирует многократно упоминаемый в текстах былины Брянск как основное место действия и имя князя — Роман, причем не в состоянии объяснить, откуда же при его понимании произведения взялся бы в тексте этот Брянск, который певцы путают с Москвой. Не ясно ли, что такой город, как Брянск, после XVI в. никак не мог бы вытеснить Москву из былин, между тем как Москва вполне естественно заменила собой в некоторых вариантах Брянскую землю как исчезнувшую самостоятельную государственную единицу. Симптоматична та теоретическая основа, на которую ссылается В. Пропп, для того чтобы опровергнуть мнение Маркова. Он заявляет, что вообще попытки исторической школы выяснить вопрос о том, «кто тот Роман, которого народ здесь изображает», не основательны, так как вообще подобного рода попытка «неправомерна по отношению к эпосу, поэтому на данный вопрос не был и не мог быть найден убедительный ответ»³. Здесь автор не считается с фактами. Естественный, постоянно фиксируемый в народном творчестве процесс наслаждения нового на старую основу, заметный в этой былине очень ясно в виде наслаждения образов московской действительности на события борьбы Брянской земли с Литвой, игнорируется и подменяется ничем не подтвержденным заявлением об изначальности этих поздних элементов в былине. При этом остается совершенно не объясненным появление в былине явственно выступающего старого брянского слоя, а также упоминание о «Печенеж-

¹ Р. В. Зотов, указ. работа, стр. 285.

² В. Я. Пропп, указ. работа, стр. 408,

³ Там же, стр. 588.

ской земле», естественное еще для XIII в., но неестественное для XVI в.

А. Марков дал довольно удачную попытку объяснения былины о Глебе Володьевиче, новгородском князе, выручающем русские корабли под Корсунем. По мнению исследователя, былина отражает русский поход под Херсонес (Корсунь) 1077 г., в котором участвовали новгородский князь Глеб и Владимир Всеволодович Мономах¹. Это тот самый Глеб, который княжил в Тмутаракани, потом в Новгороде, который смело убил волхва на глазах толпы в 1071 г. Отчество «Володьевич», по мнению Маркова, перешло в былинах на Глеба в результате слияния образов обоих русских князей, принимавших участие в походе. Эта гипотеза более или менее вероятна, но отмечу все же, что «Володьевич» был бы более естественен от имени «Володарь», нежели «Всеволод».

А. М. Астахова, публикуя новую запись былины, указывает в своих примечаниях, что изображенное здесь «перехватывание подкопов, через которые происходит снабжение провиантом осажденного города», напоминает летописный рассказ о взятии Владимиром Корсуня². Астахова, таким образом, несколько дополняет анализы Маркова.

Былина эта известна, к сожалению, лишь в пяти вариантах, что ограничивает возможности ее изучения. Между тем следует напомнить о распространенности на Юге легенд, в которых, как и в былинах, выступает образ женщины — правительницы большого портового города, ранее принадлежавшего иноземцам. Вполне возможно, что плодотворным окажется сопоставление былины (куда имя правительницы Маринки Кайдаловны, по всей вероятности, попало более или менее случайно) с героиней указанных легенд — Белозеркой. Возможно не окажется в стороне от этого анализа и героиня одной из записанных Марковым былин — Белолюбиха, царица города Любова, куда приходит Илья, чтобы спасти город от Идолища. В таком случае окажется возможным найти объяснение довольно загадочно сложившимся близким отношениям Ильи Муромца и Маринки

¹ А. Марков. Из истории..., в. I, М., 1905, стр. 30—66.

² Астахова, I, стр. 563—564.

Кайдаловны, которые пытался в свое время осветить В. Миллер¹. Интересно, в одном из новых вариантов (Астахова, «Былины Севера», т. I, № 15) Корсунь назван «незнаемым городом» (ср. «поле незнаеме среди земли Половецкый» в «Слове о полку Игореве»). Отметим, однако, что наименование города Корсуня и «Корсунского моря» в общем последовательно сохраняется в былине². Возможно, что на сюжет былины повлиял и последующий поход (1095 г.) русских князей Владимира Мономаха, Давида Игоревича и Ярослава Ярополича на Корсунь (Херсонес). Этот поход, окончившийся полной победой, был вызван как раз ограблением русских кораблей корсунянами. Данные об этом походе, по сообщению Татищева (т. II, прим. 312), почти во всех летописях отсутствуют, имеются только в некоторых Степенных книгах.

Весьма сложным является вопрос об историческом прототипе Алеши Поповича. Многие исследователи связывали былевого Алешу с летописным Александром Поповичем, сведения о котором мало согласованы, и относят его то к XI, то к XIII вв. Л. Майков относил Алешу к XI в., Дашкевич, больше других занимавшийся этим образом, — к XIII в.³ Зафиксированный в Тверской летописи факт, решение созванных Александром Поповичем богатырей отправиться служить «единому великому князю в матери градом Киеве», Дашкевич удачно соопределяет с одним из вариантов былины, где Алеша отправляется в Киев с ростовской дружиной, освобождает город и потом встречается с Муромцем и Добрыней⁴.

Взгляды Дашкевича ныне должны быть пересмотрены в свете ценного исследования Д. С. Лихачева⁵. Автор опроверг установившиеся было взгляды, касающиеся происхождения летописных данных об Алеше

¹ В. Миллер. Очерки..., т. II, стр. 296—297.

² См. особенно А. Марков, № 80.

³ Н. Дашкевич. К вопросу о происхождении русских былин. Былины об Алеше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей, К., 1883.

⁴ П. Ефименко. Материалы по этнографии рус. населения Арханг. губернии. Труды этнографического отдела..., кн. V, вып. 2, М., 1878, стр. 25—32.

⁵ Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. Труды отдела древнерусской литературы, т. VII, М.—Л., 1949.

ксандре Поповиче. По его мнению, мало вероятно участие героя в битве при Калке. В фольклоре XIII в. должен был быть местный ростовский богатырь с таким именем, он стал общерусским в конце XIV — начале XV вв. Разные летописцы в разное время отразили в своих сводах различные произведения об одном и том же герое. Тверская летопись, заключающая наиболее подробный рассказ о нем, сообщает о службе его, ростовца родом, со своим слугой Торопом великому князю Всеволоду Юрьевичу, потом его старшему сыну Константину. Он защищал Ростов и во время одного из нападений Юрия (брата Константина) убил его богатыря Юряту. Он оказался также виновником смерти боярина Ратибора, служившего Юрию, поэтому после смерти Константина Попович опасался мщения Юрия, ставшего великим князем. Попович собрал русских храбров на совет и они приняли решение служить единому общерусскому киевскому князю Мстиславу Романовичу.

В свете нашей проблемы особенно важен вопрос о том, существовал ли вообще исторический Александр Попович. Д. Лихачев доказал, что сведения о нем попали в летопись из устных источников и в то же время исследователь не сомневается, что этот былевой образ отражает деятельность исторического лица.

Связь былевого Алеши Поповича с летописным Александром Поповичем очевидна. Имя и прозвище (Александр на древнерусской почве переходил в Олешу, в Тверской летописи герой даже назван «Олешка Поповничъ»²), имя его оруженосца, «паробка» Торопа³, ростово-суздальское происхождение и переезд в Киев, — все это совпадает.

Особый интерес представляет не замеченное еще наукой отражение в былинах летописного поединка Поповича с Юрятой, выдающимся храбром, сражавшимся в дружине Юрия, который боролся со своим братом за наследие Всеволода Большое гнездо. Найденная Д. Лихачевым повесть о Поповиче и Троицкая летопись сообщают о смерти Юрьты от руки Поповича и о возможности

¹ Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче, стр. 51.

² ПСРЛ, т. 15, СПб, 1865, стр. 323.

³ Н. Тихонравов и В. Миллер, отл. I, стр. 60.

мщения ему со стороны Юрия. Очевидно этому событию посвящена былина «Ярюк-богатырь»¹. Певец помнил лишь основной эпизод былины. Причина поединка упрощена, она заключается едва ли не в стремлении Алеши отобрать у Ярюка молодую жену (впрочем, этот мотив может быть остатком традиционной похвальбы перед боем). После резкого диалога весьма скжато изображен сам поединок, в котором молодой Ярюк ударил саблей Алешу и убил его, затем следует взятая из другой былины концовка: «То-то Алеша на моей жене женат бывал». Изображенная в этой полуза- бытой былине гибель Поповича скорее всего является результатом позднего представления о нем как о хвастуне и любителе чужих жен. Он гибнет как нарушитель бытовых норм. Во всяком случае эта редкая былина сохраняет память о трагически закончившемся бое между Алешей и богатырем, имя которого «Ярюк» возникло из «Юрата» в результате естественной перестановки гласных и, может быть, в связи с ассоциациями со словами «ярый», «яриться». Былина свидетельствует, что до XIX в. фольклор помнил о Юрите, как о богатыре тех же времен, что и Попович, т. е. начала XIII в. Выходит, что Попович был изображен в фольклоре с кругом других, относящихся к нему лиц, и это усиливает мнение о его действительном существовании в указанное время.

Историческую основу имеют, по-видимому, былины о бое Алеши Поповича с Тугарином. Этого Тугарина многие исследователи, следом за Орестом Миллером, сближали с Тугорканом² на основании сходства имен (ср. Тугор-кан и Тугар-ин), родственной связи Тугоркана с киевскими князьями (ср. поведение Тугарина по отношению к жене Владимира), поражения Тугарина Владимиром и погребения близ Киева в 1096 г. По всей видимости в этом сюжете Владимир был впоследствии заменен Алешей Поповичем, ввиду эволюции образа Владимира, на которой мы остановились в другом месте нашей работы. Если эта гипотеза верна, то основа былины была создана на рубеже XI—XII вв.

¹ Гильфердинг, III, № 319. Записано в 1871 г., от И. Гусева, 88 лет.

² См., например, В. Миллер, Очерки..., II, 97—168; III, 41—44.

В целом ряде других былин разные исследователи также находили отражение исторических событий.

Былина о Михаиле Козарине Петровиче повествует о приезде молодого богатыря из Галицко-Волынской земли в Киев и о последующем затем освобождении им в степи своей сестры от захвативших ее татар. В. Миллер находил в этой былине отражение военных действий дружины киевского князя Святополка (Михаила), современника Владимира Мономаха, с половцами¹. Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, сообщая под 1106 г. об освобождении захваченного половцами полона, приводят и имя одного из главных героев — Козарина. Происходили события на Волыни. Отмечает исследователь и тот факт, что в так называемом Архангелогорском летописце Козарин упомянут с отчеством Петрович, как в былине.

Былина о Ставре изображает героя как относительно независимого от киевской власти феодала (боярина или князя), проживающего в Чернигове или каком-то другом городе и засаженного в поруб по распоряжению Владимира. Освобожден он был своей ловкой женой, переодевшейся в «грозного посла». В. Миллер в этой былине отыскивает память о заточении новгородского боярина Ставра Владимиром Мономахом в Киеве². Событие это отмечено именно лишь Новгородской I летописью под 1118 г., оно могло быть отрицательно оценено новгородцами уж потому, что последние требовали, чтобы их не судили в других городах. Поэтому Миллер предполагает возникновение первоначальной песни в новгородской земле (с дальнейшими переделками не позже XV и потом в XVI—XVII вв.).

Былину об Иване Гостином сыне В. Миллер предположительно связывал с Владимиром Мономахом и ее возникновение относил к новгородской земле³. Основания для последнего приурочения были особенно шатки. В. Миллер опирался на то, что ничего богатырского в былине нет, что она имеет, якобы, «купецкий характер», что действующий в былине черниговский владыка (т. е. епископ), поддерживающий Ивана и противопо-

¹ В. Миллер. Очерки..., II, стр. 1—31; III, стр. 34—35.

² Там же, I, стр. 263—285; III, стр. 36—37.

³ Там же, I, стр. 233—247; III, стр. 37—39.

ставляющий себя Владимиру и всему киевскому двору, больше напоминает властных новгородских архиепископов. Однако ошибочна посылка Миллера, согласно которой выходит, что лишь Новгород мог отражать образы торговых людей; ошибочна и оценка черниговских епископов, игравших большую политическую роль, в особенности в период конкуренции Чернигова с Киевом. Отказ Миллера видеть в данной былине древнее южное наследие, таким образом, совершенно неоснователен.

Наиболее распространенные сюжеты сообщают о pari между Владимиром и Иваном Гостиным сыном в том, что последний на своем коньке проскачет меж Киевом и Черниговом за время между обедней и утреней. Но до такого состязания дело не дошло, так как конь Ивана напал на коней Владимира и поранил их. В результате князю пришлось отдать свой заклад. Отмечу, что исследователи не обратили внимание на те варианты, в которых вообще нет речи о состязании в скорости, а по сути просто изображается бой коней и соответствующие pari зрителей¹. О подобных боях идет речь и в исландских сагах². Владелец коня получает заклад.

Былина хорошо отражает соперничество Чернигова с Киевом, характерное для X—XII вв., причем симпатии певца на стороне представителя Чернигова, что может быть свидетельствует о месте ее сложения. Помнит былина о расстоянии между этими городами и о возможности для хорошего всадника преодолеть его за время между обедней и утреней. Можно считать, что обе редакции былины весьма древни и что мнение Погодина о том, что в ней «осталось наиболее следов древности»³, имеет оснований во всяком случае не меньше, чем теория Миллера.

В былине о Калине-царе очень многие исследователи видели отражение трагической битвы на Калке в 1223 г. По мнению В. Миллера, тому же событию посвящена и былина «Камское побоище» (о гибели богатырей на Руси), которая сродни предыдущей и представляет бо-

¹ А. Григорьев, I, № 90(126), 127(163), 129(165).

² Например, сага о Ньяле. См. Исландские саги М., 1956, стр. 542, 627.

³ Н. Погодин. Замечание о наших былинах, ЖМНП, 1870, XII, стр. 162.

лее раннее поэтическое образование по сравнению с ней¹. Действительно, как свидетельствуют внесенные в летописи и заимствованные из фольклора упоминания о богатырях, по народным преданиям Александр Попович и многие другие богатыри погибли в этой битве. Гибель дружины русских богатырей изображает и «Камское побоище». Глава богатырей Самсон Колыванов, это — «историческое новгородское лицо XIV века», попавшее в былину потому, что «долго бродила в новгородских местах», но не играющее большой роли в сюжете². Наименование побоища «Камское» производят от «калкского», так же объясняют и имя Калин. В последнем, однако, можно усомниться, ибо это имя не искусственное, оно и ныне встречается в Закарпатье.

Многие ученые считают прототипом образа князя кудесника Вольги (Волха) Всеславича — известного исторического князя Всеслава Полоцкого. Д. С. Лихачев придерживается теории, близкой к указанной. Всеслав, по его мнению, был популярен среди смердов, это подтверждается восстанием 1068 г., когда киевляне, разбив поруб, освободили Всеслава и передали ему великокняжескую власть. Всеслав, как и Олег Вещий, славился как кудесник, а эта черта особенно подчеркнута в образе Волха Всеславича. Основа подобного образа, по мнению исследователя, коренится еще в дофеодальном периоде³.

Представляет собой интерес и сопоставление В. Миллером былины о Даниле Ловчанине с историей гибели рязанского князя Федора в Орде, в частности, как она изложена в сказании о Феодоре и Евпраксии⁴. Черты характера Батыги в былине впоследствии были перенесены на образ Владимира, сильно сниженный в нравственном отношении.

Ни в коем случае нельзя отбросить сближение былевых Василия Буслаева и купца-гусляра Садко⁵ с известными летописям деятелями Новгорода Великого. Весь колорит былин с борьбой на Волховском мосту,

¹ В. Миллер. Очерки..., II, стр. 32—59, 60—68; III, стр. 67—68.

² Там же, III, стр. 68.

³ Д. Лихачев. Возникновение русской литературы, стр. 74.

⁴ В. Миллер. Очерки..., I, 317—322; III, 70—71.

⁵ Упоминание о Садко, как о строителе церкви, относится к 1167 г.

с широким изображением богатейшей новгородской торговли, связанной с дальними морскими путешествиями, братчинами и многими другими чертами новгородского быта, знание певцами водного пути из Новгорода и проще ясно свидетельствует, что совпадения имен героев в этих, очевидно, новгородских былинах и новгородских (и псковских) летописях ни в коем случае нельзя игнорировать.

Независимо от того, заимствованы ли из фольклора летописные упоминания об этих героях, все же характерно, что летописи связывают их с новгородской жизнью середины XII в. Мифологические элементы в этих былинах также поддерживают предположение об их древности. Нет основания считать, что исторических прототипов Садко и Василия Буслаева не существовало.

Имеет, очевидно, основание М. Скрипиль, видя в былине о Сухмане отражение какого-то конкретного эпизода борьбы русского народа с татарами¹. По его мнению, в XVI в. эта былина осложнилась сближением с событиями во время Куликовской битвы на реке Непрядве и также включением имени Мамая.

К приведенным данным я должен добавить еще результаты собственных наблюдений над несколькими сюжетами, о которых здесь еще не шла речь².

Былины о Василии Игнатьевиче принято рассматривать в связи с нападением Батыя на Киев, к тому же она часто считается коренным образом переработанной в период «смуты». Богатырь Василий Игнатьевич выступает в этой былине как представитель наиболее демократической части населения, находящийся в остром конфликте с княжеско-боярской верхушкой, совершающей прямую измену во время осады города врагом. Василий обороняет город, защищая трудовое население и в то же время разными путями стремясь уничтожить боярство. Считая, что подобные ситуации могли возникать и до XVI—XVII вв. и присматриваясь к образам произведения, видим, что под более поздними напласто-

¹ Русское народное поэтическое творчество, I, стр. 339.

² Приводимые здесь соображения являются лишь предварительной публикацией.

ваниями можно различить гораздо более древнюю основу.

Былину о Василии Игнатьевиче и тесно связанную с ней украинскую песню-легенду о Михалко и Золотых воротах, а также украинскую легенду о Батие мы ставим в связь со старыми киевскими, польскими и греческими и поздними запорожскими преданиями, с летописными сказаниями о смерти Святополка и об Анастасе Корсунянине и устанавливаем, что первоначально былина была посвящена событиям 1018 г. Это было неожиданное, первое в истории падение столичного города, скоро, однако, сменившееся поражением противников. Создание эпоса об этом событии объясняется тем волнением, которое было вызвано им на Руси в народных массах.

В 1018 г. состоялся поход Болеслава I, имевший поводом посадить на киевский стол Святополка (так называемого, «Окаянного»), бывшего зятем Болеслава, свергнув Ярослава Мудрого. Киев был захвачен Болеславом с помощью печенегов, но после этого русское население повсеместно начало избивать размещенных в городах захватчиков, и очень скоро Болеслав был вынужден спешно уйти, захватив с собой, впрочем, много богатств и среди них, согласно преданиям, створки Золотых ворот Киева. Святополк же бежал из Руси и умер в Карпатах; об этом паническом бегстве и бесславной смерти Святополка сообщает полная презрения к изменнику и братоубийце летописная повесть.

Былина имеет знаменитый запев о трех турах, пребегавших мимо Киева. Этот запев давно расшифрован как сообщение о тяжких испытаниях, предстоящих городу Киеву, между тем как дальнейший сюжет разработан в радостных тонах. Такой колорит произведения имеет причиной быстрое и счастливое окончание столь трагично начавшегося события. В то же время изображенный в запеве путь тurov из местности «меж чехи и лехи» пролегает там, где бежал Святополк и, вероятно, намекает на место гибели его, значит, на судьбу главного отрицательного героя событий.

Подступивший под город противник не является татарским войском; в ряде вариантов проглядывают следы старого текста («пановья», «панище», «Подольский царь», возникший из «польского князя»), свидетельствующие

о том, что противником были поляки. Упоминание имени Батыя в этой былине ограничено исключительно Онегой и оно принадлежит, очевидно, к относительно позднему слою. Зато среди врагов обычен Кончак и другие половецкие ханы, к тому же они названы не в роли главного вражеского военачальника, а в роли его союзника. Эти половецкие имена, естественно, могли подменить имена печенежских предводителей, бывших также лишь союзниками Болеслава. Исключительная тучность последнего, вероятно, зафиксирована в образе того «панища большерослого», посла, которого в былине посылает в Киев вражеский предводитель. Судьба Золотых ворот особо выпячена в упомянутой украинской легенде о Михалке, представляющей собой вторую редакцию древнего произведения, первой редакцией которого является былина о Василии Игнатьевиче. Тем самым и былина связывается с Золотыми воротами и их исчезновением, происшедшим при отступлении Болеслава.

Что касается изображенного в былине социального конфликта, то он, вероятно, отразил народные волнения в Киеве во время описываемых событий, выразившиеся, в частности, в избиении польских воинов в городе и в проявлении ненависти к боярству, принадлежавшему к лагерю Святополка. О том, какого размаха достигала классовая борьба в Киеве в подобных случаях, свидетельствуют народные волнения 1068—1069 гг., вспыхнувшие в связи с новой угрозой Киеву. Основная же идея былины выражена в ее концовке, где побитый враг, убегая из Руси, клянется за себя и за своих детей никогда не бывать под Киевом. Былина предупреждала врагов, что, несмотря на возможное предательство господствующего класса, «Русь не пуста стоит», народ ее всегда защитит.

Дальнейшая история данного сюжета довольно сложна и связана с целым рядом других фольклорных произведений. Очевидно, основательно мнение о наличии в былине слоя XVI—XVII вв. (отмежевание князя от бояр во время расправы народа с ними, презрительно краткие имена героев, описание кабака), но первоначальная его историческая основа довольно отчетливо связывается с XI в. Временем возникновения произве-

дения, лежащего в основе данной былины и легенды о Михалко и Золотых воротах, можно считать 1019—1022 гг., когда еще продолжались военные действия.

Относительно ясные черты киевской эпохи раскрываются в былине о набегах Чуриловой дружины. Во время пира к Владимиру приходят группы жителей Киева с жалобами на бесчинства дружины Чурилы. Владимир, который недавно живет в Киеве, не знает Чурилы. Оказывается, что это самостоятельный феодал. Отправившись к нему во главе большой свиты, Владимир знакомится с ним, узнает о его исключительном богатстве и многочисленной дружине, значительно превышающих то, чем располагает сам Владимир. Несмотря на такие преимущества, Чурила признает свою зависимость от Владимира.

Сутью сюжета былины является *добровольное* признание феодалом своего вассалитета по отношению к киевскому великому князю, т. е., выражаясь летописной формулой, Чурила «соторвся мний»¹, т. е. совершил благородный с точки зрения народа поступок. Идея произведения народа, она требует от князей прекращения усобиц, мирного разрешения вопроса о старшинстве, подчинения закону, праву, показывая пример того, как могущественный феодал добровольно подчинился более слабому властителю, имевшему, однако, право на велиокняжескую власть.

Точное приурочение былины к одному из многих аналогичных фактов затруднительно. Однако Владимир изображен, как кажется, удельным князем (князь-вотчинник знал бы своих соседей); Русь данной былины — это Русь удельная. На основании этого можно датировать былину примерно XI — началом XII в. О том же говорят судебные функции великого князя и полученная у Чурилы вира, ловля зверей тенетами, образ Чуриловой дружины, организованной на военный лад и в то же время занимающейся различными работами в феодальном хозяйстве.

Имя Чурилы (в несколько измененном виде) встречается в ряде украинских песен и баллад, что свидетельствует о его южном происхождении. Связь героя украинских песен с былевым Чурилой подтверждается одной

¹ Ср. Летопись по Ипатьевскому списку, 1871 г., стр. 215 и 217.

украинской песенкой, где Чурила упомянут вместе с другим богатырем — Потыком.

Былина о Дюке Степановиче изображает приезд в Киев иноземного феодала, его конфликт с великокняжеским двором и особенно — с местным богачом Чурилой, соревнования с последним, во время которых выявляется явный перевес Дюка как в богатстве и изысканности одежды, так и в богатырском молодчестве. В конце сюжета посланные Владимиром в Дюкову посельицу переписчики убеждаются в том, что она неизмеримо богаче, чем сам Киев.

Попытки выяснения исторической основы былины не имели успеха уж потому, что не было обращено внимания на местность, названную былиной в качестве посельица Дюка. Это не просто Галицко-Волынская земля, как обычно считают, а Нижний Малый Галич¹, входивший в состав Нижнего Подунавья (Подунайской Руси), с которым сливалось Галицко-Волынское Понизье. Это — нынешний Галац, где в XII—XIII вв. и раньше проживала масса восточнославянского населения — подунайцев. Это население, как впоследствии казаки, отличалось особым удальством, что должно было содействовать его популярности на Руси.

Малый Галич (бывший в то же время и Нижним, так как находился в низовьях Дуная и других рек) был богатым торговым городом, связанным (как и теперь) со многими морскими портами, так как был доступен для самых крупных кораблей. Это был форпост Руси на ее юго-западной оконечности, через него шла вся торговля Галицко-Волынской Руси с Византией, Болгарией, Венгрией, итальянскими городами и Востоком. Грамота Берладника свидетельствует, что уже в первой половине XII в. он был местом сбора мыта в пользу князя с местных и привозных товаров.

Дюк приехал из Малого Галича. Герой назывался «дюком», т. е. воеводой, герцогом, князем, ибо «дюками» назывались правители ряда бывших византийских провинций, в частности — в Молдавии. Многие пра-

¹ См. тексты в сборниках: Ончуков, 24; Астахова, I, № 71, 90; Северное народное творчество, Архангельск, 1939, 17; Н. Леонтьев. Печорский фольклор, Архангельск, 1939, № 10. Былины Печоры и Зимнего берега, М.—Л., 1961, № 13 и 84.

вители к своему родному имени прибавляли имя Дюка¹. То же видим в былине. Отметим еще, что в Молдавии имя Стефан было особенно распространено среди правителей.

Для выходца из Малого Галича особенно характерно заморское происхождение принадлежащих ему вещей. Отсюда акцент былины на разных диковинках. Для подунайцев характерно молодчество — отсюда образ Дюка как идеального всадника, удальца. Путь Дюка через Буковину был в самом деле весьма опасным в описываемую эпоху, отсюда боязнь матушки отпустить его. Характерно и упоминание о существующем именем, «мокром» пути, который весьма долгий²; это был путь по Черному морю и Днепру. Если бы Дюк ехал из Галича, на его пути не было бы гор, не спрашивали бы у него — ехал ли он водой? «Палань-гора», отличающаяся особенной красотой, через которую ехал Дюк³, это не плавнина, как ранее предполагалось, а карпатские полонины (на что указывает полногласная форма слова), привлекающие своей красотой всех и в наше время. Один из основных хребтов Восточных Карпат так и зовется «Полонинскими Карпатами». Ни в каком другом сюжете это «местечко повыше всех» и «покраше всех»⁴ не встречается. Характерно, что подъезжающие к городу Дюка люди видят его с горы. Это соответствует расположению Малого Галича, между тем как Галич находится на горе.

Возникновение былины можно датировать периодом с конца XII в. (иначе не упоминалась бы в былинах Волынь для уточнения местонахождения Малого Галича) до 1240 г., когда Киев был разгромлен татарами, потерял свое значение и приезд сюда правителя одного из отдаленных русских владений как будто уже не имел смысла.

Тесная связь образов былины с образами колядных величальных песен (описание Дюкова двора, образ

¹ «Wielka Enc. Powszechna Ilustrowana», Warsz. 1896, XVII, стр. 254.

² Тихонравов и Миллер, № 50; ср. Рыбников, I, № 63, Гильфердинг, II, № 159.

³ Гильфердинг, III, № 218; ср. Соколов-Чичеров, № 188; Рыбников, II, № 130.

⁴ Астахова, I, № 90.

идеального всадника-сокола, его коня-«бахмата», заморского орла, стиль рассказа, настроение певцов) доказывают величальный характер всей былины по отношению к Дюку, она воспевает его. Ряд других данных, выявляющихся при сопоставлении с украинскими песнями, свидетельствует о симпатиях к герою со стороны социальных низов и даже о желании сблизить Дюка со своей средой.

Былина рассказывала о приезде в Киев правителя самой западной оконечности Русской земли, носившего местный титул «дюка» (и присоединившего это имя к своему), для укрепления связей этой окраины с центральной властью. Он подтверждает свой вассалитет, отсюда и его соперничество с Чурилой, другим богатым вассалом Владимира. Народ сравнил их и отдал предпочтение Дюку, ввиду значения Малого Галича и симпатии певцов к «выгонцам», населению Подунавья, славившемуся своим воинским искусством и удальством.

Главная идея былины — обращенный к правителям всех русских земель призыв к единству и укреплению центральной власти. Эта идея народная. Так возникла величальная песня о приезде в Киев и об удальстве подунайца Дюка Стефана из Нижнего Малого Галича, воплотившая симпатии народа к населению юго-западной Руси.

Акад. Б. Рыбаков в уже упомянутой работе (стр. 5) значительно дополняет данные об отражении в былевом эпосе событий киевского периода. Ввиду того, что опубликована только часть статьи, мы не имеем возможности ее здесь рассмотреть.

Я не упоминал о других, более сомнительных сближениях конкретных былин с историческими событиями раннефеодальной эпохи; немало гипотетических сопоставлений можно найти еще в работах упомянутых и неупомянутых исследователей¹. И среди приведенных выше сближений, может быть, есть и такие, которые следуют оспаривать. Однако опровергать их можно, только самым добросовестным образом пересмотрев всю аргументацию исследователей, а не так, как это иногда делается, без серьезного разбора, когда ученый, кинув

¹ См., например, Ю. Соколов, Русский фольклор, Учпедгиз, М., 1941, стр. 253—254.

пару скептических замечаний, выдвигает собственную гипотезу, часто гораздо более шаткую и аргументированную лишь одним каким-либо наблюдением. Многие высказанные выше теории весьма доказательны. Иначе говоря, нам известны связи ряда былин с конкретными историческими фактами и лицами, а если мы знаем это в отношении нескольких былин, то какие основания для того, чтобы не искать подобных связей также и для многих других былин? Поэтому нет никакой необходимости, в угоду имеющемуся у отдельных ученых предвзятому мнению, согласно которому былины не могут отображать конкретных исторических фактов и лиц, отказаться от дальнейшего *всестороннего* изучения былин именно как *исторического* эпоса. Необходимо продолжать эту работу, проводя ее со всей научной осторожностью и в то же время с большим доверием к народному творчеству, в частности — к народной памяти, усиленной уверенностью масс в ценности и достоверности сообщаемых эпосом сведений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Астахова — Былины Севера; записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, М., т. I, 1938; т. II, 1951.
- Былины Пудожского края — Былины Пудожского края; подготовка текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и ред. А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1941.
- Гильфердинг — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, изд. 4-е, тт. I—III, 1949—1951.
- Григорьев — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I, СПб, 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, СПб, 1910.
- Гуляев — Былины и песни Южной Сибири; собрание С. И. Гуляева, под ред. В. И. Чичерова, предисловие Л. Славороссовой, Новосибирск, 1952.
- Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.
- Киреевский — П. В. Киреевский. Песни, М., вып. 1—10, 1868—1879.
- Кирша Данилов — Кирша Данилов. Древние российские стихотворения; подготовка текстов, статья и комментарии С. К. Шамбина, М., 1938.
- Марков — А. В. Марков. Беломорские былины, М., 1901.
- В. Миллер — В. Ф. Миллер. Былины новой и недавней записи из разных местностей России, М., 1908.
- Ончуков — Н. Е. Ончуков. Печорские былины, СПб, 1904.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Рыбников — П. Н. Рыбников. Песни, изд. 2-е, тт. I—III, М., 1909—1910.
- Соколов-Чичеров — Онежские былины, подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова, подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, М. Гослитмузей, 1948.
- Тихонравов и Миллер — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи, М., 1894.

Марк Моисеевич Плисецкий ИСТОРИЗМ РУССКИХ БЫЛИН

Редактор Т. Г. Липкина
Технический редактор Р. К. Воронина
Корректор В. А. Орлова

Сдано в набор 31.VII-1961 г. Подписано к печати 25.I-1962 г. Бумага 84×1081/32
7,5 печ. л. 12,3 усл. печ. л. 12,4 уч.-изд. л. Тираж 8000. А-02511. Изд. № г/40.
Цена 35 к. Зак. 2728.

Государственное издательство «Высшая школа»,
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 20.

Отпечатано с матриц Типографии № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза,
Ленинград, Измайловский пр., 29.

Типография № 1 Облполиграфиздата. Саратов, пр. Кирова, 27. Заказ 2189.